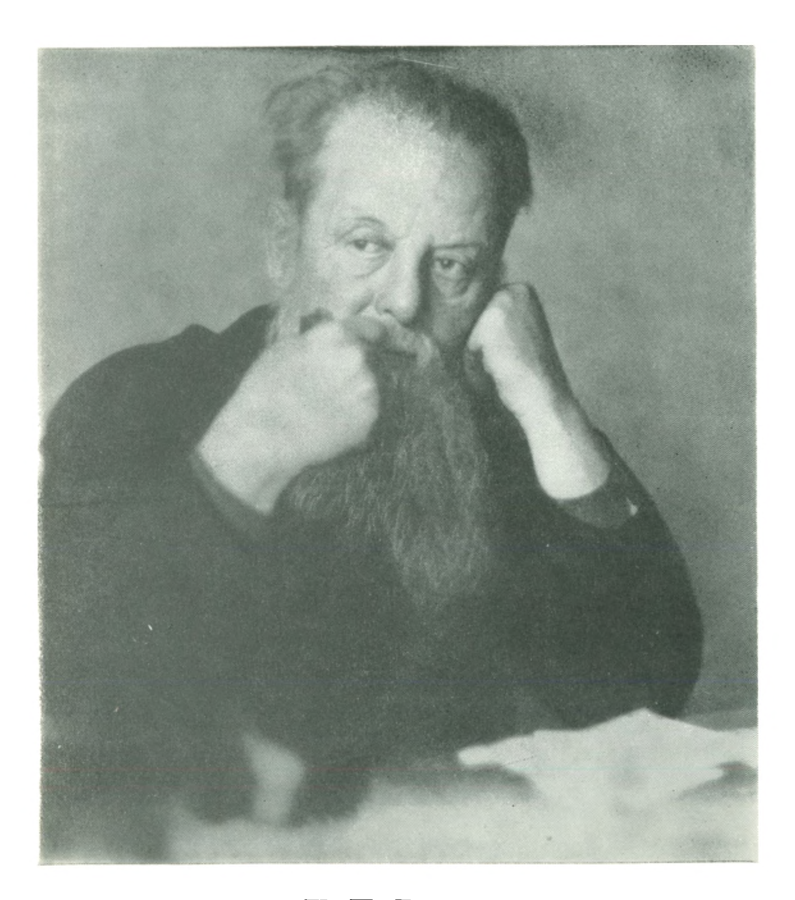
А.Бажова-Гайдар

ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ

А.Бажова-Гайдар
ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ

П. П. Бажов
(1879—1950 гг.)

А. Бажова-Гайдар

ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1978

8Р2
Б16

Бажова-Гайдар А. П.

Б16 Глазами дочери. Предисл. Е. Пермяка. М., «Сов. Россия», 1978.

192 с илл. на вкл.

Из книги, написанной дочерью писателя и выпускаемой к 100-летию со дня его рождения, читатель узнает, каким был Павел Петрович Бажов в кругу семьи, с друзьями. К нему приходили рабочие и писатели, колхозники и академики, солдаты и школьники. Он вел большую работу как депутат Верховного Совета СССР.

Эта книга в какой-то мере дополнит биографию писателя, особенно на ранних этапах: детство, годы учительства, гражданской войны, журналистской работы. Автор использует отрывки из дневников и писем писателя к родным и друзьям, наброски к произведениям.

В конце книги впервые публикуются незаконченные сказы, отрывок из сценария «Ермаковы лебеди».

Б $\frac{70302-117}{М-105(03)78}$ 8Р2

1978 г.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

О редкостном и, осмелюсь сказать, уникальном мастере уральских сказов и сказок Павле Петровиче Бажове написано значительно больше, чем им самим.

Первая критико-библиографическая книга «Павел Петрович Бажов», выпущенная издательством «Советский писатель» в 1947 году, принадлежит вдохновенному перу Людмилы Ивановны Скорино.

Книгу Людмилы Скорино можно справедливо назвать первопроходческой и ключевой хотя бы потому, что она создавалась не из пересказов третьих лиц, а из собеседований, многих встреч и длительных общений с ее заглавным действующим лицом — Павлом Петровичем.

После 1947 года о Павле Петровиче вышла немалая серия книг — о нем, его творчестве и жизненном пути. Перечень трудов, рефератов, статей, воспоминаний, писем, дипломных работ составили объемистый том, изданный в Средне-Уральском книжном издательстве.

Литература о Бажове так обильна, многогранна и раз-

носторонняя, что встретившийся в книжном магазине или в библиотеке с этой книгой А. Бажовой-Гайдар вправе предположить:

«А узнаю ли я из этой книги что-то новое?»

Опережая такой, вполне возможный вопрос, я отвечу со всей определенностью:

«Узнаете! Узнаете больше, чем вы можете предположить».

Подтверждая сказанное, замечу, что большая доля опубликованного о Павле Петровиче относится к литературоведению, к исследованию, разбору и толкованию произведений певца Урала и создателя всемирно известной книги «Малахитовая шкатулка». В меньшей доле жизнеописатели Бажова рассказывают о его биографии.

Не вдаваясь в оценку написанного о писателе, позволю себе заметить, что и немногие повествования о прожитом им не столь полны и подробны, как хотелось бы, какими они могли бы стать, если судить по множеству воспоминаний, пребывающих в стадии рукописей, писем и устных рассказов.

Несомненно, главное, определяющее личность писателя было и останется написанное им. Однако же есть и «подглавное», без которого нет полного представления о личности творца, будь им литератор, художник, композитор, артист...

Из ничего не рождается что-то.

Условия и обстоятельства жизни. Встречи. Суждения. Поступки. Радости и горести. Семья. Внешняя среда. Просчеты и бедствия. Счастливые и злополучные годы. Дети. Внуки. Родня. Любовь и дружба.

И неперечислимое множество на первый взгляд обыденных явлений, хотим мы или нет, сказываются на нашей судьбе. Писатель, как и каждый человек, не является в этом смысле исключением. И было бы заблуж-

дением утверждать, что все это не отражается в произведениях искусства и литературы.

Если это убеждает вас, то книга Ариадны Бажовой-Гайдар для меня ценна и дорога тем, что ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ (читайте: глазами всей семьи) я получаю счастливую возможность увидеть то, что не дано глазам стороннего, даже близкого дому Бажова человека.

Поэтому книга Бажовой-Гайдар «Глазами дочери» представляет особое, самостоятельное, первичное повествование, хотя и текущее в общем русле бажововедения, но особой, отличной от всех струй, своей струей. Струей своих речевых качеств и всего присущего написавшей это повествование. Написавшей сердечно, искренне, скромно, доподлинно любящей рукой дочери о своем отце, верной ему каждой строкой.

Трогает вас это или нет — не мне знать. Но я знаю, что прочитавший эту книгу не останется безразличен к величию души Павла Петровича Бажова.

И если бы Бажов не был так известен своими бессмертными уральскими сказами, окажись бы он тружеником любой другой профессии, то и в этом случае на страницах книги его дочери мы встретились бы с человеком, которого нельзя не полюбить. Павел Петрович Бажов был беззаветно предан великим ленинским идеалам, боролся за них и олицетворял их каждым своим прожитым днем и всем, из чего состоял писатель Бажов, оставшийся жить с нами и в нас своим неувядаемым талантом певца, человека, несгибаемого сына великой Коммунистической партии...

Евгений Пермяк

Двадцать пять лет я прожила с моим отцом — Павлом Петровичем Бажовым, для меня удивительным и неповторимым человеком.

Многие читатели «Малахитовой шкатулки» представляют себе ее автора старым сказочником, уральским дедушкой «Слышко». Это вполне объяснимо — ведь автором книги, принесшей ему известность, Бажов стал в шестьдесят лет. Почему так поздно? Наверное, потому, что большая часть его жизни протекала в бурное время трех революций, свидетелем и участником которых он был. Он не стоял в стороне от жизни страны: был добровольцем Красной Армии, партизаном, революционером-подпольщиком, журналистом первого советского призыва, общественным деятелем.

Глазами дочери трудно смотреть объективно, но, рассказывая о том, каким отец был дома, в кругу семьи и друзей, я стремилась дополнить тот образ писателя, который мог сложиться у читателя, никогда не знавшего Бажова, донести его живой голос, живые черты.

А. Бажова-Гайдар

ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ

Я проснулась от оживленных голосов мамы и сестер в соседней комнате, услышала глуховатый голос отца, его кашель, и мне стало горько и обидно, что я исключена из общего веселья, что должна спать и еще долго не увижу папу. Чуткое ухо отца уловило мой плач, и вот уже я, завернутая в одеяло, у него на руках, шелковинки его бороды ласково щекочут мой нос, он что-то говорит и тихо шагает по комнате вперед-назад, и я засыпаю, совершенно счастливая.

В годы моего детства отец работал секретарем редакции и заведующим отделом писем «Крестьянской газеты». Часто и подолгу не бывал дома. Без него скучно. Мама делает все как обычно, но не весело, старшие сестры куда-то убегают — все у них неотложные дела. Но вот отец возвращается из командировки с тяжелым портфелем и фотоаппаратом через плечо. Мамочка узнавала его шаги еще на улице и первой бежала навстречу. Вскакивали из-за своих чертежных досок сестры Ольга и Елена, спешила, с трудом переставляя больные ноги, бабушка, мамина мама. Я бежала со всеми своими при-

ятелями казаками-разбойниками. Брат Алеша выглядывал из комнаты.

Отец целовал маму, спрашивал сестер: «Сколько осталось?» (у них всегда истекали сроки сдачи чертежей), ерошил волосы мне и моим друзьям, проявляя удивительную осведомленность об их именах и состоянии здоровья.

— А в городе сегодня жара, Екатерина Васильевна,— сообщал он бабушке, которая давно уже не выходила за пределы дома.— Алеша, вот тебе струна. У тебя ведь лопнула? — протягивал он свернувшееся колечко Алеше, учившемуся играть на мандолине.— А это вам всем, ребята, баловство,— и вынимал из портфеля что-нибудь вкусное. Не очень дорогое, но в большом количестве, чтобы всем хватило.

Наконец, очередь доходила до дворового пса Шарика. Получив свою долю внимания, он с деловым видом спешил во двор и лаял без всякой надобности, демонстрируя хозяину свою ответственность за порученное дело.

С приходом отца все в доме оживало. Пока он мыл руки и переодевался, мама быстро заканчивала обеденные приготовления, все садились за стол. Обед на столе, но никто не берет в руки ложки, пока не возьмет отец. А он не начнет есть, пока не сядет мама. Никто такого закона не устанавливал, никто бы не рассердился, если бы его нарушили, но он существовал, он стал привычкой. Наверное, это пришло в наш дом от старых заводских традиций. Вероятно, так было в рабочей семье Бажова-отца, Бажова-деда и прадеда.

Я была последним, седьмым ребенком в семье. У меня было очень счастливое детство. Оно не омрачалось ни чрезмерной строгостью родителей, ни ссорами в семье, ни одиночеством, ни обидами со стороны сестер и братьев.

Главой дома был отец, хотя казалось, что он ни во

что не вмешивается и всеми нашими заботами руководит мама. Он всегда был самым тихим человеком в семье. Никогда не кричал, не командовал, не шумел, не распоряжался. Но когда «папа сердился», все ходили на цыпочках. А сердился он, когда мало помогали маме, когда возникали ссоры между детьми, когда не возвращали на место его «инструменты», когда читали «всякую чепуху» или забывали выполнить его просьбу. Он тогда хмурился, был молчалив, и в доме становилось тяжело и неуютно.

В те годы наша семья жила в доме на углу улиц Чапаева и Большакова в Свердловске. Он и сейчас стоит на том же месте, но потерялся среди больших домов, стал казаться маленьким, а в дни моего детства нас окружали такие же деревянные дома в зелени садов. Улица, на которой стоит дом, сейчас широкое асфальтированное шоссе, а тогда была узкой и грязной, пройти по ней осенью и весной можно было только в высоких сапогах. Она и называлась Болотной. Сначала отец со своей матерью Августой Степановной поселились в маленьком низком доме без фундамента на этой же Болотной улице, но там было очень холодно и сыро, вода стояла прямо под полом.

На углу Болотной и нынешней улицы Чапаева — тогда она называлась Детский городок — был каменистый пустырь, а плотник Филипп Иванович предложил отцу за недорогую цену новый свежий сруб, еще пахнущий сосной. Так началось строительство дома. Строился он на учительское жалованье, в кредит.

Я родилась в этом доме, и все в нем мне дорого и близко. Распланировал его сам отец. В доме было четыре светлые, почти квадратные комнаты и кухня. Стены и потолок не были тогда покрыты штукатуркой, а каждое полированное, будто медом облитое бревно мыли

теплой водой с мылом. В доме было много света и цветов.

Во дворе нашего дома стоял сарай. С ним связано много событий моей детской жизни. В самом раннем детстве с этого сарая я упала прямо на голову корове. Мой страшный крик услышал отец, хотя и был дальше всех от меня. Только у него на руках я почувствовала себя защищенной от всех опасностей. И до тех пор, пока у нас была корова, сарай был для меня местом неприкосновенным и страшным. Но потом держать корову стало трудно, сено подорожало, и маму уговорили расстаться с Краснухой. Мама плакала, когда ее уводили, а я торжествовала. Я считала Краснуху моим личным врагом, хоть и свалилась ей на голову нежданно-негаданно.

После этого сарай с многочисленными конюшнями, а главное, сеновал, где еще по старой памяти лежало душистое мягкое сено, стал излюбленным местом игр. Туда я забиралась с интересной книгой и забывала обо всем на свете. Читать я начала рано, и научил меня отец. Он долго искал подходящий букварь. Учебники, по которым тогда учились, не отличались красочностью. Печать была бледной. Отец рылся в своих старых учебниках, но анахроничные тексты не устраивали его. Наконец, он принес азбуку, которая ему понравилась, и начались наши первые уроки. Были они интересны и неутомительны. Я ждала их с радостью. Часы, когда отец раскладывал на столе большую яркую азбуку, были счастливыми в моей жизни. Первая азбука мне очень нравилась. В ней не было обыденных слов, а только слова, которые пришли вместе с революцией. Начиналась она так:

Аэроплан летит в лазури,
Ему не страшны вихри, бури.
Буржуй всегда владел тем золотом,
Что труд создал серпом и молотом.

Винтовка есть залог свободы
В руках восставшего народа.
Герб России обновленной —
Серп с молотом соединенный.
Красная Армия — наша защита,
Ею вся белая банда разбита.
Звезды сиянье ярко-красной —
Знак жизни новой и прекрасной.
Флаг наш алый гордо веет,
Над всем миром он зардеет.

Читать я научилась мгновенно и начала одну за другой глотать книги, выбором которых незаметно, но строго руководил отец. Это были сказки Пушкина, Пьеро, братьев Гримм, русские народные сказки, басни Крылова, а позже сочинения Тургенева, Чехова, Толстого, Достоевского. Книги стали моим главным увлечением.

Под крышей нашего дома был просторный чердак, по-уральски вышка, здесь лежали ненужные вещи, старые книги, альбомы, рисунки, журналы. Света там было немного, но можно было раскрыть окно, усесться с книгой в руках и перенестись в иной мир. Родители редко поднимались на вышку. Это была наша вотчина: сначала старших детей, а потом моя персональная. Но отец иногда поднимался... смотрел, что читаю, выбирал из стопки сложенных журналов какой-нибудь номер и некоторое время тоже читал.

— Нет, не могу, темно здесь. Шла бы ты, Ридчёна, вниз. Ну ладно, ладно, как знаешь, читай... — говорил он в ответ на мой отрицательный жест и с журналом в руках спускался.

Мою любимую вышку я узнала в незаконченном сказе «Хозяйкино зарукавье»[1].

---

[1] См. с. 146—149.

Когда отец прочитал мне начало сказа, я спросила:
— Это ты про нашу вышку?
Он загадочно улыбнулся:
— Может, и про нашу... кто знает...
Потом я долгие годы ждала. Мне хотелось узнать, что произошло с девочкой Настей. Сказ остался незаконченным, но глубоко тронул меня, как будто чья-то жизнь, которая должна была идти рядом с моей, прошла мимо...
Зимой в доме топились печи, уютно потрескивали дрова. Я часто сидела с отцом, глядя на раскаленные угли и пляшущие над ними огоньки. Потом он вздыхал с сожалением:
— Пора, Ридчёна, закрывать, мы с тобой и так замечтались, жар упустили, холодно будет, — и все-таки еще медлил.
А летом открывались окна в сад, и в комнаты лился аромат цветущей черемухи или сирени, а позже яблонь и липы. Сад весь был посажен нашими руками, и почва для него — каменистая и болотистая на разных участках — взрыхлена и обработана нами. Деревья, которые теперь разрослись и стали великанами, все принесены из леса маленькими прутиками: и береза, и липа, и рябинки. В саду и огороде было раздолье: здесь отлично можно было играть в прятки, казаки-разбойники и есть прямо с грядки поспевающую морковку и зеленые стручки гороха, но всем с самого раннего возраста приходилось много трудиться. Когда наступало время посадки или прополки, ни уроки, ни собрания, ни чертежи не служили оправданием. «Ну что же, хорошо, сделаешь позже, — говорил отец,— маме надо помогать». И сам, как только приходил с работы, надевал рабочие сапоги и отправлялся в огород с лопатой или мотыгой в руках.
К огороду отношение было серьезное. Семья огромная, а заработок невелик, работник всего один, поэтому

натуральное хозяйство — серьезное подспорье. Своей картошки, моркови, лука, капусты хватало до весны. Отец в то время был редактором Уралгиза и заведующим сектором сельскохозяйственной литературы. Возвращался поздно, усталый, но тут же переодевался и шел в огород копать землю, подрезать деревья. Мама заранее высевала огуречную и капустную рассаду, и она росла сначала на подоконниках. Но заниматься огородом лишь как подсобным участком, который приносит пользу, отцу было скучно. Он всегда в занятие садом и огородом вносил элемент творчества: покупал и выписывал сельскохозяйственную литературу и семена растений, которые ему почему-либо понравились и он хотел их видеть у себя. Так, однажды наш сад и огород и даже двор превратились в сплошной цветник. Роскошные красные, розовые, бледно-лиловые маки-ширли раскинулись, как большой цветущий ковер. Потом они постепенно перевелись. Как-то самый лучший участок огорода мама, правда, не без сопротивления, отдала папе под невиданные еще плоды турнепса. Все мы беспрестанно ходили смотреть, как вылезают из земли бледно-сиреневые плоды. Отец очень гордился, что турнепс уродился, правда, потом никто его не хотел есть, и хотя отец убеждал всех, что это чрезвычайно полезно, сам его тоже не ел. Отец вообще был неприхотлив и консервативен в еде. Любил щи и картофельный суп, гречневую кашу, яйца и чай. Ко всем деликатесам относился спокойно.

Терпеливо, из года в год отец занимался выведением лучших сортов картофеля. Каждый куст картошки надо было выкопать из земли и положить отдельно. Потом со всего участка выбирались те, которые дали наибольшее количество плодов и самых крупных. Это была работа творческая. Отец лопатой или вилами поддевал куст, я вытягивала его за ботву и уже наперед старалась уга-

дать — удача или неудача. Потом мы долго ходили между кучек, по многу раз пересчитывали картофелины и решали, где они крупнее. Самые многочисленные гнезда оставляли «на семена». Постепенно вывели прекрасный сорт: почти весь картофель был ровный, бело-розовый, величиной в два кулака.

Радость, которую я получала, казалось бы, от такого неинтересного занятия, как уборка картошки, осталась у меня как память о том, что каждое дело может быть интересным, если к нему подходить творчески. Позже, во время войны, мне приходилось вместе с моими товарищами-школьниками убирать картошку с многогектарных колхозных полей, я всегда старалась придумать для себя и для девочек моей бригады какое-нибудь развлечение. Когда все уставали до того, что еле двигались, мы загадывали: если мы успеем убрать картошку до того, как плуг подойдет вот к той канавке, значит, нам на этой неделе привезут фильм. И все начинали работать веселее, потому что никто не хотел быть виноватым в том, что фильма не будет.

Не знаю, устраивал ли отец такие развлечения для себя или для нас, чтобы работа была интереснее; думаю, и для того и для другого. Во всяком случае увлечения его всегда менялись. То он выписывал семена каких-то гигантских огурцов, то занимался малиной, то крыжовником, то яблонями, но всегда с увлечением.

Хорошо помню один летний уральский вечер. Год, наверное, 1932-й, может быть, 1933-й. На столе в столовой стоит кипящий самовар. Отец в кухне снимает тяжелые огородные сапоги, моется. Только что закончили сажать картошку.

Картошка посажена, значит, самое горячее время закончилось, начинается поливка, прополка... Но сейчас все довольны, оживлены, голодны, уже поздний вечер,

но еще светло. Стоит то короткое время, когда на Урале в двенадцать темнеет, а в три светает. Отец, усталый, умытый, в голубой сатиновой рубашке в узкую белую полоску, входит в столовую. Вся семья усаживается за большим обеденным столом. Старшая сестра Ольга с мужем — оба студенты Свердловского горного института, средняя сестра Елена с мужем — студенты Уральского политехнического, брат Алеша — школьник, бабушка — Екатерина Васильевна, мама, отец и я, всего девять человек. Мама вносит блюдо с пирожками.

— Ого! — говорит Алеша.— А с чем?

— С мясом,— улыбается мама.

— А по скольку?

— Сегодня кто сколько хочет...

Веселое оживление, и пирожки начинают таять. Мама разливает чай, и лицо у нее веселое, а глаза грустные. Я знаю, что утром она плакала и жаловалась папе, что ей нечем кормить ребят и что очень не хочется менять обручальные кольца на муку, но другого выхода она не видит...

— Ну, подумаешь, кольца! Дело какое...— утешал ее отец.

— Как ты не понимаешь! Разве в кольцах дело! Память ведь...

И вот сейчас все сидят и жуют пирожки, а я не хочу, мне жалко маму, хотя у нее и веселое лицо.

— А ты, Ридчёнка, что приуныла? Ешь-ко, давай,— отец ласково и внимательно заглядывает мне в глаза, он знает, о чем я думаю. Он всегда все понимает.

Потом я долго не могу уснуть. Кровать моя в комнате родителей, я уже давно выселена из детской комнаты. Там поселились, разделив ее пополам, две молодые пары. Мне хорошо видно папино лицо. Оно сегодня очень усталое. Настольная лампа бросает пучок неярко-

го света на его лицо, бороду и лист бумаги перед ним. Он пишет.

Теперь я знаю, над чем он работал по ночам после утомительного рабочего дня, после изнурительного физического труда дома,— после всего этого он составлял «для себя», «впрок», картотеку — «узелки для памяти», как он это называл.

Сейчас я могу взять любую из этих карточек и привести ее целиком:

Сила и задор. Задору много, да силенка мала. Силы накопил — задору не стало. Старостью не укоряют. Молодостью не хвалятся.

Жизнь одна, да жить-то приходится по-разному.

Зимнее тепло, что мачехино добро. Греть не греет, а вид дает.

Людей с мысли сбивать умеет, а нет, чтобы на думку натолкнуть.

Крута гора, да забывчива.

Бывают и хорошие сны, да не повторяются они.

Иную явь за сон считать приходится. Самое страшное по-разному считается.

Под гору съедем, на гору взвезем, по ровному месту само покатится.

И лес видит, и поле слышит.

Ваш верх, наша маковка.

Побежала дороженька через крутую горку.

Застить правду.

Надолго собаке блин?

Виноватить, опрометиться, обтерпеться.

Делов-то у него ого-го, кепкой не добросить.

С собой горе носишь, дома не оставишь.

Ель не сосна, шумит неспроста.

В воде глубоко, в огне горячо.

Горькие вести — гонцу не радость.

Сколь ни говори, назавтра останется.

Большой горы камешек. Большой горы начало.

Сеня-головастик. Головастый, рукастый, ногастый.

Опрокинулась чаша популярности.

Разные положения фуражки: задор, уныние, испуг, равнодушие.

Горная роса. Росинка горы. Росинка на изломе.

Это не была тщательно документированная работа фольклориста. На карточке нет точной паспортизации: где, когда, откуда... Это личная писательская кладовая, которая неоднократно перебиралась и пересматривалась во время работы над сказами. В ней собирались и сюжеты, и образы, и местные словечки, но служить это все могло только самому автору. Слово яркое, меткое, образное всегда было для отца предметом восхищения, увлеченного поиска. Он искал корни слов в истории края, в быту. Обращение писателя со словом, пожалуй, было для отца главным в оценке художественного произведения.

О необходимости ежечасно работать над словом, о поиске его исторической основы, закономерности его развития, об уважении к слову он любил говорить, увлекался, приводил интереснейшие примеры о том, как он понимает работу над словом.

— Сижу в Зайково на партийной конференции,— рассказывал отец,—1927-й или 28-й год. Говорят, говорят — уже повторяться стали. Надоело, душно, лето... Вышел покурить. Держит речь секретарь райисполкома. На воздухе хорошо. Рядом помещение столовой. Несколько женщин приготовляют ужин для конференции. Они нет-нет да и прислушиваются. Заведующая столовой вдруг говорит: «Заишшокал секретарь, сейчас кончат». И действительно, под конец речи секретарь с подъемом повторял: «Еще решительнее повести борьбу, еще силь-

нее ударить...» С тех пор много воды утекло, а вот слово осталось в памяти.

Отец всю жизнь выписывал слова, но не те, что особенно редки, а те, которые ему, как он говорил, «могут пригодиться». Иногда это был случайный, подслушанный на улице разговор. Иногда слово из книги.

Л. И. Скорино в своих воспоминаниях об отце приводит выдержку из его письма:

«Бился я как-то, не мог найти нужное слово. Перечитывал в то время «Бурю» Шекспира. Произведение не русское. И переводчик тоже не ахти как перевел. Но встретилось мне там слово «миляга». А ведь можно сказать «простяга». Вот ответ и найден. Слово нашлось. Так сам не знаешь, где найдешь, где потеряешь»[1].

Когда слово не шло, не находилось, не придумывалось, он выходил к нам утром усталый и озабоченный. Как-то пожаловался:

— Никак не идет, застопорилось... Анна Александровна, вот как бы вы сказали про девушку, которая выдалась в семье умом, красотой? — спросил он вдруг, обращаясь к моей тетке, старшей маминой сестре.

— Сказала бы «наособицу».

— Это хорошо, но уже было, а сильнее?

— Ну, сказала бы «как из кистей выпала».

— А вот это хорошо! Совсем хорошо.

— Это что значит? — спросила я.

— Знаешь, носили пояса с нарядными кистями. Все нитки в них хороши, а одна нитка в кисти видна — самая нарядная, самая заметная.

Вернувшись из поездки в Пермь, он жаловался:

— Привез великолепное слово «падыш», а использовать нельзя — грубовато!

---

[1] Павел Бажов. Воспоминания о писателе. М., «Сов. писатель», 1961, с. 154.

Грубые слова не любил. Никогда их не употреблял в речи, но в анекдоте, к месту — мог. Никого при этом не стесняясь и не делая оговорок: «простите», «извините». Слово же оказывалось незаменимым. Без него пропадала острота и смысл рассказа.

Собирательством слова ради его коллекционирования, ради того, чтобы удивить читателя, никогда не занимался. Писал: «Если слово устарело, надобности нет хранить его, особенно если за ним не стоит образ. А всяким там причудам языка можно умиляться, можно играть словом, но это пустяк в конце концов».

Употреблял в своих произведениях и нелитературные слова, но законные, по его мнению. Одного не терпел — обыгрывания фонетической неграмотности русской речи: «Недостойно делать предметом балагурства язык моего отца и матери. Горбунов мог умиляться «чичас» и прочее того же рода. Он смотрел и слушал со стороны. Но нас эти Ваньки и Таньки тешить не могут. Не выношу Горбунова, даже в самых невинных его вещах»[1].

Два русских писателя всегда были предметом восхищения, поклонения и удивления отца — Пушкин и Чехов.

«Вот у кого учиться слову! — писал он о Чехове.— У него всегда изумительное богатство деталей. Они внешне пустяковые, а за ними гамма переживаний. Видите людей живых с их привычками, прошлым и настоящим. Чехов скупо детали ставил, но уж поставил — не уберешь, крепко сделано.

Всегда меня поражало его скупословие. Ведь одним лишь словом Чехов выражает все, одно слово — и человек обрисован: «А у нас Пересолиха! А мы Пересолиху по зубам!»

...Деталь у Бунина тоже изумительна, но как-то чув-

[1] Павел Бажов. Воспоминания о писателе, с. 149—151.

ствуется, что человек ее искал и вот нашел. А у Чехова спокойно, тонко, а ни прибавить, ни изменить: естественная деталь...

...Чехов для меня фигура несоизмеримая, почти стихийная. Порой кажется, что он многое делал по наитию. Присел вот к столу на часок, на два и написал «Шуточку», заключив в этой капельке сложнейший вопрос человеческих взаимоотношений...

...Ведь у Куприна, даже у Бунина все-таки можно узнать, как это делалось, а у Чехова, особенно до его хмурого периода, никаких концов не видно. Что это? Высшая степень искусства или то, что называется наитием».

Хорошо помню, как впервые поехала с родителями в Сысерть, на родину моего отца. Это был 1934 год, вскоре после того, как вышла книга, над которой отец работал по заданию Истпарта,— «Бойцы первого призыва». Очевидно, деньги, полученные за книжку, и позволили нам втроем поехать на лето в Сысерть, куда отца давно тянуло. Я, наконец, увидела любимые им края, рассказы о которых слышала с самого раннего детства.

Родственников в Сысерти у нас не нашлось, кроме старушки Натальи Павловны (не знаю, в каком она была с нами родстве, но, кажется, очень дальнем). Она сдала нам чуланчик без окон, потому что «горница» была уже занята. Но мы были этому рады, тем более что в нем было прохладно даже в послеполуденный зной. Дом стоял на краю заводского поселка. Лес и пруд были рядом. Там мы и проводили все время.

— Сегодня мы пойдем на княженичные горки,— говорил отец, и мы шли мимо пруда, через лес, по тропинкам в самую глушь леса. Там по одному ему извест-

ным приметам отец находил низину с невысокими горками, усеянными редкой ароматной ягодой—княженикой.

На следующий день мы попадали в царство лесных орхидей, потом на «грибное место», и действительно грибов было там видимо-невидимо. Мы долго шли по лесу, потом отец говорил: «Вот здесь ходите. От этого овражка до того пригорка, дальше не надо, а справа до той березовой опушки походите, а я на пенечке покурю». Мы с мамой ходили там, где он показал, и заполняли наши корзины рыжиками, маслятами или груздями в зависимости от того, чему пришло время. Когда я удивлялась, почему он знает, где есть грибы, где нет, он улыбался:

— Это не забывается. Весь этот лес обеган мной в детстве. Многое изменилось... Но кое-что еще осталось. Может быть, и для твоих детей что-нибудь сохранится.

Но, видимо, перемены были большими. Памятью об этой нашей поездке в Сысерть остался рассказ «Недоступное место Храпы»[1], в котором Бажов, скрывшийся за фамилией учителя Мисилова, долго рассказывает жене и дочери про места своего детства, которые представляются ему недоступными лесными заповедниками, а приехав, обнаруживает, что по «недоступным местам» идут бульдозеры, проложены дороги и вместо грибных мест и полян раскинулись заводские поселки. И Мисилов вместе со своими близкими смеется над собой и радуется и немного огорчается всем этим переменам.

Было в нашей сысертской жизни в то лето еще одно удовольствие. Мы устраивались с удочками на берегу пруда. Из-под светлой папиной кепки по лбу и усам стекали капельки пота, но он ничего не замечал — все его внимание сосредоточивалось на поплавке. Он явно наслаждался происходящим: были ему милы и эта ти-

[1] См. с. 149—153.

шина, и неподвижность воды, и горячее солнце, и родной аромат его детства.

После полудня, когда одолевала жара, уходили на высокую гору, расстилали одеяло и по очереди читали сказки Гофмана. Из сказочного мира старых уральских заводов я переносилась в мир дожей и догаресс, следила за приключениями крошки Цахес. Теперь я знаю, что отец очень внимательно следил за тем, что мы читаем, и незаметно руководил нашим чтением. Причем в выборе литературы он гораздо меньше считался с возрастом, чем с качеством. Единственное мерило, которым он всегда руководствовался: плохую литературу не надо читать ни в каком возрасте, и особенно в детском, когда закладываются представления об основных понятиях, формируется вкус. В то незабываемое лето отец открыл мне вместе с миром своего детства мир сказок Гофмана.

Иногда мы просто лежали на спине и глядели, как бегут облака, похожие на причудливые цветы, на длинноволосых красавиц, экзотических птиц, и тихо говорили. Часто мы смотрели на заводской поселок, хорошо видный с горы, и отец рассказывал про те места, где прошло его детство: улица Шиповая, Пеньковка...

— На Шиповой, если идти от пруда на правой стороне, стояла усадьба моих родителей. Дом, флигель, сарай. Дом сгорел, когда мы жили в Полевском... Я побывал там в прошлый приезд, но ничего не узнал. Наверное, дело в том, что я сам изменился и все вокруг изменилось.

Поблизости жили и мои дружки закадычные. Здесь происходили и «драки до крови». А мой любимый дедушка жил вот здесь, за рекой, недалеко отсюда. Он был забавный человек, выдумщик, вот уж кто знал и лес, и завод, и поселок, как свои пять пальцев. Многие заветные места еще он мне показал. И руки у него были

золотые. Радостно было смотреть — все у него выходило ладно да красиво. И часы починить и побывальщину рассказать — на все был мастер. Только не мог одним чем-нибудь заниматься — скучно ему было.

А вот этот дом я помню. Здесь пекли хлеб на продажу и обделывали для завода горновой камень. От дома в дни моего детства несло «хлебным духом», а вокруг среди серебристо-зеленых обломков камня можно было найти красивый камешек.

Когда мы ходили по улицам завода или встречали в лесу и на берегу пруда людей отцовского возраста, он внимательно вглядывался в лица. Иногда говорил:

— Вроде бы знавал я его. Кажется, вот еще немного поднапрячь память, и из-за этой незнакомой оболочки выглянет мальчишеское лицо старого друга и «заединщика». Ну, может, и ошибся...

Отец любил вспоминать годы, проведенные в Сысерти. Семья была дружная, трудовая. Единственного ребенка в семье хотя и не баловали, это, как видно, не было принято в заводской среде, но он был окружен любовью. Мать Августа Степановна была человеком очень мягким. Отец Петр Васильевич хотя и слыл человеком резким и неуживчивым, но сына любил, недаром мать и бабушка называли его «потаковщиком» и «понировщиком» — позже эти слова бытовали и в нашей семье, теперь «потаковщиком» был мой отец.

Игры, забавы, рыбная ловля, походы за грибами и ягодами, сказки, лес как дом, пруды и речки как друзья и помощники окружали Павла Петровича в детстве.

Учеба в начальной школе, чтение книг постепенно открыли перед ним мир более широкий и интересный, чем тот, который он знал и который кончался дальним берегом пруда, поскотиной и синеющим вдали лесом. Он узнал, что на свете существуют дальние страны, боль-

шие города, перед ним открылся прекрасный мир поэзии.

— Если бы не Пушкин, я бы так и остался заводским пареньком с четырехклассным образованием,— рассказывал отец.

В руки одиннадцатилетнему Бажову попал первый том сочинений Пушкина. Учитель дал книгу из своей библиотеки и пошутил:

— Когда выучишь первый том, приходи за вторым.

Мозг был жаден, память крепка, и, очарованный пушкинскими стихами, мальчик, возвращая книгу, мог прочесть ее на память, хотя начинался первый том произведениями, не очень понятными заводскому парнишке. С тех пор и до конца жизни Бажов пронес неувядающее восхищение пушкинским стихом и прозой, его замечательными сказками, которые считал образцом подлинной народности, умением гения проникнуть в существо народных сказочных поэтических образов.

— А потом,— рассказывал отец,— Пушкин помог мне получить образование. Приехал в Сысерть из Екатеринбурга ветеринарный врач, известный краевед и просветитель Николай Семенович Смородинцев, ему рассказали о способном мальчике из рабочей семьи, который «всего Пушкина назубок знает».

В значительной мере благодаря стараниям Смородинцева, Бажов в 1889 году поступил в Екатеринбургское духовное училище. О своей учебе в Екатеринбурге, о первом знакомстве с городом, о встречах с людьми Бажов рассказал в автобиографической повести «Дальнее — близкое». Мечтал он написать об этом периоде жизни повесть — продолжение «Зеленой кобылки», было для нее придумано название «Крашеный панок»[1], и,

---

[1] См. с. 153—158.

сколько я помню себя, на книжной полке отца как напоминание стоял тот самый панок[1], который приносил ему победу в сражениях на сысертских улицах в дни детства. Было написано несколько «начал»... но повесть не написалась...

Петр Васильевич Бажов — мой дед умер в возрасте сорока трех лет в 1896 году. Бабушка Августа Степановна — в возрасте пятидесяти лет в 1914 году. И хотя я много раз видела их фотографии и слышала рассказы о них, они для меня не существовали как люди близкие, пока мне не попало в руки письмо Августы Степановны к сыну, учившемуся уже в Перми, по тогдашним понятиям далеко от родных мест. Письмо отправлено в Пермь из Верх-Сысертского завода 23 октября 1895 года. На конверте твердым мужским почерком выведено: «В Пермскую духовную семинарию воспитаннику 3 класса Павлу Петровичу Бажову».

«Здравствуй, Паша. Желаю быть здоровым и всего хорошего! Мы, слава богу, здоровы. На Верхнем живем уже две недели в доме, где жил Павел Васильевич, а они переехали в Сысерть в Церковную улицу в дом Кадошникова. Жалованье отцу пока до рождества то же. Перевозку приняли на казенный счет. Просил управляющий Зырянов, чтобы перевели отца на Верхний, хотят строить новую машину катать проволоку, должно быть потому, что боятся послать новенького, что все перемешает. Паша, ты, пожалуйста, береги здоровье, не студись. Теперь погоды хуже зимней. Новостей больше никаких нет. Будь здоров. Твоя любящая мать Августа Бажова».

Рукой отца приписано: «Здравствуй, Паша. При сем

---

[1] Панок, или бита, употреблялся при игре в бабки.

посылаем денег два рубля. Будь здоров. Твой Петр Бажов».

Не знаю почему, возможно, потому, что письмо такое обычное, я сама неоднократно писала такие своим детям: «Берегись, не простудись», и по возможности посылала деньги, оно очень приблизило ко мне деда и бабку, превратило их в живых людей — моих близких. Я пожалела бабушку, которой пришлось ради блага единственного сына расстаться с ним на долгие годы. С сожалением подумала, что отец, очевидно, в последний раз побаловал сына, посылая ему два рубля.

Когда я родилась, моему отцу было сорок шесть лет, за плечами остались детство, годы учебы, преподавательская работа, годы революции и гражданской войны. Об этой прожитой жизни я узнавала по рассказам отца, мамы, старших сестер и брата.

Вечерами, часов в 9—10, в зависимости от времени года, все члены семьи собирались в столовой, кто с книгой, кто с незаконченными уроками, кто с рисунком или шитьем. Мама готовила чай, ждали отца. Он выходил всегда доброжелательный, спокойный. По вопросам, которые он задавал, было ясно, что он в курсе дел каждого, касалось ли то предстоящих экзаменов, романтических переживаний, спортивных неудач.

Умение все знать о своих близких было удивительной особенностью отца. Он всегда был больше всех занят, но у него хватало душевной чуткости быть в курсе наших забот, радостей и огорчений. В эти тихие, спокойные часы говорили обо всем, были откровенны друг с другом. И мнение каждого выслушивалось с уважением.

Меня иногда спрашивают, помню ли я сказки, которые мне рассказывал в детстве отец. Нет, не помню. И старшие сестры тоже не помнят. Все, в том числе и я,

с раннего детства знали пушкинские сказки и «Конька-Горбунка». Их отец читал нам наизусть и любил к ним возвращаться.

А его главными сказками для нас были рассказы о жизни. Этими рассказами были полны вечера в нашем доме. Они могли касаться истории Урала, встреч с людьми, поездок по старым уральским заводам.

В эти часы я услыхала рассказы о детстве отца, о родителях и друзьях, об играх и обязанностях заводского подростка в конце XIX века, о его впечатлениях о Екатеринбурге тех лет — первом большом городе, который ему привелось увидеть, о событиях 1905 года на Сысертском заводе, о наступлении колчаковских войск на Камышлов, о том, как он пробирался в Томский урман, не зная, удастся ли найти своих, как нашел он друзей среди крестьян Томского урмана. Обо всем он умел рассказать увлекательно, ярко, весело и по-своему. Причем мы не чувствовали себя аудиторией, которая собралась послушать. Нет, мы себя ощущали участниками общего большого разговора о жизни.

Отец любил вспоминать свое детство.

Он родился 28 января 1879 года[1] в Сысертском заводе Екатеринбургского уезда. Мой дед — Петр Васильевич Бажов был высококвалифицированным рабочим пудлингово-сварочного цеха. Бабушка — Августа Степановна росла сиротой, жизнь прожила тяжелую, была человеком мягким и добрым, с золотыми руками. В детстве, в барской мастерской она выучилась трудному ремеслу ажурной вязки, и это было серьезным подспорь-

[1] Так написано в автобиографии его рукой. И в этот день отмечали его рождение.

ем для семьи, особенно в те годы, когда Петр Васильевич из-за своего неуживчивого характера оставался без работы.

«Проветривание» Петра Бажова, вызванное тем, что он не стеснялся в лицо начальству говорить «жесткое словцо», «сконфузить на людях», повторялось неоднократно, продолжалось год, полтора. На это время семья переселялась на какой-нибудь дальний завод Сысертского округа. Об одном из подобных событий отец подробно рассказал в повести о детстве[1].

«— Ты что не собираешься? Ревело уж!

— Ладно, без сборов. Отдохнем.

— Что ты! Отказали?

— Объявил вчера надзиратель — к расчету!

Мать готова заплакать. Отец утешает:

— Найдем что-нибудь. Не клином свет сошелся. На Абаканские[2] вон которые едут.

Перед этими неведомыми Абаканскими мать окончательно теряется. Краснеет нос, морщатся щеки и выступают крупные градины — слезы. Старается сдержаться, но не может. Отец вскакивает с табурета и быстро подходит к «опечку», где у него всегда стояла корневая чашечка с махоркой. Торопливо набивал трубку, сдержанно бросал:

— Не реви — не умерли!

Мать, отвернувшись к залавку, начинает всхлипывать. Я реву. Отец раздраженно машет рукой и с криком: «Взяло! Поживи вот с такими!» — захлопывает за собой дверь.

Вмешивается бабушка. Она ворчит на мать, на отца,

---

[1] См.: П. П. Бажов. Соч., т. 3. М., 1950, с. 7—10.

[2] Железоделательные заводы в Минусинском округе, бывшие Кольчугинские. *(Прим. П. П. Бажова.)*

на заводское начальство и тоже усиленно трет глаза, когда доходит до Абаканских.

Днем приходят соседки «посудачить», винят больше отца.

— И когда угомонится человек?

— Мне Михайло когда еще говорил — непременно откажут твоему-то.

— Вон в кричном он Балаболку-то осадил: хоть стой, хоть падай!

Начинают припоминать отцовские остроты, но они так круто посолены, что передают их женщины только «на ушко». Мать обыкновенно заступается за отца и, кажется, делает это не только «от людей», но вполне искренно. Она даже горячится, что так редко бывает при ее ровном, спокойном характере.

Вечером приходит отец. Красные воспаленные глаза показывают, что выпито немало. Однако на ногах держится твердо, говорит громко, уверенно. Удивляется «тем дуракам, которые сидят в Сысерти, как пришитые».

— Уедем, и дело с концом! На Абакане небось не по-нашему. Чуть кто зазнался, сейчас приструнят. А у нас что? Потепан изъезжается, Балаболка крутит, и Царь ехидствует. А ты не моги слова сказать. Терпи — потому у тебя тут пуп резан. Найдем места. Вон там как живут!

Отцу не противоречат, по опыту знают, что хорошего ничего из этого не выйдет. Мне — малышу — отцовские планы кажутся заманчивыми, и я засыпаю с думой о далеком крае, где все не по-нашему.

Отец недели на две, на три исчезает из дому. Мать усиленно работает днем и ночью, вконец изводит глаза: плетет широкие кружева или вяжет узорные чулки для заводских барынь. Не столько заработок, сколько взятка по женской линии.

Отец приходит угрюмый — нет работы. Ехать в Сибирь после неудачных поисков уже не собирается.

— Сходи к управителю-то,— говорит бабушка.

Отец хмурится и бормочет:

— Да уж, видно, придется, мать. В «поторжную» — и то не попасть без этого.

Начинается «выдержка»: «На той неделе побывай», «После успенья зайди».

Съедено уже все. На поденные работы в заводе отец, однако, не выходит. Знает, что все равно не примут, да и позором это считается для фабричного рабочего. Промышляет чем придется: рыбалкой, старательством, сенокошением и т. д. Мать слепнет над ажурными чулками уже из самого тонкого шелка.

— Рассылка приходил. К управителю звали,— радостно сообщает она возвратившемуся с рыбалки отцу.

Это значит — конец издевательству.

Отец поспешно одевается «по-праздничному» и уходит. Возвращается веселый: «Посылает в Полевской».

Начинаются сборы. Отец обычно уезжает на следующий день «с попутными». А мы с матерью и бабушкой перебираемся потом, когда уже он получит «за половину».

Подобные истории случались с семьей неоднократно, только вместо Абаканских заводов иногда выплывали более близкие: Невьянский, Нязе-Петровский, прииск Кочкарь. Иногда Петру Васильевичу удавалось устроиться на время в Екатеринбурге или на спичечном заводе на условиях, еще более тяжелых, чем в Сысерти.

Кончалось все-таки возвращением «к своему месту», которое, как тяжелая гиря, тянуло в кабалу к тем же владельцам сысертских заводов, на которых работали и в крепостную пору.

Петром Васильевичем, видимо, дорожили за его работоспособность и знания. Его лишь «выдерживали» и «проветривали», но совсем с заводов не «прогоняли».

Может быть, помогала здесь редкая специальность Августы Степановны: заводские барыни находили, что машинные кружева и чулки слишком грубы по сравнению с ее работой.

О годах учебы отца в Пермской семинарии знаю мало. Почему-то об этом времени он никогда не вспоминал и не рассказывал. Известно только, что он три года был библиотекарем подпольной семинарской библиотеки, где были произведения К. Маркса, Кропоткина, Прудона, Лаврова, Чернышевского. Вместе с другими учениками семинарии участвовал в «беспорядках», когда добивались ухода одного из помощников инспектора (Пославского), помогал устраивать маевки за Камой, принимал участие в школьном кружке «Наше слово». Впервые в эти годы он познакомился с трудами Ф. Энгельса, читал ранние работы В. И. Ленина.

Чтобы продолжать учебу, он занимался репетиторством, переводами, корректурой, поездками на эпизоотию.

Окончил отец семинарию в числе лучших, и ему, как способному ученику, предложили ехать учиться в Киевскую академию. Он отказался. В семинарии Бажов учился потому, что это для него был единственно возможный путь получить образование.

Кончался XIX век, уже была образована партия РСДРП, распространились ленинские работы, назревала в России революционная ситуация, и все это не мог не чувствовать юноша из рабочей уральской семьи — Павел Бажов.

Отказ от учебы в академии сказался на его дальнейшей судьбе. Он был назначен учителем начальной шко-

лы в небольшую уральскую деревню Шайдуриху, а на его характеристике появилась пометка: «по запросу». Эта, казалось бы, невинная формулировка помешала ему продолжить образование. Как предполагал отец, «характеристика по запросу» была не лестного свойства, и ему было отказано в праве сдавать экзамены в Томский университет даже экстерном.

С 1901 года Бажов начал учительствовать. После Шайдурихи он преподает в Екатеринбургском мужском училище арифметику, русский язык, литературу.

Назревали события 1905 года. Осенью в Екатеринбург приехал Яков Михайлович Свердлов. Отец присутствовал на всех митингах, в которых он принимал участие. На одном из них познакомился с Яковом Михайловичем.

Под руководством большевистских организаций, возглавленных Свердловым, трудящиеся Урала приняли участие во Всероссийской Октябрьской стачке. На Урале бастовали рабочие многих заводов и фабрик, железных дорог.

«В экономической забастовке рабочих Сысертского завода,— писал отец,— начавшейся в летние месяцы 1905 года и продолжавшейся почти до конца года, есть доля и моего участия. Забастовки были сломлены. Значительная часть крестьян еще верила в царя, солдаты колебались, но еще принимали участие в подавлении революционных выступлений. Не все рабочие были готовы вступить в решительный бой...»

После поражения первой русской революции началась тяжелая полоса реакции. Репрессиям подвергались все, кто хоть как-то был связан с революционными событиями 1905 года. За участие в экономической забастовке на Сысертском заводе Бажова уволили из училища, в котором он преподавал. Пришлось устроиться на

вакантное место учителя русского языка и чистописания в училище рангом ниже.

Этот переход сыграл важную роль в его судьбе. Здесь он встретил и полюбил ученицу выпускного класса Валентину Иваницкую, на которой и женился в 1911 году.

Еще до этого он перевез из Полевского свою мать, и вся семья поселилась в небольшом деревянном домике на Болотной улице.

Преподавательская работа, семья, дети, занятия литературной работой, поездки по горнозаводским поселкам, начало работы над картотекой, работа в архиве над документами по истории восстания под руководством Пугачева, самостоятельное изучение французского и немецкого языков, попытки поступить хотя бы на заочное отделение одного из университетов страны — этим была заполнена жизнь Бажова в те годы.

Отец усиленно и систематически занимался самообразованием. Вместе с мамой они много читали, ходили в театры, чаще в оперный. Отец никогда не пел и не играл на музыкальных инструментах, но музыку любил и понимал. Мама и ее сестры пели и играли на гитаре. Этот инструмент отец любил больше других. И в более поздние годы, когда гитару вытеснили аккордеон и рояль, радовался, когда слышал гитару по радио или в концерте.

— Какой все-таки прекрасный, задушевный инструмент,— говорил он. И очень сердился на маму, что в повседневных заботах о детях, семье она забросила музыку. Гитара висела у отца в комнате до последних лет, хотя после смерти брата Алеши, единственного из детей унаследовавшего мамины музыкальные способности, она редко прикасалась к этому инструменту.

Летом 1914 года царское самодержавие вступило в мировую империалистическую войну. По Уралу прокатилась волна антивоенных выступлений, вылившихся в вооруженные столкновения. Усилились военно-полицейские репрессии против народа. Протестовавших предавали военному суду, отправляли на фронт.

Война вызвала хозяйственную разруху и дороговизну. Заводчики наживались на военных заказах, а трудящимся становилось жить все тяжелее.

Семья Бажовых оказалась в трудном положении. Надо было платить долги, связанные со строительством дома в кредит. Между тем цены на продукты поднялись. Учительского жалованья отца не хватало.

Мамины родные жили в то время в Камышлове и усиленно звали к себе. Семья Иваницких всегда была сплоченной и дружной. Глава ее — Александр Константинович, учитель народного училища в селе Колчедан — умер рано, оставив жену и пятерых дочерей. Сестры помогали друг другу встать на ноги и получить образование. Сначала старшая Анна материально помогала Августе и Наталье. Те в свою очередь, став учительницами, учили Агнию и уже все вместе отправили учиться в Екатеринбург младшую Валентину. Теперь они писали: «Приезжайте. Поможем. У нас и с едой получше и с детьми будет полегче!»

Бажовы переехали в Камышлов. Отец начал там учительствовать. Камышлов, наравне с Шадринском и Ирбитом, был одним из административных центров Исетско-Пышминского края, который издавна считался земледельческим. Не случайно его выбрал для своего романа «Хлеб» Д. Н. Мамин-Сибиряк.

До Октябрьской революции Камышлов был небольшим мещанским городом. Среди населения преобладали мелкие спекулянты, перекупщики, лавочники, обыватели,

промышлявшие извозом и конским барышничеством. Представителями буржуазии покрупнее были мукомолы и хлеботорговцы.

Однако группа РСДРП была здесь довольно сильной. Она объединяла рабочих железнодорожного депо, кожевенного завода Алсуфьева и нескольких мастерских по выработке веялок, плугов и молотилок.

С конца 1916 года в Камышлове работала большая группа революционно настроенных рабочих, поддерживавших связь с областным комитетом РСДРП. Со многими из них — В. Д. Жуковым, В. П. Осиновым, П. Н. Подпориным, Н. А. Удниковым, Т. И. Сысковым, А. Е. Федоровым — Бажов сблизился.

По рассказам мамы, они часто собирались у нас дома, засиживались до глубокой ночи, обсуждая наболевшие вопросы. К началу 1917 года встречи участились, народу собиралось все больше. Это могло вызвать подозрения полиции, и встречи переносятся в загородный сад Бамбуковку или в здание депо. В феврале 1917 года у кружка, в который входил отец, наладилась связь с революционной группой расквартированного в городе запасного 137-го полка. Павел Петрович, как и все члены кружка, принимал участие в организации общегородских собраний. Эти собрания проходили в здании кинематографа. «Желающих высказаться было без конца,— писал впоследствии Бажов.— Говорили обо всем. О революции и Государственной думе, политической каторге и правительстве, о прогнившем царизме и Гришке Распутине, о борьбе с проституцией и бесхозных дровах у мельницы»[1].

«Выступления отца слушали внимательно,— расска-

---

[1] П. П. Бажов. Бойцы первого призыва. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1958, с. 43.

зывала мама,— встречали и провожали аплодисментами, что не часто случалось».

В обстановке продолжавшейся империалистической войны, когда в городах стояли воинские гарнизоны, а на военных заводах работали приписанные к ним военнообязанные, в ряде мест создаются не только Советы рабочих депутатов, но и Советы рабочих и солдатских депутатов. «Рабочие своим классовым инстинктом поняли,— писал В. И. Ленин в марте 1917 года,— что в революционное время им нужна совсем иная, *не только* обычная организация, они правильно встали на путь, указанный опытом нашей революции 1905 года и Парижской Коммуны 1871 года, они создали *Совет рабочих депутатов,* они стали развивать, расширять, укреплять его привлечением *солдатских* депутатов...»[1]

Создание единых Советов рабочих и солдатских депутатов являлось серьезным шагом вперед, облегчало борьбу большевиков за солдатские массы, способствовало подготовке политической армии пролетарской революции, было живым воплощением союза рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса.

В Камышлове в ноябре 1917 года был создан Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

«В условиях Камышлова, — писал отец в своей автобиографии,— я был основным работником по созданию Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и первым председателем исполкома...

Я даже в свой актив вписываю, что в результате своевременной организации Совета в таком именно составе нам удалось послать на I Всероссийский крестьянский съезд двух делегатов, которые голосовали с В. И. Лениным в числе тех, которые отмечены в документах съезда.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 38.

Здесь же в городской управе, где я был возглавляющим, образовалась из президиума компактная группа в составе 4-х: меня, Т. И. Сыскова, Н. А. Удникова и П. П. Краснова, которые, по сути дела, работали по заданиям большевистской организации».

С начала 1918 года Бажова назначили редактором газеты «Известия» — органа Камышловского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и комиссаром просвещения Камышловского уезда. Это был поворотный пункт в жизни отца.

«Было бы неверно утверждать, что я во всех случаях в это время шел с большевиками, но, как видно, общая сумма моей работы была определенно на этой стороне. Этим я объясняю, что, когда на съезде 26 июля 1918 года на меня, тогда уездного комиссара просвещения, усиленно нападали эсеры и когда все они, и правые и левые, отказались от работы, я остался и получил назначение на должность ответственного редактора «Известий», что я считаю по условиям того момента совершенно отчетливым показателем определенного доверия ко мне»[1].

П. П. Бажов оказался среди тех, кто был призван развернуть после победы Октября большевистскую печать на Урале. По инициативе В. И. Ленина в 1917—1918 годах в стране было создано около пятисот губернских и уездных газет. Они основывались на новых принципах печати: партийность, идейность, массовость. Газета «Известия», которую возглавил Бажов, сыграла немалую роль в пропаганде декретов Советской власти, мобилизации рабочих и крестьян на разгром военной интервенции, внутренней контрреволюции.

«Известия» печатали декреты Советской власти, выступления В. И. Ленина, материалы о переустройстве

---

[1] П. П. Бажов. Архив. Автобиография. 1934 г.

жизни в городе и деревне, новости экономической и культурной жизни края. Как уездный комиссар просвещения Бажов постоянно выступает со статьями, в которых пропагандирует декреты о народном образовании, сообщает о состоянии школ в уезде, о необходимости строить новые светлые и просторные учебные помещения, о конфискации домов промышленников под школы, активно борется против антисоветской деятельности духовенства.

В июне 1918 года начались контрреволюционные выступления в Сибири и на Урале. В «Известиях» появляются тревожные сообщения: «Введено чрезвычайное положение», «Под станцией Тугулук расстреляны сотни красноармейцев. Начальнику станции Артюхову сначала выкололи глаза, а потом зарубили шашкой», «Расстреляны женщины и старики»[1]. Через газету уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил всеобщую мобилизацию. Над Камышловом нависла угроза захвата белочехами. Советские органы в Камышлове предприняли изъятие ценностей из банков. Одним из членов комиссии по изъятию ценностей был и Павел Петрович Бажов. Он рассказывал: «С одним из отрядов, организованных из крестьян Тамакульского села, в количестве 28 человек, по заданию уездисполкома, эвакуировали в Пермь ценности. В конце июля 1918 года, возвращаясь после выполненного задания, всем отрядом явились на фронт, который был тогда в Егоршино. Был зачислен добровольцем, нестроевым в Особую советскую роту. Впоследствии эта группа была причислена к отряду В. Д. Жукова. Работу вел главным образом по отделу агитации и пропаганды. В октябре стал секретарем партийной ячейки штаба 29-й дивизии, заведовал подотделом дивизии, а еще раньше был назначен фактическим

---

[1] «Известия», 1918, 9 июля, № 115.

редактором дивизионной газеты «Окопная правда» (агитвагон). Вся работа эта протекала в условиях боевой обстановки»[1].

1 сентября 1918 года Павел Петрович Бажов вступил в ряды РКП(б). С тех пор он навсегда связал свою жизнь с революцией, социализмом, с борющимся и побеждающим народом.

Работа в «Окопной правде» определила всю последующую деятельность Бажова. «По-настоящему меня редактором и журналистом сделала работа во фронтовой печати»,— писал он впоследствии[2].

Типография «Окопной правды» — органа политического отдела 29-й дивизии 3-й армии Уральского фронта — разместилась в двух товарных вагонах. Отцу приходилось выполнять все обязанности, связанные с выходом газеты во фронтовой обстановке: писать, создавать сеть корреспондентов, набирать, распространять. Так что трудно сказать, кем он был — редактором, секретарем, выпускающим? Видимо, всем в равной степени.

«Работы у меня как везде и всегда полно»,— писал он в это время жене. Действительно, за четыре месяца (сентябрь—декабрь 1918 года) в условиях боевых действий на линии Алапаевск, Нижний Тагил, Кушва, Бисерть ему удалось подготовить и выпустить пятьдесят номеров газеты.

В сентябре 1918 года вышел ее первый номер. Он открывается призывом: «Товарищи, солдаты революции — борцы за грядущее! Теснее смыкайте ряды, создавайте железную революционную дисциплину, и мы победим!»

«Окопная правда» призывала защищать завоевания

---

[1] П. П. Бажов. Архив. Автобиография. 1934 г.
[2] Там же.

Советской власти, писала о руководящей роли партийных ячеек, о совершенствовании боевого мастерства, освещала внутреннюю и международную жизнь. В ней рассказывалось о героических подвигах на фронтах гражданской войны. Она призывала к труду на фабриках и заводах, в деревнях во имя победы над контрреволюцией.

«Каждый от командующего до рядового красноармейца должен проникнуться сознанием своей высокой задачи, быть стойким защитником своих рабочих фабрик, своей крестьянской земли, надежной опорой всех обездоленных — такова должна быть наша армия и таковой она становится»[1].

Газета рассказывала о подвигах героев. В бою под Алапаевском погиб командир батальона В. Д. Жуков. Имя Василия Даниловича Жукова в нашей семье вспоминали часто. Наверное, всегда, когда отец рассказывал нам о годах гражданской войны. Отец сохранил благодарную память о нем. Спустя тридцать лет после окончания гражданской войны он писал дочери В. Д. Жукова:

«Спасибо Вам за письмо. Оно живо напомнило мне трудные, но прекрасные дни гражданской войны и тех изумительных представителей пролетариата, которые, будучи сами неграмотными и малограмотными, открыли мне, интеллигенту того времени, правильный путь в жизни. В первом ряду для меня был и остается Василий Данилович»[2].

Таким же дорогим воспоминанием о тех днях была для отца грамота, большая и красивая, которую он иногда доставал из высокой конторки, бережно расправлял, и мы читали:

«В день ознаменования 10-й годовщины освобождения

---

[1] «Окопная правда», 1918, 8 сентября, № 15.

[2] Музей П. П. Бажова. Письмо дочери В. Д. Жукова.

Урала от Колчака вас как активного участника в строительстве Красной гвардии и Красной армии, как энергичного борца за Урал Свердловский окружной исполнительный комитет Советов награждает настоящей грамотой.

Советская общественность надеется, что вы на всех этапах развития революции, как и в годы борьбы с колчаковщиной, будете в первой шеренге бойцов за социализм и мировую Республику Советов»[1].

Первую годовщину Октября страна встречала в тяжелой обстановке. О тех днях П. П. Бажов писал:

«Черное кольцо, замыкавшее Республику Советов, становилось все тесней и тесней и, казалось, с каждым днем увеличивалось в своем объеме. Единственным утешением был Запад, где тогда загорались огни революции. Освобождение из тюрьмы К. Либкнехта, демонстрации в Берлине под лозунгом: «Да здравствует Ленин», распад Австро-Венгрии...— все это давало надежду на близкую помощь пролетариата Запада.

Вблизи же безразлично постукивал аппарат, и на бумаге появлялись далеко не безразличные слова: «В северном направлении замечено обходное движение. Срочно шлите подкрепление».

Давалась неразрешимая задача послать подкрепление из несуществующих резервов.

— В восточном направлении чехословаки переходят в наступление. Поезд с продовольствием еще не пришел. Он и не придет никогда. Вместо поезда отправлены лишь два вагона, где погружены последние крохи продовольствия и праздничные подарки, здесь же разместились члены дивизионного бюро РКП(б), и еще осталось много свободного места.

---

[1] Музей П. П. Бажова в Свердловске.

— Когда выслан бронепоезд с грузом? Надобность крайняя.

Опять неразрешимая задача: откуда взять снаряды, когда их нет. Такова была обстановка первой годовщины»[1].

В эти тяжелые дни он писал жене и детям:

«Валянушка! Родная моя, хорошая! Ребята! Где вы все? Что с вами? Как тяжело не знать этого! Хоть и уверяю себя, что ничего с вами не сделали, но полной уверенности все-таки не имею, и мне представляются картины одна другой безотраднее... Одно время я был уже совсем близко, только несколько верст отделяло меня от вас, но пришлось отступить. Ты все-таки не унывай, крепись и заботься о ребятишках. Все в них. У них все впереди. И для своих и для чужих ребят не могу согласиться, чтобы опять допустить владычество этого проклятого денежного мешка. Его свалить — ничего не жаль. И все-таки свалим!

Из наших, которых ты знала, правда, многих нет, но на смену им приходят новые, и силы не слабеют, а крепнут, если не здесь, то в других местах. У меня всетаки уверенность, что к зиме будем в своем уезде, вернусь и я, если, конечно, уцелею. Наши меня, правда, берегут, но случайности всякие бывают. Работы у меня, как везде и всегда, полно. Ею только и спасаюсь. Если выдается свободный час, то это всего хуже — все думаешь, что с тобой, с Алешкой, с девчонками. Ночи не сплю сплошь, а как-то это на меня мало действует, вошло в привычку. Но ты не бери с меня примера. Помни, что у тебя на руках трое малышей и у самой еще много осталось впереди. Не унывай, заботься о ребятах, жди

---

[1] П. П. Бажов. «Красный путь», 1922, 7 февраля (г. Камышлов).

меня. А если не случится возвратиться, не раскисай, не падай духом — у тебя дети. Помни мою последнюю просьбу — воспитай, как я говорил. Прощай, поцелуй ребят»[1].

К зиме, как предполагал Бажов, ему не пришлось вернуться к семье, в родной дом, и ни к весне, и ни к лету...

Самоотверженность, с которой сражались против Колчака вновь сформированные полки Красной Армии, в том числе Камышловский, неоднократно отмечалась. Об истории этих полков писал генерал-полковник Ф. И. Голиков в предисловии к книге «Бойцы первого призыва»: «Нет надобности умалять и смягчать те огромные трудности, которые они перенесли, и те исключительные испытания, которые ими были выдержаны. Полки бессменно в течение 8—9 месяцев находились в непрерывных боях. Под натиском превосходящих сил врага им пришлось с боями отходить, неся серьезные потери»[2].

3-я армия Восточного фронта, в которую входила 29-я стрелковая дивизия, с тяжелыми потерями оставила Пермь. Во время этих боев отец попал в плен. Ему удалось бежать. Попытка пробраться к своим через линию фронта окончилась неудачей. Части Красной Армии и партизанские отряды отступили за Каму, и путь к ним преграждали многочисленные колчаковские заслоны.

Холодной уральской зимой, в легком пальто и сапогах, шел он ночами вдоль проселочных дорог, находя временный приют в деревнях и заводских поселках.

---

[1] В. А. Бажова. Павел Петрович Бажов в воспоминаниях. Свердловск, 1953, с. 149—150.

[2] П. П. Бажов. Бойцы первого призыва. Предисловие, с. 13.

Однажды его, замерзшего, полуживого, подобрал в лесу крестьянин, уложил в дровни, укутал рогожей и, рискуя собственной жизнью, провез мимо колчаковского поста. Об этом пути из Перми в Екатеринбург, а потом через Камышлов в Томский урман Павел Петрович предполагал рассказать подробно в «Записках рядового крестьянского полка»[1].

Мама в это время находилась в отчаянном положении. В маленьком уездном городе, каким был тогда Камышлов, всем было известно, что она — жена большевика и что муж ушел с частями Красной Армии. Она с детьми пыталась укрыться у сестры — учительницы Августы Александровны Иваницкой в селе Спасском, но ее арестовали колчаковцы и увезли в Камышлов. Арестовали и вторую сестру мамы Наталью Александровну Иваницкую за то, что почти все ее ученики ушли с частями Красной Армии. Арестовали маминых зятя и тетку, а племянника зарубили шашками.

Маму не трогали, видимо, надеялись, что беспокойство о семье приведет сюда Павла Петровича и его удастся схватить. Школа, где мама осталась с детьми и старушкой матерью, непрерывно подвергалась обыскам. В конце концов ей пришлось вернуться в Камышлов: она ждала ребенка. Из больницы сразу же после родов ее отправили в заразный барак, где она и новорожденный тяжело заболели. И тогда ее больную, с умирающим ребенком на руках выписали из больницы. Как раз в эти дни и попал в Камышлов отец. Они не любили вспоминать страшную ночь, которую он провел под крышей своего дома.

Павлу Петровичу пришлось покинуть семью. В городе свирепствовали белые, его могли узнать, хотя, сбрив

---

[1] План-конспект этой работы хранится в Музее П. П. Бажова.

бороду, он изменил внешность. Бажов с подложными документами, которые помогли достать камышловские железнодорожники, поехал в Сибирь, где развертывалась партизанская война против колчаковцев. Отправился он в дорогу совсем больным, путь от Перми до Екатеринбурга в легкой одежде отозвался на его здоровье. По дороге он попытался остановиться, поискать своих, но это ему не удалось — его документ вызвал подозрение, подписи были сделаны плохо. Еле выбрался из Омска. Пришлось ехать дальше. Совсем больным добрался до Барабинска.

Об этом периоде своей жизни он подробно рассказал в автобиографической повести «За советскую правду». В предисловии к книге сказано:

«Здесь нет выдумки. Иногда даже не изменены названия мест и действующих лиц. Оставшиеся в живых могут узнать себя. Время действия — февраль—апрель 1919 года»[1].

Воспользовавшись указанием отца на автобиографичность повести «За советскую правду» и точное указание на время, хочу привести оттуда небольшой кусок, который является литературным изложением многократно слышанных рассказов.

«Шестеро на площадке товарного вагона — норма. Даже самые строгие охранники не придираются на остановках.

Стоять приходится боком. Положение крайних опасное. Бывает, что и спихнут. В середине и безопаснее и теплее. Только все-таки холодно.

Конец зимы, безветрено, а дышать больно.

Зима девятнадцатого года, мягкая и снежная вначале, теперь прижала наглухо. Вторую неделю держатся

[1] П. П. Бажов. За советскую правду. Уралкнига, 1926, с. 4.

морозы, лютые, упорно ровные, градусов на тридцать пять. Начинает казаться, что это тоже норма, как шестеро на площадке.

Маленький бритый человек в синих очках притулился в середине площадки, между двумя мордастыми спекулянтами.

Поверх городской шубейки надет огромный, с чужого плеча, бараний тулуп с «саксачьим» воротником. «Семифунтовые казанские с крапинками» надежно защищают ноги от холода. Теплая, на меховой подкладке шапка-ушанка.

А все-таки, видно, перемерз. Кашляет. Непрерывно, подолгу, до холодного поту. Беспокойно возится...

Высокий спекулянт в дохе из дикого козла ворчит:

— Умирать которым пора, а тоже за товаром ползут.

Бритого человека мучительно бьет кашель... Жгуче саднит поясница и плечи. В голове одна мысль — попасть в тепло, в баню.

Куда ехать?

В кармане случайно купленный в Татарске у какого-то полузамерзшего неудачника-спекулянта билет до Иркутска.

Но ехать туда незачем.

Есть и другое удостоверение: на имя Кирибаева — торгового агента по закупке товаров для кооператива. Удостоверение хорошее. Напечатано на машинке. Номер, печать с двумя руками, три подписи. Только полагаться на него все-таки нельзя. Подписи плохо сделаны. Да и мало одного удостоверения. Опыт показал.

В Омске Кирибаев пытался с этим документом остановиться поискать своих — так еле выбрался.

В Татарске не пустили ни в гостиницы, ни на постоялый двор. Из-за кашля: «Умрешь, а тут возись!»

Дальше надо куда-то.

Совсем неожиданно показалось белое каменное здание вокзала. Отчетливо бросилась на глаза надпись: Барабинск.

Ни одного замерзшего окна.

Вот где погреться!

Скрючившийся на краю площадки человек, которого спекулянты считали уже мертвым, вдруг спрыгнул со ступеньки и как-то по-заячьи побежал мимо здания вокзала.

Низенькое, длинное, вымазанное глиной здание с обледеневшими окнами. Оборванная обивка двери. У входа желтые дыры в белом снегу.

Долго кашлял перед входом. Готовился, чтобы не отказали, как в Татарске. Потянул ручку. Обдало промозглым туманом плохо топленного помещения и пивным перегаром. Захватило в припадке кашля.

Выбежала старуха.

— Есть комната?

— Вам надолго?

— Не знаю, как придется.

— У нас на время больше берут. Двадцать рублей. За простыни особо. Постоянных жильцов не держим. С хозяином в случае поговорите...

В узкий просвет коридора видна спина в «американской форме».

Тренькает гитара. Визжит женщина. Пьяный мужской голос выводит:

За-латууую па-ставлю кра-а-авать...

Кирибаев сплюнул и хлопнул дверью. Старуха что-то кричит вслед.

«В маленьких домишках, пожалуй, пустят, только ведь подведешь. К доктору разве? Может быть, в больницу положат. Есть же какая-нибудь. А документы?»

На этой мысли Кирибаев махнул рукой и пошел

к ближайшему дому. Из ворот как раз вышла женщина с ведрами.

Из разговора узнал, что в Барабинске искать ночлега и какой-нибудь квартиры безнадежно. Городишко переполнен.

— Да вы что? Езжайте до Каинска. Самое это спокойное место. Скоро первый поезд по ветке пойдет.

— А далеко?

— Недалечко же. Двенадцать верст. Поезд три раза в день ходит.

— Билет достать трудно?

— Да нет же! Сколько угодно. Вон дымок.

Кирибаев взглянул по указанному направлению, побежал к вокзалу. Задыхался, кашлял, а все-таки бежал.

В вокзале на скамейках сидело человек пять. Все женщины. Спросил, где дают билеты на Каинск.

— Вон в то окошко.

Подозрительно посмотрел на пустой угол, но пошел туда. На листке бумаги синим карандашом: «Разменом не затруднять. Билет 30 копеек».

Вошел в ближайший вагон. Никого. Сел к окну на скамейку, подложил под локоть дорожный мешок.

Тепло... Вот где выспаться!

Мешает кашель и зуд. С трудом стаскивает с себя верхний тулуп, ожесточенно скоблит поясницу и плечи.

Вагон наполняется. Проверяют билеты. Сидеть свободно. Никто не покушается на занятую Кирибаевым скамейку, и он моментально засыпает, закрывшись тулупом.

Кажется, прошло не больше минуты, а уже трясут за плечо — выходить.

Эх, если б можно было остаться в теплом вагоне и ездить взад и вперед, пока не выспишься...

Но нет. Надо продолжать поиски.

Кирибаев с остервенением скоблится и пачинает надевать верхний тулуп.

Еле выбрался из опустевшего вагона. Ноги после передышки совсем отказались служить. Сказались площадка и голодовка.

В маленьком вокзальном здании опять офицеры и женщины с корзинами бутылок.

Извозчиков много. Кричат:

— Пожалуйста, купец. За три рублика довезу.

Цена непривычно дешевая по тому времени. Это действительно угол, где можно отлежаться, полечиться. Только вот своих здесь едва ли найдешь!»[1]

Отец часто вспоминал о том, как было тяжело первое время, когда он, чужак, приехал в глухую деревню в Томском урмане, где люди были неразговорчивы, настороженны. Как познакомился он, а потом и подружился с учителем Антоном Павловичем Мацуком, веселым человеком, песенником и балагуром, и понял, что это «свой». Уже вместе они нащупывали связи. Рассказы отца запомнились, а позже их дополнили его книги.

«Вы, господин вучитель, товарищ будете?» — спрашивали крестьяне героя повести «За советскую правду» Кирибаева.

Для Кирибаева положение давно определилось, и он с улыбкой говорит:

«— Кому как...

— Вот хоть бы нам,— подхватывает Омелько,— если нас казаки драли.

— Товарищ выходит. Меня тоже порядком измяли. Ели жив выбрался.

Андрей вскакивает и возбужденно машет руками:

— Я ж говорил... А! Не вучитель, а товарищ!

---

[1] П. П. Бажов. За советскую правду, с. 11—13.

Надолго открылись сверкающие зубы Омельки.

— Видное ж дело. Образков нет, и вошь, як патрон. Опричь окопа таких не найтить.

Сейчас же переходят к расспросам:

— Как там? Скоро ли прийдет? Где теперь? Есть ли хлеб? Патроны?

Кирибаев рассказывает об уральском фронте.

Разговор переходит в военное совещание. На вопрос об оружии Андрей отвечает, что у него есть старый, запрятанный в урмане бердан и винчестер, который удалось утащить из Омска при демобилизации.

— Патронов только две обоймы, — вздыхает он.

— Так ты ж ими десять казаков снимешь.

У Омельки тоже есть трехлинейка и к ней десятка полтора патронов.

Называют еще многих крестьян, у которых припрятано оружие. Спорят, но сходятся на одном: не на всех можно полагаться.

На охотника Панаску поп донес как на большевика, давно уже пришел приказ об его аресте, но Панаска вовремя скрылся.

На этой пятерке пока решили остановиться.

Кирибаева все еще не оставляет чувство радости. Недовольство крестьян ему было давно видно, но чтобы в этом глухом старообрядческом углу так сразу и просто переходили к подсчету оружия, этого он не ожидал».

Вскоре в урмане появился большевик, вернувшийся с фронта, — крестьянин Чубыкин. Стал создаваться партизанский отряд. Бездействие кончилось. «К началу весны берданок и трехлинеек насчитывалось в округе 87 штук, но патронов было мало»[1], — пишет Бажов.

[1] П. П. Бажов. За советскую правду, с. 55—56.

Когда вскрылись реки, между Биазой и Межовкой раздались первые выстрелы. Партизаны уничтожили ненавистного колчаковца, начальника милиции Биазы поручика Гаркушу и его помощника. Так отряд заявил о себе. В него потянулись все новые и новые люди. Вскоре весь север Каинского уезда был охвачен пламенем восстания. Командиром партизанского отряда всей северной части Каинского уезда был избран Иван Чубыкин, в состав штаба вошли учителя Мацук и Бажов.

Даже спустя много лет отец с гордостью рассказывал о том, как партизанам, плохо вооруженным и обученным, удалось разбить посланный из Каинска карательный отряд в триста сорок штыков. В сорока верстах от Межовки карателей встретили заранее предупрежденные партизаны и на узких лесных тропинках начисто разгромили хорошо вооруженных белогвардейцев, пополнив при этом свои запасы оружия.

Я не знаю, как воевал отец. Уж очень он мне всегда казался невоинственным, тихим человеком, но я знаю, что он принимал участие в этом бою под Межовкой, так же как и во многих других боях, и что стрелял он метко.

В мае — июне 1919 года колчаковские части были брошены против партизан, которые с боями отступали к Биазе и Межовке. Когда кончились боеприпасы, отряд скрылся на островах среди болот и вновь развернул свою деятельность с приходом красных войск, а Бажов под видом страхового агента Бахеева перебрался на Алтай.

Невысокий человек в темных очках — страховой агент Бахеев — мог появляться в любом месте, не вызывая подозрений. Он осуществлял связь между соединениями партизан «Красные горные орлы», рассказывал о положении на фронтах, вручал партийные билеты. О том, каким опытным, тактичным и смелым подполь-

щиком был отец, рассказал в своих воспоминаниях Н. С. Рахвалов[1].

Недавно Николай Семенович Рахвалов, прочитав мои воспоминания об отце, прислал большое подробное письмо. Я очень благодарна ему и за критику, и за то, что он рассказал о жизни моих родителей на Алтае.

«Вот и вы, Ариадна Павловна,— пишет Н. С. Рахвалов,— повторяете ошибочные суждения: «Я не знаю, как воевал отец. Уж очень он мне всегда казался невоинственным, тихим человеком...» А, между тем, ваш отец был молод и отважен. В жизни тихих, невоинственных людей бывают мгновения, когда они, мобилизуя все свои внутренние силы, становятся способными на беззаветное мужество. А Бажов был внутренне подготовлен к тому, что ему предстояло делать в разгар классовых боев, в условиях гражданской войны на Алтае. Все остальное зависело от времени, обстоятельств, в которых проявились его воля, стойкость, выдержка... А выдержка была ой как необходима... Павел Петрович поселился в трех километрах от города Усть-Каменогорска, на Верхней пристани, в доме Матрены Антоновны Рябовой. Двое сыновей ее, большевики, погибли от руки белогвардейцев. В непосредственной близости находился Шмелев лог, где по ночам происходили казни. Трупы казненных не всегда убирали, оставляя в назидание населению».

В 1919 году, получив первую тайную весточку от отца, извещавшего, где он находится и как его можно разыскать, моя мать, только выйдя из больницы и похоронив сына, забрала детей — семилетнюю Ольгу, шестилетнюю Елену и трехлетнего Алексея — и отправилась

---

[1] См.: Н. Рахвалов. Бажов в Усть-Каменогорске. — «Урал», 1969, № 1.

в дорогу, не зная точно, где находится отец и жив ли он. Как они ехали, кто помогал в пути, где им приходилось холодать и голодать — обо всем этом каждый рассказывал по-своему. Но рассказ о том, как они, наконец, после долгой и сложной дороги прибыли в Усть-Каменогорск и увидели на пристани в толпе встречающих отца — и мама шепнула детям: «Вот ваш отец, только об этом никому нельзя говорить!» — я помню с детства, неоднократно повторенный, и у меня всякий раз замирало сердце.

Жизнь Бахеева на Верхней пристани с семьей стала еще опаснее. Паспорта у них были на разные фамилии. Он — Бахеев. Она — Бажова. Это всегда могло вызвать подозрение. Детям тоже не объяснишь, что можно говорить, а что нельзя. Моей матери нужно было большое мужество, чтобы все это перенести, быть рядом с мужем, сохранять спокойствие и выдержку.

В конце 1919 года соединение «Красные горные орлы» вошло в Усть-Каменогорск, освободив его от белогвардейцев. Среди первых двадцати восьми членов коммунистической партии Усть-Каменогорска был и Павел Петрович Бахеев-Бажов[1].

О положении, которое сложилось на Алтае в Бухтарминском районе, где отец сначала работал в подполье, а потом вел борьбу за установление Советской власти, он рассказывал неоднократно, часто возвращаясь мыслями к этому периоду своей жизни.

«В те годы Бухтарминский край был далекой окраиной Советской республики. Крестьянство там было зажиточное. Помещиков коренные жители края не знали. Земли в избытке. Недостатка в фабричных изделиях тоже не чувствовалось.

---

[1] См.: Н. Рахвалов. Бажов в Усть-Каменогорске.— «Урал», 1969, № 1.

Советских войск из России тогда здесь был только один полк коммунистов, а местное крестьянство было организовано в восемь партизанских полков из бывших фронтовиков, знавших в совершенстве свою горную местность, великолепно вооруженных и пользовавшихся доверием всего населения...

Одинокому советскому полку поддержки ждать было неоткуда. Основные группы Красной Армии были тогда заняты на других, более важных фронтах, да и пути сообщения с Алтаем были плохие.

...К началу лета 1920 года бухтарминский крестьянин окончательно определил свой революционный путь. Оставив дома необходимый заслон против вылезавших время от времени из-за границы белобандитов, бухтарминцы выделили значительную группу бойцов на Южный фронт. Три эскадрона кавалеристов на лучших алтайских скакунах, в полном вооружении пошли с Бухтармы против Врангеля. Местным органам Советской власти пришлось даже ограничить запись добровольцев, чтобы не ослабить заслона на китайской границе».

Коммунист Бажов, как и многие другие, внес свою долю в пропаганду, направленную на то, чтобы сибирское крестьянство правильно выбрало свой путь и пошло вместе с Советской властью.

После установления Советской власти в Усть-Каменогорске Бахееву-Бажову было поручено организовать выпуск уездной газеты. Сначала она называлась «Вестник», затем «Известия» Уревкома. 27 декабря 1919 года вышел первый номер «Известий». Бажов стал в этой газете редактором и корректором, литсотрудником и выпускающим. С декабря по март 1920 года вышло шестьдесят девять номеров газеты, в марте она прекратила существование, а с мая 1920 года стала выходить под новым названием «Советская власть». До февраля

1921 года ее главным редактором был П. П. Бажов.

По рассказам отца можно было представить, какой наполненной, напряженной и тревожной была его жизнь в те годы. Но только теперь спустя много лет, когда изучены его архивы и исследовательским глазом просмотрены газеты, в которых он сотрудничал, можно отчетливее представить себе объем его работы, заботы и тревоги тех дней. В 1974 году в издательстве «Казахстан» (г. Алма-Ата) вышла книга журналиста В. Н. Усачева «Журналист первого призыва», которая дает возможность на основе фактического материала рассмотреть работу Бажова-журналиста, начиная с его первых шагов в камышловской газете и кончая последними выступлениями в «Уральском рабочем», «Труде», «Правде», «Литературной газете».

В книге В. Н. Усачева на материалах Усть-Каменогорского и Семипалатинского архивов и газет, выходивших в этом крае в 1919—1921 годах, особенно подробно раскрывается работа Бажова на Алтае[1].

Газета давала широкую информацию о создании в крае органов Советской власти. В ней помещались приказы и распоряжения ревкома о национализации рудников, промышленных предприятий, о выдаче ссуд для восстановления предприятий, распоряжения об организации местных судов, об оказании помощи беднейшему населению.

В разделе «По уезду» помещались обзоры постановлений крестьянских сходок о поддержке политики Советской власти. Собрание казахской бедноты села Снегирево Бухтарминского уезда просило Советскую власть помочь казахским трудящимся сбросить гнет купцов, баев и дру-

---

[1] См.: В. Н. Усачев. Журналист первого призыва. Алма-Ата, 1974, с. 25—63.

гих мироедов. В газете часто публиковались материалы, призывающие бороться с врагами Советской власти, пресекать саботаж, преступления, спекуляцию, расхищение народного хозяйства, национализированных рудников и горнопромышленных предприятий.

Несмотря на угрозы и даже аресты[1], Бажов твердо проводил в газете линию революционного комитета. Он разъяснял на страницах газеты мысли В. И. Ленина о коммунистическом воспитании.

«Теперь власть в руках трудящихся,— писал он,— обманывать им некого, они все знают, что ценности создаются трудом. Только усилиями труда можно вывести страну из обнищания, в которое загнала ее буржуазия. Часть усть-каменогорской буржуазии хотя морщится, а чистит все-таки дорогу на Риддер. Все же лучше, чем сидеть дома и бесполезно мечтать о былых временах».

16 марта 1920 года Бажов был назначен заведующим отделом народного образования. В городе и деревне он помогал открывать школы-интернаты, общежития для детей казахов, курсы по подготовке учителей из местного казахского населения.

Объясняя, почему Бажов сразу после победы Советской власти не вернулся к своей настоящей фамилии, а продолжал носить фамилию Бахеев, Н. С. Рахвалов вспоминал: «П. П. Бахеев пользовался большой популярностью в крае. Многим был знаком его глуховатый голос и манера говорить спокойно, убедительно, четко и грамотно, спорить аргументированно, теплота и забота, с которой он относился к молодым. Когда его имя называли в числе выступающих, раздавались дружные аплодис-

---

[1] Бажов отказался подписать в набор контрреволюционное воззвание полуанархиста, полуэсера, бывшего поручика белой армии Козыря, в декабре 1919 года временно захватившего власть в Усть-Каменогорске.

менты. Его внимательно слушали. Популярность Бахеева помогала ему доходчиво, ясно проводить в жизнь правильную политику. Естественно, его новое имя помешало бы этой популярности, рожденной в совместной борьбе за завоевания Советской власти. Было у него много друзей среди русских и казахов». Не только Н. Рахвалов, но и казах Баяш Утепов с теплотой вспоминает о Павле Петровиче как своем первом учителе. Не забыл о нем и Бажов.

Именем своего друга Жанши Кирибаева он назвал главного героя повести «За советскую правду».

В мае 1920 года, как я уже писала, вместо прекратившей существование газеты «Известия» возникла новая — «Советская власть». Только за девять месяцев Бажов подготовил, отредактировал и написал около тысячи статей, заметок, репортажей.

Когда отец вспоминал об этом времени, он начинал ходить по комнате, голос его становился громче, он молодел, и я отчетливо представляла себе отца в папахе с красной лентой наискосок, с ружьем за плечами.

— Когда отец уходил в ночной патруль по охране города, я не спала,— рассказывала мама.— Такое было опасное время. Вокруг Усть-Каменогорска действовали банды белых, кулачество их поддерживало. Отец часто уезжал в командировки и, возвращаясь, рассказывал, какими непроходимыми тропами приходилось ему пробираться, как встречали его казаки с Бухтармы.

Родители мои жили при Упрофбюро, напротив помещался комитет партии. Часто к ним заходили ответственные работники, чтобы отдохнуть, наскоро перекусить перед ночным дежурством по охране мостов, разъездов, дорог, складов с продовольствием. Уходил с ними и Павел Петрович. Часто случалось, что после дежурства кто-нибудь не возвращался... Эти тревожные, страшные ночи

мама проводила без сна, сидя на подоконнике, прислушиваясь к тревожной тишине, лаю собак, к выстрелам где-то далеко в горах. Сидела и ждала: вернется ли? Жив ли? Долгие годы потом эти ночные ожидания снились ей как кошмар.

Не только для отца, но и для мамы период жизни на Алтае самый важный. Именно в эти годы ярко проявились лучшие черты ее характера. Надо быть мужественным человеком, чтобы, не задумываясь, ринуться в далекие края, зная, что ее ждут тяжести подпольной жизни, тревога за жизнь мужа и детей. Как важно было не терять выдержки в период господства в городе анненковцев, во время массовых расстрелов и казней, быть опорой не только мужу и детям, но и товарищам-партизанам. Как никогда в это время проявились мамины деловые качества. Она принимала участие в создании первой после установления Советской власти библиотеки в Усть-Каменогорске. Получила и расставила на полки первые книги, составила первый каталог. Была активным членом коллектива художественной самодеятельности, который возник при рабочем клубе «Красная звездочка». Играла в нем самые разные роли — от главной героини до суфлера. Помогала в организации первых интернатов для детей-сирот. Никогда потом маме не пришлось работать, учительствовать, как она мечтала в юности, но и на это она не жаловалась, твердо знала, что дети в ней нуждаются, что ее задача — оградить мужа от хозяйственных забот и дать возможность работать, и никогда не жалела о том, что на это ушли все ее силы, вся жизнь.

Шел 1920 год. Как раз в это время группа партийных работников из Усть-Каменогорска была направлена в город Каркаралинск, расположенный западнее Семипалатинска. Старые боевые друзья настойчиво звали с собой и Павла Петровича. Он очень хотел поехать, но приш-

лось задержаться — на губернской партийной конференции он был избран в Семипалатинский губком партии.

Мама часто рассказывала, как пришла ужасная весть. Каркаралинск подвергся нападению банды белых, которая проходила от Петропавловска к границе Монголии. Сорвав сторожевые посты, белые ночью ворвались в город. Перерезали, зверски растерзали не только партийных работников и их семьи, но и всех служащих. На следующий день в учреждениях было пусто. А из партийцев остались живы только двое — они находились в командировке в Семипалатинске. Погибли все боевые друзья Павла Петровича.

Часто вспоминали о жизни на Алтае и сестры. Вспоминали они, как цветут багульник и альпийские маки, как вкусны семипалатинская колбаса и конопляное семя с медом. Это лакомство в доме называли «последняя отрада», и выдавала его мама в исключительных случаях. О том, как мама радостная вернулась с рынка с куском мыла, вымыла свои роскошные черные косы... и волосы остались у нее в руках. Как она горько плакала, а отец утешал и говорил, что сейчас она гораздо красивее. Как отца арестовали и посадили в крепость. Как трясла его жестокая малярия. А в доме нависла мучительная угрюмая тишина, и все, включая маленького Алешку, ждали, когда же пройдет мучительный приступ.

В мае 1921 года «заведующий информационным отделом военно-революционного комитета общественной и политической организации, член военно-революционного комитета, председатель уездного комитета РКП(б), редактор газет «Известия Ревкома» и «За Советскую власть»[1], член Семипалатинского губернского комитета

[1] Так в тексте. Документ хранится в Музее П. П. Бажова.

партии Павел Петрович Бажов вследствие тяжелого заболевания и по просьбе Камышловского исполкома возвращается в Камышлов».

Моя мать с тремя детьми и мужем, до крайности изнуренным малярией, отправляется в обратную дорогу. Транспорт работал с перебоями. Приходилось ехать в теплушках, в тамбурах, жить по неделе и больше на полустанках. В дороге отец заразился тифом. Ослабленный организм с трудом боролся с болезнью. После брюшного тифа начался паратиф, потом тифоид и в конце концов тяжелое воспаление легких. Полгода жизнь Павла Петровича висела на волоске. Выздоровел он на Урале. Здесь его все радовало — и неяркое уральское солнышко, и запах соснового леса.

— Не жилец он на свете,— сказал маме, скорбно покачивая головой, камышловский земский врач, старый друг отца. А больной просил об одном: выносить его в лес. В весеннем сосновом лесу он лежал часами без движения, глядел на деревья, слушал пение птиц... и постепенно стал поправляться... Семья ожила, повеселела. Вскоре он уже снова работает, редактирует газету «Красный путь».

В 1923 году семья переехала в Екатеринбург. Павел Петрович был назначен заведующим отделом крестьянских писем областной «Крестьянской газеты».

В те годы отец редко бывал дома. Теперь, спустя много лет, я перелистываю пожелтевшие документы — свидетельства его жизни. Вот билет № 16 — делегата от Камышловского уезда Бажова П. П. на IX Екатеринбургскую губернскую конференцию РКП(б), состоявшуюся 15 марта 1923 года; телеграмма: «Переведено через уком 6 червонцев путевых переезд Екатеринбург. Ждем Вашего приезда. С приветом. Члены редколлегии редакции «Крестьянской газеты».

Далее следует документ, связанный с хлопотами об устройстве семьи на новом месте. В связи с поступлением в школу им. Ленина моих старших сестер Ольги и Елены редколлегия «Крестьянской газеты» подтверждает, что Бажов П. П. является ее сотрудником с окладом 143 рубля.

Вот номер «Крестьянской газеты», в котором помещены портреты шести членов редколлегии. Отец очень худой, с заострившимися чертами лица после малярии и тяжелого тифа.

Помимо своей основной работы в «Крестьянской газете», он выполнял еще множество разных поручений. Сохранилось распоряжение Екатеринбургского окружного военного коменданта от 16 февраля 1924 года, которым Бажову поручается «в случае объявления всеобщей мобилизации выработать статью на тему текущего момента и передать в редакцию газеты через три часа после объявления всеобщей мобилизации». В это же время Екатеринбургский губернский комитет РКП(б) приглашает его на заседание комиссии по выработке плана издания агрономической и крестьянской литературы. В марте 1924 года Бажов проводит конференции в Сысертском, Арамильском, Белоярском районах. Выступает с докладом о работе редакции и «дает ответы на все вопросы, интересующие крестьян».

Бурной была жизнь журналиста тех лет. Бажов получает распоряжение: сделать 6 октября в библиотеке им. Белинского доклад на тему «Работа с селькорами». А 18 октября приходит извещение: «С сего числа Вы мобилизованы Окружкомом на налоговую работу. Выезд Ваш из Екатеринбурга может быть лишь с разрешения Окружкома. Никаких заданий, кроме как от Окружкома, Вы принимать не должны». Между тем в этот день он присутствовал в Екатеринбургском комитете РКП(б)

на инструктивном совещании «по вопросам шефства». А в ноябре ездил по области с докладами о годовщине Октябрьской революции.

Вот год моего рождения — 1925-й. Мелькают командировочные удостоверения: проведение агрономического совещания по просьбе Ирбитско-Туринского окружного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов; обследование работы селькоров; поездка в Челябинск для проведения Ленинской недели; для организации посевной в Ирбитский округ, Баженовский, Каргопольский, Зайковский, Ревдинский, Первоуральский районы, Сарапул, Камышлов.

И все это дополнительно к потоку крестьянских писем, о котором отец говорил как о «реке, насыщавшей его знаниями, обогащавшей его творческую мысль».

Вот что пишет он сам об этом времени:

«За годы своей газетной работы писал немало, но старался выбрать лишь то, что приближается к литературной работе. Сюда кроме очерков о коллективизации уральской деревни, данных в виде путевых записей, отношу зарисовки деревенского быта 20—30-х годов. Таких зарисовок за подписью Деревенский помещено было в «Крестьянской газете» очень много... Иногда наблюдения над деревенской жизнью оформлялись в виде рассказов, печатавшихся с продолжением. Кроме работы для своей газеты, журналистам того времени приходилось обслуживать издававшийся при «Уральском рабочем» журнал «Товарищ Терентий». В этом журнале за подписью Старозаводского тоже помещались мои очерки: «Из поездки в Каслинский завод», «У мраморных кустарей» и др.

Очерки по истории фабрик и заводов: «Северные сукноделы», «Первый лесозавод», «Машинка на Азанке», связанные с историей Тавды, представляют запись рас-

сказов рабочих. К этому же разделу отношу и «Туринское восстание»[1].

Критические статьи он печатал за подписью Чипонев (читатель поневоле). Это не столько рецензии, сколько протест против безответственных редакторов, выпускавших временами совершенно недопустимую халтуру.

Сохранилось более десятка его писем той поры к семье. Из них видна и жизнь села, и увлеченность Павла Петровича делом, которым он в данный момент занимался, и его отношение к нам, его близким. Письма написаны в апреле — мае 1930 года.

«Валестеночка, ты что же? У меня миновала десятидневка работы, а от тебя ни строчки. (В это время я тяжело болела, а волновать отца не хотели, он очень трудно переносил детские болезни.— *А. Б.*) Ни ты, ни ребята не пишут. Только Алеша послал открытку, на которую я тотчас ответил. Тебе пишу третье, а от тебя — ничего. Настроение пошло к низу.

Теперь чуть-чуть о работе. Близится сев, и те планы, которые легко идут на бумаге и в разговоре, придется проводить в жизнь. Чувствую, что не так гладко пойдет дело, трудностей много и придется работать с полным напряжением. С жилищем и питанием, по-моему, неплохо. Это вопрос второстепенный, но с работой гораздо труднее. Думаю все-таки, что лучше все усилия сосредоточить около работы тракторной станции. Она хоть с преувеличением так зовется, но все-таки 14 машин будет. Это кой-что значит. Если будут работать полным ходом в три смены, некогда тогда будет писать просторные письма, придется переходить на открытки. На днях переезжаю в деревню Васину. Интересует там меня пти-

---

[1] Письмо А. Г. Богачеву 22 марта 1950 г.

цеводное хозяйство. Там строятся большие птичники и скоро выведутся цыплята в инкубаторах. Надо взглянуть и кой-что сфотографировать. Жду письма. За меня будь спокойна. Целую тебя и ребят. Ридчёну наособицу».

«...Сижу в деревне Молоково,— писал он в другом письме.— Здесь ведется подготовка к посеву. Местами начинают раздавать семена. В двух-трех селах выехали на поля заборанивать пары. Все это говорит, что пахота и сев уже не за горами. Меня теперь, пожалуй, вовсю захватило мужицкой тревогой о погоде — от нее ведь все зависит, и быстрота и успешность сева. Пока стоят здесь солнечные, но ветреные дни. В такие дни сильно сушит сверху, но слабо идет оттаивание почвы. Такие холодные ветры уже нанесли значительный ущерб хозяйству артели — 105 гектаров озимой ржи «Вятка» по обследованию оказались «в неудовлетворительном состоянии», хотя из-под снега вышли хорошо. Все дело в том, что после тепла дня на три выпадал снег и по ночам крепко замерзало.

Словом, меня начинает захватывать деревенская вешняя сумятица и неопределенность. С табачишком бьюсь по малости. Посылать из Свердловска все-таки не надо. Не буду докуривать своей порции, а только по одной пачке в день».

«Валянушка, ну, я опять пока в Зайково. На днях будет в Скородуме собрание уполномоченных артели. Мне придется дождаться этого собрания. А потом поеду в Чернорицк, как предполагал. Уже сговорились с председателем артели — примерно после 15—16 направлюсь на недельку, может быть, и больше в этот район. Там, кроме Чернорицка, придется, вероятнее всего, поработать еще в Белослудском селе. Кстати, там говорят, на пригорках скорее сохнет. Есть предположение перебро-

сить туда трактора и начать пахоту неделей раньше, чем ожидают по району. Очень бы хорошо получилось, если бы удалось. Все-таки чуть не десятую часть пахоты можно бы возложить на машины. Вчера была проверка тракторов — оказались в удовлетворительном состоянии. Меня все больше и больше начинает захватывать деревенская весенняя суматоха, тревога о погоде. Приближаются те горячие дни, о которых сложилось присловье: «О вешну за вицей в куст некогда». ...Для успешной работы мне нужно лишь, чтобы у вас там все было как надо. Ну, всего хорошего».

Отец всегда был общественно активным человеком. Перестройка жизни, гигантские масштабы промышленного развития страны не могли не волновать журналиста Бажова. В 1934—1935 годах он побывал на строительстве Камского целлюлозно-бумажного комбината с тем, чтобы написать документальную повесть. Снова летят письма из Свердловска в Пермь по адресу: Рабочий поселок, редакция газеты «Камский бумажник», Бажову П. П. — и ответные из Перми в Свердловск. Работа у отца не клеилась.

«Результат сиденья здесь очень слабый,— писал он маме,— прямо не знаю что делать. Похоже, что стою перед глухой стеной и не нахожу места, с которого бы начать пробивать брешь. Теперь, когда объявлено постановление правительства об очередях пуска ТЭЦ и Камбумкомбината, здесь началась такая суматоха строительства, что подчас совсем не найду тех людей, с которыми бы надо хоть несколько минут поговорить. А и найдешь, так не обрадуешься, так как поговорить все равно не удается. Вообще в суете, как ты знаешь, я всегда теряюсь. Живу пока в общежитии, немножко беспокойно, но вполне терпимо.

Ты все-таки не думай, что я здесь вовсе опустил

руки. Хоть и с большим трудом, но добиваюсь материала. Завтра вот у меня ответственный день — заседание в парткоме. Будь здорова. Крепко целую тебя и ребятишек».

В августе 1935 года отец встретил нас с мамой в Перми, и мы несколько часов шли пароходом «Татреспублика» от Перми до Краснокамска. Для меня это был первый пароход в жизни и Кама была первой большой рекой, которую привелось увидеть. Впечатления меня подавили, и я совсем плохо помню детали этой поездки. Запомнилось только восхищение отца Камой, которое он явно хотел мне передать.

Целый месяц мы с мамой гостили у отца и жили в рабочем поселке, на строительстве «Камбумстроя» в одном из новеньких двухэтажных светлых домов посреди соснового бора. И от деревьев и от стен в доме пахло одинаково — свежей смолой. А вокруг кипела, бурлила в едином ритме жизнь большого рабочего коллектива. Весь поселок одновременно просыпался, уходил на работу, возвращался — печалился и веселился. Мне было там очень хорошо и весело. А отцу, видимо, не очень. Он постоянно возвращался к нам огорченный, невеселый. Не радовали его даже наши поездки по Каме в выходные дни и прогулки по лесу, когда веселые белки, которых было там множество, забрасывали нас шишками. Не знаю, почему у отца не ладилась работа. Может быть, он был связан теми творческими планами, которые изложил в редакцию «Истории деревни», может быть, потому, что уже не мог смотреть на конкретную обстановку журналистским глазом, а смотрел глазами писателя...

От его жизни в Краснокамске осталось несколько

объемистых папок с записями бесед с рабочими и инженерами строительства да неоконченная повесть «Через межу», которая была опубликована уже после его смерти и высоко оценена литературоведами. М. А. Батин назвал ее «наиболее интересным художественным произведением Бажова в первой половине 30-х годов»[1].

В середине 30-х годов внимание общественности обратилось к вопросам истории страны. На I Всесоюзном съезде писателей А. М. Горький сказал: «...начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, и поэтам, и прозаикам Союза»[2]. Это способствовало изменению отношения к фольклору, позволило начать борьбу против извращений подлинного смысла и значения лучших произведений устного народного творчества. В эту борьбу включился и П. П. Бажов.

Очевидно, мысль написать художественное произведение на основе уральского рабочего фольклора зрела давно. Еще в 1925 году отец со старшими детьми обошел пешком все уральские заводы, близкие ему по месту рождения. Я уже писала, что лето 1934 года мы с отцом и мамой провели в Сысерти. Ездили и ходили пешком в Полевской, Северский, Верхне-Сысертский заводы. В общей сложности с 1925 по 1935 год он раз шесть побывал на уральских заводах. Возможно, он искал путь к сказам. Свидетельством этих поисков можно считать его ранний сказ «Водолазы». Однажды отец вернулся домой очень взволнованный:

---

[1] М. Батин. Павел Петрович Бажов. Свердловск, 1959, с. 85.
[2] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27. М., 1953, с. 342.

— Подумать только, рабочий фольклор в сборнике не представлен,— говорил он нам за вечерним чаем о своей встрече с составителями сборника «Уральский фольклор».

В эту ночь особенно долго не ложился. Шелестели странички, он доставал с верхних полок какие-то старые папки, что-то искал. Много курил, ходил по комнате.

Моя память выхватывает из прошлого летний жаркий день 16 июля 1936 года. В нашем саду как будто специально к серебряной свадьбе родителей зацвела липа. Старшие сестры в то время уже не жили с нами, брат Алеша погиб в результате несчастного случая, осталась я одна. Но в этот день по пути в командировку в Златоуст приехала из Москвы Елена.

Мама, худенькая, красивая, в светлом ситцевом платье, с цветком в еще черных волосах, играла на гитаре и пела. Когда обо всем переговорили, съели пироги и выпили чай, отец с таинственной и смущенной улыбкой вынес из дома простую ученическую тетрадь с пушкинским Лукоморьем на обложке, исписанную ровным, аккуратным почерком бывшего учителя русского языка и чистописания, и прочел нам глуховатым голосом, смущенно покашливая, сказ «Медной горы хозяйка». Не помню, как кто реагировал... Мне только памятно чувство восхищения и тревоги, с которым я в этот день смотрела на отца.

Однажды, вернувшись из школы, я застала отца дома в неурочный час. Рассказывая школьные новости, я заметила: он мрачен, не может это скрыть за обычным вниманием и вообще меня не слышит.

— Я хочу поговорить с тобой, как со взрослым человеком.

Я кивнула головой, с удивлением глядя на него.

— Завтра ты пойдешь в школу и скажешь, что твой отец исключен из партии. Очевидно, тебе не позволят остаться председателем отряда и старостой класса... Тебе этого не доверят... Поняла?

На следующий день, вернувшись из школы, я нашла отца на дальнем, заброшенном участке нашего двора, где среди каменных глыб пробивалась дикая ромашка и кусты бузины. В рабочих сапогах и рукавицах, в нижней рубашке, отец ломом выкорчевывал камни и относил их в глубину двора.

— Вот видишь, с 1911 года все собирался это сделать, да времени не было,— улыбнулся отец.— Сказала?

— Сказала...

— Ну и умница, пойдем обедать.

С тех пор, возвращаясь из школы, я каждый день заставала отца за тем же занятием. Он разбивал камни ломом, выворачивал из земли и переносил. Груда камней увеличивалась, а участок земли для огорода расширялся. Иногда он колол дрова.

Сейчас я понимаю, что отцу было очень тяжело. В течение года он нигде не работал, никуда не ходил, у нас почти никто не бывал. Часто я заставала маму с заплаканными глазами. Жили трудно. Сбережений в семье никогда не было, да и откуда, если все предыдущие годы работал один отец, а на руках восемь иждивенцев. Если бы не мамина сестра Наталья Александровна Иваницкая, которая в те годы жила с нами и делилась своей учительской зарплатой, было бы нам совсем тяжело.

Ощущения нужды у меня от той поры не сохранилось. Тогда ведь все жили очень скромно. Но воспоминание о чем-то грозном, тяжелом, какой-то опасности, нависшей над семьей, осталось.

Еще с тех времен помню, что в Свердловском драмтеатре последний ряд тридцать третий, а билеты на эти места самые дешевые. Иногда мы с мамой выкраивали из семейного бюджета на поход в театр.

— Только уж пешком! — предупреждала мама.— Трамвай не предусматривается!

Театр у нас в семье всегда любили. Хорошо помню свой первый поход в оперный театр. Было мне лет пять или шесть. В те годы в Свердловском оперном театре шла «Перикола». Отцу, видимо, очень хотелось, чтобы спектакль мне понравился и запомнился. Несколько раз он заглядывал мне в лицо и спрашивал:

— Понимаешь? Нравится?

А мне запомнились только большой бутафорский ключ, золотые волосы героини и торжественная тишина зала.

Когда я стала постарше, мы часто ходили в театр вместе с отцом и мамой. Однажды возвращались после спектакля «Стакан воды» Скриба. Домой шли пешком и всю дорогу говорили о спектакле. Отец с удовольствием вспоминал смешные диалоги и положения.

В годы войны театр Красной Армии ставил пьесу Гладкова «Давным-давно». Она пользовалась неизменным успехом. Смотрел этот спектакль и отец. Очень смеялся.

— Вот смотри-ко ты, большие идеи в пьесе заложены — любовь к родине, патриотизм, а нравоучительности нет. Люди в ней действуют простые и обыденные. Кутузов даже не полководец, сошедший с пьедестала, а простой милый старик. И веришь всему.

Но, пожалуй, больше всего отец любил оперу, хотя музыкального слуха не имел. Бросал любую работу ради того, чтобы послушать по радио записи Шаляпина или Обуховой. Сам он пел редко, только в очень хорошем

настроении и, как правило, в одиночестве. Единственная мелодия, которой он неизменно вторил, где бы она ни звучала, дома ли из репродуктора, или в большом зале во время торжественного заседания, это Интернационал. У меня всегда было такое ощущение, что эта мелодия живет в нем и не петь он не может — это потребность, долг, радость. Очень часто, зачитавшись ночью допоздна, я слышала, как отец поет за стенкой Интернационал, который в то время звучал в конце последних известий.

Он очень любил русских композиторов — Чайковского, Глинку, Глазунова, Мусоргского, но знал и западную классику.

В конце 20-х — начале 30-х годов на сцене Свердловского оперного театра пели такие замечательные певцы, как Спришевская, Ухов, Лемешев, Горелов, Мухтарова. Позже, когда средства записи стали совершеннее и появилась возможность навсегда сохранить голос певца со всеми его особенностями и прелестью, отец страшно сокрушался, что уже нельзя записать замечательное исполнение молодым Василием Герасимовичем Уховым партии Онегина. По мнению отца, голос певца был так силен, а тембр так хорош, что он намного превосходил всех известных певцов. Спришевская блеснула на свердловской сцене, и навсегда ее голос остался в памяти театралов. Позже, слушая какую-нибудь арию в исполнении прославленных певиц, отец вздыхал и говорил:

— Хорошо, а все-таки куда до Спришевской!

Я порой возмущалась:

— Уверена, ты так говоришь, потому что людям всегда кажется, что раньше было лучше, чем сейчас.

— Может быть, может быть. Я ведь не спорю. А все-таки куда ей до Спришевской...

То, что он не может воспроизводить мелодии, огорчало отца. Он не раз и устно и письменно сетовал на это. Особенно, когда к нему обращались композиторы, писавшие музыку на сказы, за советом или просьбой оценить их труды: А. Фридлендер, К. Молчанов, Ю. Муравлев.

На нашем музыкальном воспитании он никак не настаивал. Единственному в семье Алеше передался мамин музыкальный слух, и он мог играть на любом инструменте, оказавшемся под рукой. О рояле во время скитаний по Сибири, Алтаю и Уралу, да и много позже мечтать не приходилось, единственное, чем мог помочь отец, он купил Алеше мандолину. Когда подросла я, уже была возможность учить меня музыке, но у меня, увы, не было ни способностей, ни желания. Мама сражалась со мной в одиночку при тихом попустительстве отца, и через год я вышла победителем.

— Ну, что уж поделаешь, Валянушка,— утешал он маму,— не огорчайся... внуки наши будут играть... а если не внуки — так уж правнуки непременно.

Но в тот тяжелый год отец в театры не ходил. Он вообще нигде не бывал. В любую погоду он копал огород, отдыхал на камнях, покуривая трубочку, глядя куда-то невидящими глазами, а ночами сидел за своей старенькой конторкой и записывал все, что придумалось за день. Иногда страницы шелестели всю ночь, и, зачитавшись какой-нибудь интересной книгой, я слышала до рассвета его тихие шаги, покашливание, иногда он неожиданно приходил ко мне, и тут мне, как правило, попадало, но не всегда. Иногда он просто садился ко мне на край кровати, спрашивал:

— Что читаешь-то? Ну... ну... это стоящая вещь...— и молча уходил, как будто и не заметил, что на дворе светает, уходил, погруженный в свои мысли, и опять за

стенкой мерил шагами комнату. А с утра все начиналось по-старому: сапоги, рабочие перчатки, лом или лопата...

К тому времени, когда отца вызвали в райком партии, вернули партийный билет и предложили приступить к работе, были продуманы основные сюжеты сказов, составивших позже костяк «Малахитовой шкатулки».

Сказы не сразу нашли своего читателя и завоевали признание.

— Это, Павел Петрович, я при всем уважении к вам печатать не стану,— сказала ему редактор сборника, которой отец впервые принес свои сказы.— Это фальсификация фольклора.

Демьян Бедный впоследствии рассказывал отцу, что спас его от разгромной статьи о первых сказах. Редактор одного из центральных детских журналов вернул рукопись сказа «Серебряное копытце» с категорическим и лаконичным отказом. Отец огорчался, терял веру в себя. Переставал писать. Не прекращалась только работа над словом. Писательская кладовая продолжала пополняться.

Признание и известность пришли к нему исподволь. 28 января 1939 года, в день шестидесятилетия отца, его друзья — свердловские журналисты, писатели и издатели — преподнесли ему драгоценный подарок — первый экземпляр первого издания «Малахитовой шкатулки», еще пахнущий типографской краской. Потом их было много, красивых и некрасивых, богатых и скромных, цветных и черно-белых, на многих языках мира. Но эта первая книга с дедушкой Слышко на обложке навсегда осталась для отца самой дорогой. На подаренном мне

тогда экземпляре книги еще очень четким отцовским почерком написано: «Моей маленькой дочерёнке — Ридчёнке».

Шли последние годы моего детства. В 1941-м началась война, и детство оборвалось внезапно. В 1941 году отец возглавлял Свердловскую писательскую организацию. Дома он теперь совсем не бывал. Прибывали писатели из Москвы, Ленинграда, с Украины, возвращались с фронта раненые. Всех надо было разместить, одеть, накормить, дать элементарную возможность работать.

Во время Великой Отечественной войны писательская организация Свердловска насчитывала около 60 членов. В ее состав влились известные литераторы: Ольга Форш, Федор Гладков, Мариэтта Шагинян, Анна Караваева, Агния Барто, Лев Кассиль, Оксана Иваненко, Юрий Верховский. Все они бывали желанными гостями нашего дома на улице Чапаева. Гости хвалили морковный чай и подолгу засиживались в нашем слабо освещенном и плохо нагретом доме.

Хорошо помню приезд к нам Алексея Александровича Суркова. Он только что вернулся с фронта и приехал на Урал как военный корреспондент. Провел он у нас весь вечер, сидя на старом бабушкином сундуке возле конторки отца. Разговор шел о войне, о событиях на фронте, о героизме, о перспективах. Отец слушал жадно, расспрашивал, курил. Беспрерывно набивал трубку махоркой-самосадом, дым от которого оседал на стеклах синим маслянистым налетом.

Алексей Александрович так и не ушел в гостиницу, а остался у нас ночевать. Еще на рассвете из комнаты отца доносились голоса, и поспал Сурков немного на том же коротеньком бабушкином сундучке.

Те, кто общался тогда с отцом, вспоминают неутомимую его энергию, внутреннее спокойствие, умение за-

ботиться обо всем без суеты. Ф. В. Гладков писал: «Около него люди чувствовали себя спокойно, будто его доброта, и обаяние, и спокойная уравновешенность заставляли людей быть спокойней и внимательней друг к другу»[1].

«Каким-то особым влиятельным спокойствием веяло от некрупной на вид фигуры П. П. Бажова,— писал Л. А. Кассиль, в военные годы познакомившийся с отцом.— Бажов говорил очень тихим, глуховатым голосом, медленно и обдумчиво выбирая слова с легким, характерным для уральского говора, чуть вопрошающим «оканьем». И чувствовалось, что за каждым словом простирается хорошо взвешенная, проверенная на огромном жизненном опыте мысль. Непоколебимого и мудрого спокойствия был исполнен взгляд его... И вдруг, где-то из-под самых бровей, весело шевельнувшихся, на вас светится такая лукавая и озорная хитринка, что невольно делалось веселее на душе... При Павле Петровиче неудобно было суетиться, произносить трескучие фразы. Сейчас же человек, который пробовал бы быть слишком расторопным и речистым при Бажове, натолкнулся бы на смешливый, быстро колющий и снова прячущийся под мохнатыми бровями, умный, все понимающий взгляд. Сам Павел Петрович очень бережно обращался с такими словами, как «революция», «партия», «народ»[2].

В годы Великой Отечественной войны жизнь отца была заполнена заботами о писательской организации Свердловска, агитационной работой, поездками на заводы, в госпитали, в колхозы, выступлениями в рабочих клубах, школах.

---

[1] Павел Бажов. Воспоминания о писателе, с. 74—83.
[2] Там же, с. 105—110.

Известно, что в период Великой Отечественной войны Урал производил до 40 процентов всей военной продукции. Это давалось благодаря огромному напряжению всех человеческих сил. И отец в эти трудные годы жил как все.

Первое время он заколебался: «Нужны ли в это суровое время сказы?» Сама жизнь ответила ему на этот вопрос. С фронта стали приходить письма, в которых бойцы и офицеры подтверждали, что книга нужна, что она учит их любви к Отчизне и ненависти к врагу, что в сказах утверждаются лучшие национальные черты русского человека: могучая жизнеспособность, ум, трудолюбие, талантливость, стойкость характера.

«Ваша книга о народной мудрости и ненависти к врагу учит нас любить нашу Родину, гордиться вековой славой уральцев, беречь нашу Отчизну от посягательства врага»,— писали ему гвардейцы-танкисты.

«Мы хотим, чтобы вы были нашим почетным гвардейцем, шагающим с нами вперед к окончательному разгрому врага», — писали в другом письме воины-уральцы.

И не в одной фронтовой газете в те годы можно было прочесть строки, обращенные к советским воинам, за подписью: «Ваш старый уральский сказочник».

«Мы ни на минуту не забываем,— писал Павел Петрович в одном из писем,— о том, что вы там на фронте отстаиваете то самое великое и дорогое, без чего никому из нас нет жизни. Поэтому каждый из нас старается помочь вам, защитникам человеческих прав, культуры и радости жизни. Пусть цветет наша Родина не только своими чудесными недрами, но и вами, героями-победителями, чтобы вашему старому уральскому сказочнику легко было перейти от овеянного сказкой былого к не менее яркой, творимой вами легенде. Той легенде, кото-

рая в истории веков и народов станет самой прекрасной из всего, что когда-нибудь сделал человек».

В 1942 году в темной замаскированной Москве печаталась «Малахитовая шкатулка»», которой суждено было оказаться в руках людей не только в дни мира, но и во время войны.

М. С. Шагинян в «Правде» в феврале 1944 года писала: «Бажова как автора «Малахитовой шкатулки»... знают уже немало лет... Но лишь в Отечественную войну это знание стало полным. Великие испытания, переживаемые всем народом, служат как бы пробным камнем для искусства. Они определяют удельный вес каждого произведения, степень его участия в том большом совместном творчестве человечества, которое можно назвать «тягой истории», направляющим движением к будущему. Отечественная война показала, что книга Бажова «тянет», и «тянет» крепко. Бажову удалось в конкретной художественной форме, на своеобразной исторической основе создать произведение огромного значения»[1].

Никогда не забуду рассказ Бориса Николаевича Полевого о его первой «встрече» с «Малахитовой шкатулкой».

«Это было во время тяжелых боев на Висле, на маленьком клочке земли, который удерживал один батальон. Комбат — маленький, загорелый, совершенно осипший человек с худым нервным лицом не спал уже несколько суток, и вот этот человек, который в течение пяти дней нес на себе непосильную тяжесть, руководя обороной плацдарма вместо того, чтобы в эту редкую минуту отдыха заснуть, тихо прошел в глубь блиндажа, засветил карбидную лампочку, вытащил из подсумка

[1] «Правда», 1944, 4 февраля.

какую-то книжку с оторванным переплетом и стал читать. Именно читать страницу за страницей, спокойно, сосредоточенно. И по мере того как он читал, его напряженное, нервное лицо как бы отходило, преждевременные морщины разглаживались на нем, оно становилось спокойным и точно бы молодело. Читал он с полчаса, потом закрыл книгу, задумался о чем-то своем и, вероятно, очень далеком от его беспокойных фронтовых дел, вздохнул, убрал книгу в полевую сумку и прилег на соломе. Но заснуть ему так и не удалось. Немцы внезапно обрушили на плацдарм огневой удар, завязалась ожесточенная огневая дуэль.

Плацдарм удержали, но самого капитана утром принесли на шинели. Он был убит наповал очередью из автомата. Офицер, заменивший его, вручил мне для передачи в политорганы части его ордена, партбилет и полевую сумку. И мне захотелось узнать, что же так внимательно читал этот воин ночью, в последние часы своей жизни...

Странная это была книга. Все в ней удивляло с первых же строк — и язык, сочный и своеобразный, и необычность действующих лиц... Это была «Малахитовая шкатулка».

Вот передо мной стоит и это издание книги. По светло-золотой обложке ползет золотая ящерица. А на титульном листе знакомые слова: «Теперь уже совсем взрослой моей младшей дочери Ариадне. П. Бажов».

Жили мы в то время трудно. Семья была большая. Приехали старшая сестра Ольга с сыном Володей, мамина сестра Анна Александровна с внучкой. Мама предпринимала героические усилия, чтобы хоть чем-нибудь нас всех накормить, хотя бы лепешками из редьки... Хлеб на стол нарезался не тонкими, а ажурными ломтиками, и я совсем не замечала, как проглатывала уже два кусочка, а отец

еще не брал ни одного, и у меня не хватало силы воли не протянуть руку за третьим.

— Бери, бери,— успокаивал меня отец, поймав виноватый взгляд.

А последний, оставшийся на тарелке кусок они с мамой делили пополам.

Когда отец стал известным писателем, был награжден орденом Ленина, удостоен Государственной премии, избран депутатом Верховного Совета СССР, ни в его привычках, ни в укладе нашего дома ничего не изменилось. Это был все тот же дом учителя начала XX века, в котором жили люди скромного достатка и скромных потребностей.

Письменным столом отцу по-прежнему служила конторка, сделанная еще для деда Петра Васильевича сысертским мастером. Она не занимала много места, была неказиста, но вместительна, покрыта черной клеенкой, под которую подсовывались письма, требующие самого срочного ответа. Письменный прибор заменял пузырек с чернилами, плотно закрывающийся пробкой, чтобы не высыхали. Все сказы, вошедшие в первое издание «Малахитовой шкатулки», написаны за этой конторкой, тонкой, легкой ручкой из тростника, которую отец смастерил сам, привязав к ней перо ниточкой. Только значительно позже, в 1943 году, когда зрение стало ухудшаться, он получил в подарок от Литфонда пишущую машинку и стал печатать на ней сначала медленно, двумя пальцами, а потом все быстрее и быстрее.

Наш старенький деревянный дом был всегда полон людьми. Отец днем работать не мог. Многочисленные обязанности, большая семья, отсутствие изолированного кабинета, бесконечный поток людей в доме — журнали-

сты, писатели, приезжие из Сысерти, Полевского, Северского заводов, бывшие соученики и ученики, его друзья, друзья детей, родственники, в общем — «дом на углу».

Времени для того, чтобы спокойно посидеть за рабочим столом, в тишине покурить и подумать, оставалось все меньше и меньше...

Работал он ночами. Иногда настольная лампа горела до рассвета и стучала машинка, иногда раздавались только тихие его шаги.

Засыпал отец по давней своей привычке очень поздно, но у его избирателей рабочий день складывался иначе, и в семь часов утра на крыльцо поднимался бородач огромного роста — охотник из Красноуфимского района. За утренним самоваром они уже сидели вдвоем и вели неспешный разговор о том, «каков нонче лов на белок», «какая хитрая животинья соболь», попыхивали трубочками, и между прочим выяснялось, что Петра Прокопьича несправедливо обложили налогом, вот он и «задумал свернуть к депутату и объяснить, что к чему».

Только я успевала закрыть дверь за охотником, как раздавался новый звонок. Входил молодой лейтенант, который прямо с порога начинал говорить:

— Павел Петрович! Вы должны вмешаться! Это несправедливо. Я воевал. Жена заканчивает дипломную работу. Мы ждем ребенка.

— Успокойтесь, успокойтесь, пожалуйста. Ридчёна, неси стул, садитесь и рассказывайте все по порядку. Где воевали?

Лейтенант уходил успокоенный, а у отца появлялись озабоченные морщинки на лбу и возле глаз.

Звонил телефон. Москва.

— Павел Петрович, редакция ждет сказ. Обещанные вами сроки истекают...

— Да, да, верно. Помню... Извините... Не сдержал слово, а собирался...— оправдывается отец. Я понимаю, как ему, человеку аккуратному и обязательному, тяжел и неприятен этот разговор.

Потом он спешно собирался: на 12 часов было назначено заседание Совета краеведения, брал в руки палку и шел пешком, в центр города (13 кварталов — мне это расстояние тоже памятно,— отец почти никогда не пользовался городским транспортом, сохранив до конца жизни привычку заводского человека много ходить). Возвращался он еще более озабоченным и делился с нами:

— Что все-таки делать с краеведением? Наши краеведы ничего не издают уже с 1928 года, а возможности широкие. Можно и справочную литературу по Уралу издавать, и перепечатывать старую краеведческую литературу, которая давно стала библиографической редкостью, можно, наконец, издавать журнал или записки о современном состоянии Урала. Но кто печатать будет, где полиграфическая база? Сегодня встречаемся с Неверовым. У него по этому поводу есть свой план. Надо обдумать...

После обеда отец заснул, но пришлось его разбудить раньше намеченного срока, пришел научный работник по какому-то важному делу. Отказывать или говорить «зайдите попозже» никто в доме права не имел. По этому поводу все домашние получили строгую и безапелляционную инструкцию: «всегда дома», «всегда можно видеть». Разговор с ученым действительно оказался и важным и сложным, и отцу пришлось еще долго после него выяснять, кто же виноват в том, что не состоялся научный эксперимент: «зажимщик и консерватор директор» или «безграмотный маньяк научный работник».

Вернувшись после встречи с Неверовым, отец вел длинный телефонный разговор о постановке на сцене ансамблем песни и пляски «Уральского сказа». А совсем поздно вечером он обсуждал с приехавшим из Москвы известным исследователем творчества Мамина-Сибиряка Е. А. Боголюбовым дела музея и возмущался чьим-то распоряжением передать архивные материалы из Маминского музея, который был создан по прямому завещанию писателя, в московские архивы.

П. П. Бажов был твердо убежден и неоднократно писал и говорил о том, что архив писателя должен храниться на его родине. Он немало усилий приложил к тому, чтобы творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка осталось в его мемориальном музее в Свердловске.

Таким запомнился один из его обычных рабочих дней, за которым непременно следовала «рабочая ночь», и опять почти до рассвета стучала машинка и ноги в мягких валенках мерили комнату из угла в угол.

Иногда выдавались тихие дни.

«Сегодня выходной день просидел за просмотром газет за 1891 год, — писал отец об одном из таких спокойных дней.— Любопытной показалась корреспонденция из Алапаевска. В ней даются старые цифры стоимости продуктов и оценки труда. Это не плохо напомнить тем, кто склонен разговаривать о «дешевизне прежней жизни». Поначалу действительно создается впечатление дешевизны (по современному пониманию), но читаешь дальше, и впечатление не только ослабляется, но переходит в удивление, как же трудно было тогда заработать те рубли и копейки, которые были нужны для поддержания жизни.

Сначала автор жалуется, что овес стоит 60 копеек, пшеничная мука — 1 рубль, воз сена — 3 рубля. Читаешь и улыбаешься, сравнивая с современными ценами, но

дальше видишь другую сторону этой дешевизны. Полдесятины земли сдаются в аренду за 2 рубля, рабочая лошадь — за 10 рублей. Попробуй вот представить сумму труда, который надо затратить, чтобы получить рубль того времени»[1].

С утра все начиналось сначала, только на крыльцо вместо красноуфимского охотника робко поднимался начинающий писатель или поэт. Оценивать стихи отец отказывался. Говорил: «Это высшая форма литературы. Не разбираюсь. Не знаю». Но разговаривал он всегда приветливо, расспрашивал:

— Где учились? Когда начали писать? Не считаете ли писание стихов забавой?

В ответ на настойчивые просьбы сдавался:

— Хорошо. Оставьте, посмотрю. Только ответить скоро не обещаю, да и на оценку уж чур не обижаться.

В один из дней, отведенных для литературных ответов, отец диктовал мне письма. Ответы действительно нередко бывали суровыми.

«Обычно я отказываюсь оценивать стихи,— диктовал Бажов,— так как никогда сам их не писал и плохо разбираюсь в этом деле, но ваши еще на такой ступени, что о них можно сказать, не боясь впасть в ошибку.

Простите, скажу без обиняков и ненужной дипломатии. Надо либо совсем бросить это дело, либо начать всерьез учиться. Причем учиться по-настоящему в самом строгом смысле, то есть приобретать образование и лучше добиваться образования высшего. Поэзия ведь высшая форма литературы, и нельзя овладеть ею, пока сам не встанешь на высоты общей и литературной культуры. Не обольщайтесь примерами прошлого, что, на-

---

[1] Дневниковые записи. «Отслоение дней». 24 декабря 1945 г. Архив П. П. Бажова.

пример, Кольцов и другие поэты не имели высшего образования. Это верно лишь отчасти, так как все люди этой группы на самом деле проходили очень трудный путь учебы без школы. Да и то, что было в прошлом, не всегда можно брать примером для настоящего. Наша страна, как известно, стоит теперь на первом месте по образованию. В такой стране стать поэтом может только тот, кто сам поднялся выше своих читателей.

Правда, из поэтов современности есть такие, кто начинал свой литературный путь с малым образованием, но ведь это было 20—25 лет назад, теперь же приходят в литературу молодые, которые уже на школьной скамье не только ознакомились с литературным наследством прошлого своей страны, но и культурой на других языках. Рядом с ними такие стихи, как ваши, звучат слабо...»

Отец умел радоваться чужим удачам. Я не помню, чтобы он о ком-нибудь говорил зло. Мог пошутить, даже высмеять, мог оценить очень резко, мог сделать выговор. Каким он был суровым редактором, как был нетерпим к литературной халтуре, дают представление его рецензии, опубликованные в 20—30-х годах за подписью Чипонев. Одна из подобных рецензий была напечатана в 5—6 номерах журнала «Штурм» в 1934 году.

«Выпуск подобной книжки, — писал рецензент, — нельзя считать ошибкой, над которой можно посмеяться и за которую следует пожурить ответственного редактора. Ведь невозможно допустить, чтобы сколько-нибудь грамотный редактор мог не заметить кричащей безвкусицы, дикой неграмотности и контрреволюционного упрощенчества... Когда А. М. Горький говорил о безответственности редакторов некоторых наших издательств, ему возражали. Интересно, что могли бы сказать подобные «возражатели» по поводу романа К. Шарова «Большаком»? Очевидно,

и они должны были бы согласиться с тем, что нам нужны кадры чутких и зорких редакторов, которые ни при каких условиях не смешивали бы Мулен-Руж с Магнитостроем».

Но, несмотря на творческую требовательность, он всегда оставался человеком доброжелательным. Ему была чужда и снисходительность, которая так обижает молодых. Не запомнилось, чтобы он о ком-нибудь говорил недоброжелательно. С огорчением — да!

Как-то пришел к нему начинающий писатель. Это был человек средних лет, и принес он не тонкую тетрадку стихов, а толстенную рукопись романа, написанного идеальным каллиграфическим почерком. Отец начал читать сразу после ухода автора. Его привлек почерк. В те времена он уже видел плохо, и его просто восхитила прекрасно выполненная рукопись, но с первой же страницы начал хмуриться, вздыхать, проводить рукой по волосам, бросил, снова принялся, не выдержал и стал жаловаться:

— Какое убогое графоманство! И как человеку не стыдно!

Но рукопись не бросил и упорно читал. Через несколько дней автор пришел за ответом, а так как я слышала вырвавшиеся у отца слова осуждения, мне было интересно, как будут развиваться события, и я вертелась возле, как будто у меня неотложные дела в отцовской комнате.

Сначала разговор велся неторопливый и не относящийся к делу. Однако из этого разговора отец выяснил, кто перед ним сидит, чем он занимается, о чем думает и мечтает в те минуты, когда не пишет свой длинный роман. Потом отец сказал ему все напрямик. Он сказал, что роман никуда не годится, разве только печки разжигать, но что десять страничек из романа свидетельствуют о том, что у автора есть глаз, способность наблюдать и передавать увиденное своими глазами, а то, что у него хватило

терпения переписать от руки тысячу страниц, свидетельствует о трудолюбии, и, следовательно, эти два качества, а также его интересная профессия залог того, что он может писать интересно, а писать надо, вероятно, вот о чем. И они занялись детальным и подробным обсуждением того, о чем стоит писать человеку этой профессии с его жизненным и производственным опытом. Расстались они лучшими друзьями. Автор вопреки всем моим ожиданиям ушел совершенно сияющим. Он даже меня за что-то благодарил, с чувством пожимая мне руку и повторяя:

— Спасибо, спасибо.

И он действительно стал писателем. А о том, что он сохранил благодарную память об отце, свидетельствуют его воспоминания, опубликованные в книге «Бажов в воспоминаниях современников».

Думаю, все уральские писатели в 30—40-е годы бывали в нашем доме. Творческое общение связывало отца с И. С. Пановым, И. И. Ликстановым, К. Мурзиди, Е. Е. Хоринской, Б. С. Рябининым, А. С. Ладейщиковым, Н. А. Куштумом, Ю. Я. Хазановичем, В. А. Стариковым, Л. К. Татьяничевой, Н. А. Поповой, О. И. Марковой, К. В. Боголюбовым, О. Коряковым. Многие из них написали о встречах с отцом[1].

Из друзей отца, бывавших у нас в 30-е годы, особенно запомнились Петр Лаврентьевич Велин и Петр Абрамович Карьков, с которыми отец вместе работал в «Крестьянской газете», краевед Андрей Андреевич Анфиногенов и его жена Надежда Павловна.

Петр Абрамович Карьков был спокойный немногословный человек с рыжими волосами. В те годы он еще не был

---

[1] См.: Сб. Воспоминания. Свердловск, 1950; Е. Е. Хоринская. Наш Бажов. Свердловск, 1968; М. А. Батин. П. П. Бажов. Жизнь и творчество. М., 1963; Павел Петрович Бажов. Сб. статей и воспоминаний. Пермь, 1955.

женат и часто проводил свой досуг в нашей семье. Он любил детей, и я часто пользовалась его коленями с такой же простотой, как и отцовскими. Часами я прислушивалась к их неспешному разговору о крестьянском урожае, письмах в газету, о политических событиях, о детях...

С учителем Петром Лаврентьевичем Велиным отец тоже подружился, работая в «Крестьянской газете». Потом Петр Лаврентьевич вернулся в школу преподавать физику, а отец так и остался журналистом, но дружба сохранилась навсегда, так же как и с известным краеведом Андреем Андреевичем Анфиногеновым и его женой Надеждой Павловной. Посещения этой семьи помню хорошо. Дом Анфиногеновых был заполнен шкафами с книгами и газетными вырезками. А на всех подоконниках стояли и цвели редкостные растения.

Дружба с Алексеем Петровичем Бондиным началась еще в 20-е годы, когда на Урале только возникали первые литературные объединения. А. П. Бондин был коренным уральским рабочим и пришел в литературу со своими первыми художественными произведениями в начале 20-х годов. Отец редактировал его роман «Лога». Деловые их отношения вылились в дружбу крепкую и уважительную.

Отец считал, что творчество Бондина еще не нашло должной оценки.

«Можно утверждать, — писал он, — что не найдется другого писателя, который бы так совершенно знал жизнь и быт уральского рабочего предреволюционного периода и последующих лет, как Бондин. Он же не со стороны наблюдал, а сам всю жизнь был в этой среде, работая слесарем, токарем по металлу, железнодорожником, изобретателем. Огромное значение имело и то, что человек всю свою жизнь прожил в Тагильском округе, который являлся своего рода конденсатором уральской заводской жизни. Словом, Бондина еще будут изучать и изучать...»

Приезжая из Тагила, Алексей Петрович проводил у нас целые дни. Помню его высокую жилистую фигуру, голубые, будто выгоревшие глаза, легкие волосы, темную косоворотку. Бондин был страстным охотником, и разговоры часто крутились вокруг рыбалки и охоты. Иногда Алексей Петрович оставался у нас ночевать, но не спал в доме, а брал подушку и одеяло и устраивался в саду, в гамаке. Маме это не нравилось. Она считала, что некрасиво отправлять гостя в сад в осеннюю, холодную ночь, но Алексей Петрович и отец смеялись.

— Ему-то, привычному охотнику, не впервой под звездами спать. Не простудится, не волнуйся, Валянушка! — говорил отец.

Незадолго до смерти Алексея Петровича пришло от него письмо, непривычное для такого сдержанного человека, каким он казался.

«Я с большой радостью, — писал Бондин, — вспоминаю, как мы совместно работали над моей книгой «Лога», и с большим удовлетворением подсчитываю сумму всех твоих пожеланий, так для меня ценных... Пусть твоя ласковая рука напишет еще не одно произведение».

С Демьяном Бедным отец познакомился в 1926 году во время работы в «Крестьянской газете». Сохранилась пожелтевшая фотография тех лет: Д. Бедный в открытой машине в сопровождении членов редакции. А в 1939 году Д. Бедный написал поэму «Горная порода» на основе 12 сказов «Малахитовой шкатулки». В предисловии к своей книге он назвал отца подлинным горным мастером фольклорного цеха, а «Малахитовую шкатулку» — рабочей эпопеей.

«Богатство и содержание сказов, многообразие и красота образов поразительны, — писал он, — сколько тут великолепной добычи для мастеров резца и кисти, для дра-

мы, оперы и балета, а про кино и говорить не осталось»[1].

Казалось, писатель Евгений Андреевич Пермяк и отец очень разные люди. Один веселый, подвижный выдумщик; другой спокойный, уравновешенный, немногословный, но дружеские их отношения сохранялись много лет. И при встречах, и в письмах между ними всегда велся легкий, неутомительный, остроумный спор о путях творчества, о возможностях каждого. Отец призывал не спешить в творчестве, быть точнее в знании и использовании материала, в деталях. Евгений Андреевич поторапливал отца, посмеивался над его медлительностью, «кустарщиной». Наверное, этот спор был полезен и тому и другому. Е. А. Пермяк написал очень теплую книгу о дружбе с П. П. Бажовым[2]. Во всяком случае, под влиянием Евгения Андреевича отец с 1944 года начал печатать на машинке, а при его быстро ухудшающемся зрении это была единственная реальная возможность писать. Рукописный текст он уже не видел, диктовать не умел, а возможность самому, хотя и медленно, записать свой текст была для него открытием. Он стал горячим поклонником машинописи. В одном из писем он писал: «Задним числом вот жалею, что понял это в такое время, когда уж пальцы потеряли гибкость, глаза — остроту, и тем не менее за полгода понавык так, что теперь не стесняюсь посылать вещи своей машинописи в самые ответственные журналы. Перепутанные буквы, конечно, встречаются, сбитые поля тоже, но зато гарантирован от тех странных ошибок, которые иногда пропускаешь в чужой работе».

Освоив машинку, он смог записывать впечатления о встречах с людьми, разговоры, задумки сказов, слова, «речения». Все попадало на странички «Отслоения дней» — так он назвал свой дневник.

[1] Д. Бедный. Горная порода. М., 1955.
[2] См.: Е. А. Пермяк. Долговекий мастер. М., 1974.

Самые тяжелые для нас дни мы провели в семье Евгения Андреевича и Марии Степановны. У них в Мерзляковском переулке жила мама последние месяцы жизни отца, отсюда она уходила каждый день на улицу Грановского в больницу, сюда мы пришли, когда отца не стало. Здесь мы видели внимание и чуткость подлинных друзей.

Очень тепло относился отец к уральскому критику Андрею Степановичу Ладейщикову.

«Милый Андрей, — писал он Ладейщикову, — ты ведь знаешь, что расположен к тебе, может быть, больше, чем ко всем остальным. Нравится мне неуемное книгочтейство и повадка «смотреть не ниже седьмого этажа». Все это воспринимается как некий задаток, сформулированный когда-то Вл. Короленко: «Молодой разум с молодым сердцем как молодое пиво на хмелю: и мутно и бурлит, а устоится, так станет людям на отраду». Только вот не пора ли пиву устояться. Не пора ли посмотреть на то, что поближе? Меня удивляет твое устремление к неожиданностям и полное пренебрежение к тому, что ближе. Ты как будто боишься этого. А на деле ведь и близкое непросто и вовсе не банально, так как почти никто об этом не говорил или говорил, стоя не на тех позициях, на которых стоим мы — советские люди. Нашему краю волею истории предоставлено было исключительное право творчества во многих отраслях жизни и техники. Думаешь, тот, кто дал одноручному лому название «Мартынко», а многоручный назвал «Черемухой», не творец, не поэт? А сколько таких поэтов в истории Урала, которому приходилось впервые и по-настоящему осваивать и плотинное дело, и шахтное, и медеплавильное, и золотое и т. д. без конца. А ведь ничего не поднято, ничего не найдено!»[1].

[1] Из письма к А. С. Ладейщикову 10 декабря 1946 г. Архив писателя.

Дружил отец с историком В. В. Данилевским, который в годы войны жил и работал на Урале. За короткое время В. В. Данилевский подготовил и опубликовал две такие большие работы, как «Русская техника» и «Ползунов». Его метод работы восхищал отца. Он говорил: «Наверное, от правильной постановки дела зависит половина успеха работы, посмотри, у Виктора Васильевича нет ничего лишнего: ни закрытых шкафов, ни папок, затянутых шнурками, но для каждой вещи и для группы есть постоянные места. Это позволяет не только быстро и без хлопот взять нужный материал, но и напоминает о нужном. А как часто бывает, что материал, тебя заинтересовавший когда-то, забудется, а потом случайно наткнешься на него и жалеешь об упущенных возможностях для его использования и пополнения».

Отец советовал учиться у Виктора Васильевича. Но сам пользовался старым кустарным методом. «Что поделаешь, — говорил он, — привык даже конверты сам заклеивать, ни на кого не полагаться».

Отец не был завистлив, он всегда радовался удачам и успеху других, но был один человек, которому он откровенно и сильно завидовал. Он завидовал молодости и таланту Д. Д. Нагишкина[1], тому, что он выбрал в расцвете творческих сил тот жанр, к которому отец пришел так поздно.

На протяжении четырех лет продолжалась деловая, творческая, дружеская переписка отца с Д. Д. Нагишкиным. Они не имели возможности спокойно, на досуге бе-

---

[1] Дмитрий Дмитриевич Нагишкин, автор нескольких сборников сказок, созданных на основе фольклора Дальнего Востока: «Мальчик Чокчо», 1945; «Амурские сказки», 1946; «Храбрый азмун», 1949.

седовать обо всем неторопливо. Один жил на Урале, другой — на Дальнем Востоке, и виделись только однажды мимолетно в Союзе писателей в Москве.

«Признаться, представлял вас себе более пожилым и более... науковидным, — писал отец, — а оказалось вроде солнечного блика на зелени: форма не отложилась в памяти, а осталось ощущение молодого, здорового, радостного. Порадовался за вас: как много впереди... Получил вашу прелестную книжечку «Амурских сказок». Очень благодарен... Рад за вас, что можете передавать фольклор не только словесно, но графически. И какая все-таки изумительная вещь, этот фольклор. Ведь ваша небольшая книжечка дает больше, чем иное фундаментальное исследование. Через эти сказки видишь жизнь и начинаешь ее ощущать. Жаль, что многие этого не понимают. Отсюда вывод, что тем, кто грешен этим, надо держаться плотнее, рассчитывая группой сильнее воздействовать на окружение. Буду рад, если это письмо не останется без отклика: со своей стороны постараюсь не остаться в долгу. Интересуюсь больше всего тем новым, что делается теперь в области фольклора, особенно рабочего...»

Письмо не осталось без ответа, и началась регулярная переписка.

«Благодарю вас сердечно,— отвечал Дмитрий Дмитриевич,— за хорошее ваше письмо. Оно тем более для меня ценно, что искренне люблю вас и ваше чудесное творчество. Помилуй бог! Сколько любви к человеку надо иметь, как хорошо знать и ценить свой народ надо, чтобы писать такие сказки, какие пишете вы.

Я не критик и не исследователь, и меня нимало не интересует вопрос, что в этих сказках от мудрости народной и что от поразительной, богатейшей, щедрой фантазии вашей, Павел Петрович. Думаю только, что редко судьба и природа бывают столь любезны и милостивы,

чтобы в одном человеке соединить и то и другое. И какое это для всех счастье, что у нас есть Павел Бажов. Я знаю, вы не любите похвал, потому что нет судьи более строгого и мерила более точного, чем сам создатель. Но сказанное мной не лесть... Хотел поблагодарить вас за доброе слово, а тут разверзлись хляби душевные, и то, что давно про себя таил, высказал вам. И не сердитесь за это на меня».

По поводу книги Д. Д. Нагишкина «Магму» отец писал: «Рад вашим успехам, еще более тому, что крепко укоренились своей работой на плодородной почве Амурских просторов. Это же важнее всего. Письменный стол никогда почву заменить не может. Только тем и объясняешь себе скудные результаты при широчайших возможностях, что многие писатели не хотят этого понять и предпочитают высиживать тему без отрыва от письменного стола. Конечно, так удобнее: вся культура под боком, и сапоги по асфальту так быстро не изнашиваются. Но положение «в стороне от жизни» никому не прощается. Желаю вам и дальше оставаться верным выбранному пути. Знаю, что пробиваться с книгами не так-то легко... но настоящая работа всегда найдет дорогу... Буду ждать выхода вашего романа, а еще больше продолжение сказок, которые вы так хорошо начали...»

В одном из писем отец пожаловался: «Мало теперь пишу. Старею. Работа не особенно гладко идет. Желаю вам дольше с этим состоянием не знакомиться».

Письмо это написано в июле 1946 года, когда у отца сильно не ладилось с работой, к тому же нездоровилось. Наверное, ему было очень важно получить в ответ письмо ласковое и внимательное от человека, который его полностью понимал и старался, по мере сил, утешить.

«Письмо ваше, как и все прочие, доставило мне большую радость,— пишет Д. Д. Нагишкин,— хотя, не в пример другим, оно какое-то грустное. У меня осталось ощу-

щение, что вы нездоровы, чем-то опечалены и, наверное, утомлены...»

Отец как-то позавидовал, получив очередной номер журнала «Дальний Восток»: «Литературно ваша организация живет полнее нашей. У нас даже альманахи перестали выходить. Все лишь собираем да маринуем, а потом разбираем материал, как безнадежно устаревший. У вас, как видно, редколлегия смелей и полиграфическая база более послушна... Вина, конечно, и с нашей стороны немалая: многие так привыкли, что их не печатают, что и писать перестали. Случись чудо — предоставит нам Свердлгиз возможность быстро издать какую-нибудь книгу, так ее может не оказаться по писательской вине: разменялись на мелочи, и редко кто занят работой побольше... а у вас то, что на стол можно положить гораздо лучше».

Оба они стремились помочь своим коллегам в творческом плане. В одном из писем Нагишкин сетует на то, что один из талантливых членов писательской организации Хабаровска пытается работать в чрезвычайно сложном, не привившемся в русской литературе жанре легенды. Работа не клеится, а к критике не прислушивается. «Он непрестанно обращается к вашему творчеству, но не методом создания новой сказки, который открыли вы, а манерой вашей пользуется. О простом обстоятельстве забывает, что метод принадлежит всем, а манера писателя только ему одному, ибо она есть выражение неповторимых душевных особенностей человека. Методом пользоваться можно, и спасибо вам, что вы дали его советской литературе — истинной наследнице подлинно народного творчества, а пользоваться манерой вашей — это значит самому себе крылья подрезать... Павел Петрович, он верит вам, помогите ему. Он человек талантливый, только дружеская, отеческая рука ему весьма нужна».

«Полностью с вами согласен относительно легенды,— отвечал отец.— Жанр этот не привился, да, по-моему, и не привьется никогда в нашей литературе. Он просто чужд нам по своей слащавости. Перед империалистической войной ведь было немало попыток перевести легенду на русскую почву, но ничего из этого не вышло. Кто бы ни пытался, всегда выходило вроде дамского рукоделья — аппликация на шелку из литературных трафаретов. Хуже не придумаешь. Конечно, В. Т. напрасно устремляется в этот безнадежный жанр, но вот как это ему скажешь теперь, когда он чувствует себя обиженным и не склонен признавать свои ошибки. При таких условиях и дружеская рука может показаться ему враждебной. Тут, мне кажется, надо положиться на время. Каждый ведь считающий себя несправедливо обиженным похож на наказанного ребенка. Сначала отчаянные рыдания, потом жгучая ненависть и мстительные картины, а в заключение сладкий сон и освежение. В. Т., как видно, теперь на второй стадии, после которой обдумает дело уже в спокойном состоянии и, можно быть уверенным, сделает правильные выводы. Со своей стороны охотно б написал ему, но нужен какой-то подходящий повод, в виде, например, рецензии... тогда бы... можно высказать свой взгляд на жанр. Без повода боюсь, подумает, что разговор кем-то подсказан, и еще больше обидится, а это не нужно».

Они делились друг с другом своими трудностями.

«Сейчас работаю над иллюстрациями к новой книге сказок «Храбрый азмун», — писал Нагишкин.— Задача сложная и трудная, так как в этих иллюстрациях мне предстоит изобразить жизнь, огромному большинству народа нашего неизвестную, показать связь образов фольклорных с реальной действительностью, охотника и рыбака окружающей, и сочетать все это со сказочной занимательностью... Ныне в фольклористике идут жестокие бои...

Один ретивый товарищ охарактеризовал всю мою работу в сказке «фальсификацией». Я только над тем и бьюсь, чтобы правоверные фольклористы, ревнители древнего благочестия, не обкрадывали творчество народное, не обедняли его по скудости ума. Сами посудите, Павел Петрович, рассказывает человек, скажем, нанаец, чукча или еще кто-нибудь, сказку и вызывает восторг у слушателей, которые то грустят, то со смеху покатываются. Записывает эту же сказку фольклорист — скучно... Спрашивается: народ виноват в том, что сказка скучна? Что же такое случилось? Да случилось то, что записыватель, не находящийся в центре круга тех представлений, понятий, знаний, в которых вращаются и рассказчик и слушатель и сюжет,— вычеркнул, выключил то, что чувствовали, о чем думали и что знали обладатели этого сюжета. Русский читатель получил во многих случаях лишь обглоданный скелет сказки, но не самую сказку, которая с жизнью связана каждым своим образом, каждым своим словом, всем своим строем. Простым переводом тут не поможешь. Тут нужно воспроизведение того, что составляло тучное мясо сюжета народного произведения, плоть и кровь и, что особенно важно,— дух его.

Надобно также понимать и то, что фольклор — тоже живой организм, развивающийся и стремящийся к высшей форме, стало быть, у него есть тенденция к развитию, которую начисто отрицали кое-какие, вконец заучившиеся товарищи. Трудный это жанр — сказка: его охотнее читают, чем печатают»,— заканчивает свое письмо Нагишкин.

В заключение хочется привести слова из последнего письма Дмитрия Дмитриевича. Было это незадолго до последней тяжелой болезни отца.

«Говорят, вы пеняли на меня за забывчивость, за то, что писем вам не пишу, что забыл вас, дорогой Павел

Петрович. Можно ли забыть вас, коли я считаю вас духовным отцом своим? Ведь вы своим чудодейственным творчеством в области сказки — глаза мне раскрыли на многие вещи, и в том, что мои сказки читаются и доходят до сердца людей, вашей доли и не счесть: они без «Малахитовой шкатулки» вообще не могли и на свет народиться. Вот мое искреннее убеждение. Не для лести — чувство это чуждо мне,— а ради правды говорю об этом, как глубоко выношенное убеждение».

Перечитывая сейчас письма отца и Д. Д. Нагишкина, я понимаю, как они были важны для каждого. Они хорошо понимали, что работают в трудном жанре, поддерживали друг друга в минуты сомнений, душевного упадка, неверия в свои силы. Хотя Нагишкин подчеркивал свою роль ученика, нередко он выступал в переписке в роли более сильного. И как я рада за отца, что у него был друг, который не стеснялся сказать ему хорошие ласковые слова. Часто, к сожалению, бывает, что ложное чувство быть неправильно понятым мешает при жизни высказать человеку то хорошее, что о нем думают. Я рада за отца, что он прочел эти слова при жизни...

Многие писатели оставили теплую память о себе в нашем старом доме. На титульных листах книг, подаренных отцу, в письмах и книгах о нем его современниками сказано много ласковых слов.

«...Сыновне приветствую вас. Простите, что не был на вашем торжестве,— писал П. Павленко.— Лечу в Америку. Радуюсь вашему творческому многолетию, завидую ему и рад, что являюсь вашим современником»[1].

«...Я вновь и вновь перечитываю сказы, подлинно наслаждаясь и богатством выдумки, и слаженностью, и

[1] Музей П. П. Бажова.

сладкозвучием русского языка... С пожеланием творческого настроения и душевного покоя остаюсь ваш неизменный почитатель — Игорь Грабарь»[1].

«...Дорогому Павлу Петровичу с любовью — Мариэтта Шагинян»[2].

«...Спасибо за ваши сказки — Сергей Михалков»[3].

«...Автору «Малахитовой шкатулки», который открыл секрет создания сказки, тысячелетиями хранившийся в тайне. Немного открытий, равных по значению вашему. Спасибо вам за это от одного из тех, кому сказка близка и мила. Дмитрий Нагишкин»[4].

«...Обладателю волшебной «Малахитовой шкатулки» от очарованного Федора Гладкова»[5].

«...Самому лучшему, самому настоящему из всего, что я «добыл» на Урале. Лев Кассиль»[6].

«Клинок уральский — восхищенье глаз,
В лазурном поле мчится конь крылатый:
Почтен неоценимою оплатой
Строй красоты, не знающей прикрас.
Таков же, мастер, твой волшебный сказ —
Связуя вязью тонкой и богатой
Торжественно тревожный век двадцатый
И быль веков — обворожая нас.
Да будет это творческое слово,
Грядущему являя мир былого:
Оружьем столь же мощным на века —
Как эта сталь и как душа народа,
Как с ним одноименная свобода —
Крылатый конь уральского клинка»

Юрий Верховский[7]

---

[1] Музей П. П. Бажова.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Музей П. П. Бажова.
[7] Сонет написан поэтом Ю. Верховским в Свердловске в 1943 г. Позже вошел в его книгу сонетов об Урале.

В 1970 году, спустя двадцать лет после смерти отца, мне привелось разговаривать с К. М. Симоновым.

— Я помню встречу с вашим отцом,— сказал Константин Михайлович,— и ваш уютный деревянный дом в Свердловске...

Столько лет прошло, война, интересные люди, другие страны, впечатления, а недолгое общение с моим отцом, посещение нашего дома запомнились... Почему? Я часто задаю себе этот вопрос — почему и в кругу семьи, и среди рабочих, молодежи, академиков, писателей и крестьян отец всегда был интересен и становился центром внимания? Наверное, это происходило потому, что запас его знаний был велик, у него всегда было что сказать собеседнику и интересно что-то у него узнать. Он не задавал вопросов «из любезности», чтобы тут же выбросить ответ из головы. Он спрашивал только в том случае, если ему было действительно интересно, и говорил всегда о своем и по-своему.

Стали появляться работы, для которых «Малахитовая шкатулка» послужила основой: первые театральные постановки, балеты, сначала А. Фридлендера, позже С. Прокофьева, работы художников и скульпторов, фильм «Каменный цветок».

Отец с большой благодарностью и уважением относился к работе тех, кто иллюстрировал, экранизировал, создавал музыку и скульптуру на основе его сказов.

По поводу первой радиокомпозиции «Хозяйка Медной горы» он писал: «Композиция произведений всегда у нас кем-нибудь оспаривается. И это понятно, так как это сугубо индивидуальное дело. В нашем Свердловском драмтеатре имеется не то 9, не то 11 инсценировок романа Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», и все они, танцуя от одной печки, расходятся в концах до неузнаваемо-

сти. В результате инсценировка романа стала явно безнадежной. Чтобы не впасть в подобную ошибку, не стану останавливаться на частностях, скажу лишь, что инсценировка сказов дает цельное впечатление. Самая большая трудность здесь — слияние образов Степана и Данилы. Они, правда, очень близки, но разное их положение в производстве вносит существенную разницу: то, что составляет главный интерес горнорабочего, не всегда понятно камнерезу, и наоборот. Вам (отец обращается к сценаристу и режиссеру) это удалось не хуже «доброго малахитчика»: линия склейки не видна даже тому, кто знает, что это мозаика.

Об исполнителях что сказать? Считаю большой для себя честью, что в передаче участвовали такие мастера сцены, как М. И. Бабанова и А. Н. Грибов. Их я просто слушал, как один из бесчисленных почитателей их редкого мастерства и таланта.

Музыка мне понравилась, но судить о ней не берусь по причине моей музыкальной подготовки. Уверен лишь, что музыкальная иллюстрация сказов нелегка, так как в них исключительно зрительный образ. Может быть, потому что автор принадлежит к разряду тугоухих, хотя могло сказаться и то, что в районе рудников не было тех звучаний, какие порождают легенды о стонущей, поющей «матке». Единственным музыкальным шумом здесь была рудничная капель и звучание подземных ручейков. Постановка Р. Иоффе, как всегда, с большой творческой выдумкой»[1].

А вот что он писал об иллюстрациях В. Баюскина к сказам: «Иллюстрации В. Баюскина прекрасно переданы. Особенно удачна Танюшка перед шкатулкой[2]. Милое

---

[1] Письмо П. П. Бажова от 3 января 1948 г.

[2] Известный рисунок В. Баюскина, впоследствии варьировавшийся в живописи, фарфоре и дереве.

детское лицо, хорошо продуманы детали костюма и украшения, которые в своих контрастах подчеркивают основное — красоту и миловидность девочки.

С этим художником мне приходится встречаться не первый раз. Он иллюстрировал первое Гихловское издание «Малахитовой шкатулки», повестушку «Зеленая кобылка». Движение и бытовые детали у него безукоризненны, но попыток проникнуть в суть сказовой фантастики нет. Полоз ведь — это в сущности отражение заката в горах, имеющих меридиальное направление, а художники — и он, и все другие, кто иллюстрировал сказы,— не могут отрешиться от библейского медного змея. Вышло неплохо, но, как говорится, не из той оперы. Виноват, может быть, автор, не развернувший в должной мере это в самом тексте сказа. Подтекстовое ведь понимать не всегда можно так, как хочется автору. Данилу хотелось бы чуть постарше, а пейзаж, очень близкий к уральскому, «немножко подмохнатить». На Среднем Урале ведь горы обычно покрыты лесом. Но все это, конечно, разговор для «внутреннего употребления», а вообще-то очень хорошо, и мне остается благодарить Вас и редакцию «Огонька» за такое исключительное окружение моего сказа»[1].

Отец умел давать советы, не навязывая их. Он никогда не говорил: «Необходимо сделать так!» Наоборот, он говорил, что можно сделать как угодно, только нельзя сделать вот так, и логично доказывал, почему нельзя. И каждый вынужден был с этими доводами согласиться. Интересно его письмо в Профиздат редактору Н. И. Кадинер по поводу работы художника над оформлением книги «Малахитовая шкатулка»:

---

[1] Письмо А. М. Ступникеру от 1 февраля 1947 г. Архив П. П. Бажова.

«...У меня на основании личного опыта создалась привычка не путаться в это дело, никогда не пытаться вносить поправку в работу другого. Пусть каждый за себя отвечает. В работах с элементами фантастики это особенно важно. Могут быть разве замечания относительно анахронизмов в одежде и обстановке, но ведь это не главное. Я уже, помнится, писал Вам, что надо лишь предупредить художника по части лаптей. На Среднем Урале, где начиналась горная промышленность, липа не растет, поэтому лапти было достать труднее, чем кожаную обувь. Шляпа-гречневик, столь привычная для средних просторов нашей страны, здесь не подходила. Нужна была другая форма, которая бы не снималась при работе в тесных забоях и в какой-то мере предохраняла голову от удара... В результате была в ходу войлочная «катанка» — шляпа круглой формы с небольшим козырьком, который при наклоне головы защищал глаза, и небольшими, довольно пологими полями, на которых задерживалась бы каменная или угольная мелочь. Вот и все.

Что же касается расцветки костюмов, то хотелось бы одного — не в стиле «рюсс» и без излишнего широкоплечия. Не Ваньки, Таньки и не титаны, а настоящие люди, такие, каких мы видим повседневно, лишь в другой одежде. О сказочных персонажах говорить не приходится. Всякие советы здесь явно будут мешать»[1].

При обсуждении киносценария П. П. Петрова-Бытова «Ермаковы лебеди» отец сделал несколько конкретных замечаний: «Ермак крестится перед дыбой. Со скрюченными назад руками?— удивляется отец.— Почему суда волоком едут на Иртыш? Ведь там открытая водная дорога с реки Туры».

---

[1] Письмо Н И. Кадинер от 30 июля 1947 г. Архив П. П. Бажова.

Просит отказаться от таких слов, как «поднажмем», «рискнем», как не соответствующих эпохе.

«Надо будет сказать автору,— замечает отец,— недопустимо, чтобы царский гонец разыскивал адресата по комнатам, нельзя также представлять царского гонца одиночкой на манер курьера. Все это обставлялось в те времена гораздо пышнее. Не только послы, но и гонцы, вручавшие царские грамоты, снаряжались по-другому. Обычно хозяин встречал таких гонцов у ворот своего дома и принимал грамоту на коленях»[1].

В 1946 году вышел на экраны фильм «Каменный цветок». О нем много говорили и писали в то время. Он обошел не только экраны страны, но демонстрировался и за рубежом. И сейчас, спустя тридцать лет, фильм еще не сошел с экрана, хотя, разумеется, постарел и смотрится совсем не так, как раньше.

Отец страшно волновался из-за фильма. Гораздо больше, чем по поводу своей литературной работы. Еще задолго до выхода фильма бывали у нас в доме и операторы и художники, приезжавшие на съемки на Урал. Отец составлял маршруты, рекомендовал те места, которые считал самыми показательными, и очень обижался, когда пожелания не учитывались.

Так, вместо украинских пейзажей, которыми щедро насыщен фильм «Каменный цветок», отец просил снять на утренней заре, во всей красоте уральских красок гору Волчиху.

Как всегда деликатно, но настойчиво он стремился улучшить язык сценария.

«Как закоренелый прозаик, может быть, переоцениваю значение слова, по мне кажется, что и в фильме хорошо сказанное слово значит иногда больше, чем движе-

---

[1] «Отслоение дней». Архив П. П. Бажова.

ние,— писал он режиссеру.— Видите, занимаюсь не тем, что мне было предложено, но высказать свои пожелания все же считаю необходимым. Более того — обнаглел до такой степени, что решил послать текст песенки Кати.

На заре, на алой зореньке
Вышли в поле красны девицы
По цветку узнать про судьбу свою.
Что-то вынется? Как-то сбудется?
Как-то сбудется?
По весенней-то золотой поре
Все цветки на полях распригожие,
Глядят весело, да приманчиво.
«Ты сорви меня, красна девица!
Красна девица!»
Что-то девицы запечалились,
Как найти его, дорогой цветок,
Что милей отца, родной матушки.
Чем он скажется? Как откликнется?
Как откликнется?
Одна девица не задумалась,
Сорвала цветок, звонко крикнула:
«Вот он, вот он, мой голубой цветок,
На весь век один, краше солнышка!
Краше солнышка!»

Это, конечно, переделка одной из записей. Защищать текст не собираюсь. Это скорей лишь показатель, какого бы направления хотелось иметь песню.

Очень сожалею, а может быть, это и к лучшему, что не оставил у себя сценарий и теперь затрудняюсь указать места, которые хотелось бы чуть-чуть поправить.

В первую очередь могу напомнить, что в сценарии как-то забылся «змеиный праздник». Кроме того, прошу посмотреть дополнительно весь текст диалогов.

На этом разрешите считать законченным вторжение сказочника в вотчину сценаристов».

— Ну, что на киношников обижаться,— говорил он,

вернувшись с Потылихи со съемок фильма.— Для них брови чернить и губы мазать надо по меньшей мере в три слоя. Стоит только их разговоры послушать: «Вася, ударь старика пятисоткой по щеке. Да не по левой, по правой, чтоб тепло было. А ты мраку нагоняешь».

«Прицелься на ту круглолицую, что четвертой стоит. Подсвети снизу, чтобы курносой казалась, и держи метра на два! Пусть зритель запомнит это лицо».

«Саша, мы тебя с макушки осветим. А ты, как почувствуешь тепло, вышагивай по-геройски, да не забывай, что спина твоя тут главный актер».

— Вот так-то,— вздыхал отец,— в кино все так «ударяют для тепла», «подсвечивают для наивности», «играют спиной», подбирают расцветки рубах и штанов по гамме цветов. Нет дела до тончайших переходов красок уральского пейзажа, в котором нет ничего крикливого. Вот, может быть, он дождется той поры, когда кино будет передавать краски подлинной жизни,— погладил он ласково маленького внука Никитку, сидевшего у него на коленях.

Он интересовался, как зрители воспринимают этот фильм. Своему племяннику Гене (Геннадию Ивановичу Вилесову, который в 1946 г. находился в командировке в Германии) он писал:

«В домашних делах у нас больших перемен нет, если не считать возрастных изменений. У меня ноги отказывают. Говорят — находились. Ничего не поделаешь,— все идет своим чередом. «Штайн Блюме», однако, в таких условиях не так сильно радует, как было бы годов пять назад. Кстати, если выберется досужий час, напиши, как было с посетителями. Только не для комплимента, а по сущей правде. Было ли свободно в зале, или места заполнены. Это я вот почему. У нас здесь «Каменный цветок»

идет с необычным напором зрителя. Дают по многу сеансов в день, и все-таки публика не может переходить. Это, разумеется, понятно. Первый фильм местного происхождения. Действует и уральское слово, и большая удача с точки зрения цветовой. Там же ведь совсем другое: фильм может быть не вполне понятен по быту, слово не действует, а цветом не удивишь. Вот мне и хотелось узнать, как это показалось и не было ли каких-нибудь отзывов в газетах.

Ну, будь здоров. Желаю всем вам поскорее выбраться на Родину».

— Все-таки, кажется, удачи в этом деле не получилось,— констатирует отец.— Местами это кричит. Возможности кино, конечно, несоизмеримы с театральными... Но за всем этим против литературы эти возможности кажутся крайне жиденькими. Как-никак «глаза в глаза» почти единственный способ выразительно подать внутреннюю борьбу. Словом, для кино мне не сделать. Между тем мучительно захотелось сделать сценарий так, как мне замышлялось.

Зрение отца все больше слабело. Он не мог прочесть даже собственную рукопись. Печатал только на машинке, а при чтении писем избирателей прибегал к помощи мамы и моей. Выполняя секретарские обязанности, я готовила к отправке депутатскую почту. Нужно было прочесть отцу вслух два-три десятка писем, а потом по его указаниям подготовить проекты ответов.

Выслушав, отец говорил:

— Неплохо. Но потеплее бы надо, да и почетче! Давай-ка добавим вот что...— и диктовал совсем другое свое письмо.

Как-то отец поручил мне отправить подготовленную

и перепечатанную почту. Я взяла около десяти писем — ответов, положила в портфель, побежала на факультет и среди своих дел забыла их отправить.

Поздно вечером отец спросил:

— Отправила?

— Ах, нет, забыла!

Отец молча встал из-за стола и ушел в свою комнату. Мы с мамой пошептались. Решили, что лучше его сейчас не волновать, и потихонечку разошлись. Я долго не спала. Чувствовала себя виноватой. Прислушивалась, не застучит ли за стеной машинка, но там было тихо, значит, не работает, не может...

Рано утром я побежала на почту и, вернувшись, сообщила:

— Извини, пожалуйста, за вчерашнее, письма отправлены.

Он погладил меня по голове.

— Нельзя быть черствой. В каждом письме к депутату надежда, боль, беда, а ты... ах, забыла! Нельзя так!

Дела, на которые теперь уходило его время, были самые разные. Раз в неделю у него был депутатский прием в облисполкоме, но в обычные дни недели поток посетителей по депутатским делам переключался на дом.

Отец стремился помочь человеку вернуться на работу, обеспечить кормом скот какого-нибудь заводского поселка, выяснить, справедливо ли обложили налогом охотника из северного уральского села, ответить на письмо старого однокашника, который отыскал ставшего теперь известным писателем Бажова и непременно хочет выяснить — Пашка ли он? Иногда это были дела государственные, как, например, письмо, которое я написала под его диктовку в Совет Министров Союза ССР с просьбой кредитовать строительство тепловой электростанции на базе Чувашского торфоболота и о восстановлении по-

страдавшей от пожара в 1949 году дизельной электростанции Красноуфимского ремонтно-механического завода.

Иногда это были литературные дела. Много сил вложил отец в создание на Урале литературно-художественного журнала. По этому поводу сохранилась переписка с обкомом ВКП(б), секретарем Союза писателей А. А. Фадеевым.

Письма, которые он получал, не всегда требовали вмешательства депутата. Я часто откладывала те, которые, с моей точки зрения, в ответе не нуждались. Отец просматривал их и говорил:

— Да, тут ты мне действительно не помощник, давай-ка я сам.

Вот ответ на одно из таких писем, «не требующих ответа»:

«...теперь о главном. Но здесь надо оговориться. Люди моего возраста уже забыли боль и страдания весенних бурь и вспоминают об этом с улыбкой грусти, как о прошлом. Вы, конечно, воспринимаете это со всей болью молодости, и вам может показаться обидным стариковское непонимание. Но, простите, с других позиций смотреть не могу.

Вот вы пишете о разбитой жизни, а я, смотря на ваш четкий, красивый почерк и припоминая отдельные детали письма, думаю: «Эта выдержит!» Пожалуй, даже лучше, что без задержки открылось непривлекательное лицо мужа. Хуже, если бы это затянулось. А что он недостойный человек, для меня нет сомнения. Какой же это мужчина, если он не может решительно выбрать одну из женщин? В лучшем случае — размазня, в худшем — прохвост, прикрывающийся любовью к детям. И в том и в другом случае некого жалеть. Ваши 25 лет не срок, когда подводят итоги жизни, а только ее начало. Было бы, разумеется, лучше, если бы не произошло этой неза-

дачливой встречи, но и беды непоправимой здесь нет. Памятью об этой ошибке у вас останется девочка, которую вы так ласково описываете, и тот «перегар страданий», который ведет человека от узко личного к общественному. Идти же вам есть куда, даже не выезжая из Бисерти, стоит лишь закрыть портрет недостойного человека заботами более высокого плана. Ведь жизнь в любом пункте нашей страны необыкновенно интересна и полна для всякого, кто искренне ею интересуется. Если не Бисерть, то выход имеется — хоть на запад, хоть на восток. Меня лично более тянет последний, там все ново и все требует рук и большой советской работы. В то же время там еще в полной чистоте можно видеть красоты гор, могучих рек, первобытных лесов, бескрайнюю даль океана. Жизнь впереди. Заботы и работы, как у всякого советского человека, много, и тратить время на переживания о том, что нельзя исправить, не стоит. Встретите людей несравненно выше того, кто вас так тяжело ударил. Чем скорее перережете эту ниточку страданий, тем лучше для вас, для девочки и для дела.

Итак, желаю вам хорошей, интересной жизни, без уныния и размышлений по поводу первой ошибки, но с учетом ее опыта в дальнейшем выборе, который, несомненно, будет».

— Когда же ты будешь писать? Ведь у тебя есть приемный день! — пыталась я вмешаться в рабочий распорядок отца.

— А куда же им деваться? Они издалека приехали, и не к писателю Бажову, а к своему депутату. И ждать им некогда, у каждого работа, поважней писательской.

По этому же поводу он писал Е. А. Пермяку: «Не менее правильным мне показалось и другое Ваше высказывание: «Вы ведь, во-первых, писатель и, во-вторых, де-

путат. Вы потому депутат, потому что писатель. Это точно».

Согласен. Точнее быть не может, только к этому надо кой-что прибавить. Это наше мнение, до которого 300 тысячам избирателей ровно никакого дела нет. Они ведь выбрали не писателя, конструктора, тракториста, учителя, шахтера, они выбрали депутата, который должен был тоже знать, сможет или не сможет он нести свое звание. Психологическими моментами тоже пренебрегать не следует: в творчестве они не безразличны. Чтоб это было ясней, расскажу о сегодняшнем дне.

Знаете ведь, у меня ночной режим работы. Сижу подолгу, просыпаюсь поздно. Сегодня мне не дали доспать. Пришел человек огромного роста, держится очень тихо, даже как будто с опаской; потревожил, дескать. Оказалось, грузчик одного завода, гвардеец, три ранения, орден, медали. История такова. Сам он из Курска. Семья эвакуировалась. Он воевал до последнего дня. Ранен третий раз в Берлине накануне капитуляции. Выздоровел. Поехал на Урал искать семью. Нашел в Ревде двоюродного брата. Остановился у него. Все-таки свой человек. Чтобы без дела не сидеть, поступил грузчиком, а через неделю узнал, что его семья в Новосибирске. Уже три месяца бьется, чтоб семью перевезти, а толку никакого.

Вот и скажите, можно ли такому человеку сказать: приходите в следующий четверг? Может быть, еще пояснить: «некогда мне — старину перебираю»?

А ведь только с такими кричащими вопросами и ходят к депутатам»[1].

Самые разные люди бывали в доме на углу Чапаева и Большакова в гостях у Бажова. Писатели и поэты, сысертские рабочие и инженеры с Уралмаша, актеры и колхозники, учителя и академики, пионеры и журнали-

[1] Письмо к Е. А. Пермяку от 12 декабря 1946 г.

сты, солдаты и генералы. Всех угощали одинаково: домашней квашеной капустой, по которой мама была большим мастером, маринованными грибами, пирогами и водкой из дымчатого пузатого графинчика или чаем из самовара. Велся тихий неспешный разговор. Отец глухо покашливал, слушал, а когда говорил, люди замолкали, и не только из уважения к его возрасту, а прежде всего потому, что слушать его было всегда интересно.

Отец был скромен, и скромность его была не той, о которой говорят: «паче гордости», а естественной, природной. Показателен для отца случай, о котором рассказал Юрий Яковлевич Хазанович, много лет работавший вместе с ним в Свердловском отделении ССП.

— Как-то получаем мы письмо за подписью оргсекретаря Союза, в котором мне и К. Мурзиди поручается подготовить проект очень ответственного документа. Заканчивалось письмо так: «Это распоряжение Бажова». А внизу рукой Павла Петровича написано: «...все верно, только не распоряжение, а просьба. П. Бажов».

И правда, слова «распоряжение», «приказ» как-то совсем с ним не вязались, он не умел их употреблять, но, с другой стороны, по себе знаю с детских лет: то, о чем просил, именно просил отец, делалось неукоснительно и без замедления.

От похвал в свой адрес он всегда ежился и старался их тотчас же снять или шуткой, или переведя разговор на другую тему.

«Большое спасибо за фотографии и приятное письмо, за пожелания. Словом, за все, кроме заключительного комплимента,— писал он тов. Астафьеву.— Это лишнее. Мы, журналисты, должны обходиться без этого. Все же знаем, что всякий, кто не ленив, по хорошему материалу может сделать вещь, если предоставят время. Рассказы наших старых рабочих, как вы знаете, представляют ред-

кий по качеству материал, и моя задача здесь сводится лишь к тому, чтобы не отклоняться от народного в изложении и подчеркнуть те точки, которые занимательны для современного читателя. Время и труд, конечно, требуются, но говорить об одаренности излишне и даже вредно. Поднимая одного автора, можно оттолкнуть других, а ведь собирать эту уходящую народную историю труда надо как раз многими руками и надо с этим спешить».

«Еще раз благодарю за присылку книги и напоминание о забытой теме. На вас я все-таки сетую,— писал он поэту П. С. Комарову,— за преувеличенную любезность надписи на книге. Неужели сказалась близость Китая — «сын солнца», «цвет земли»... и прочее».

Иногда отец пытался записать, например, текст выступления с помощью стенографистки, но ничего хорошего не получалось. «Неужели это я говорил?» — удивлялся он, перечитывая стенограмму. И тратил массу времени на ее переделку. Он стеснялся затруднять людей. Ему было неудобно, если машинистка не могла разбирать его почерк. «Ничего, ничего, оставьте, я сам!» Его смущало, если у него не находилось нужное слово, а стенографистка ждала. Его огорчало, если кому-нибудь приходилось что-то делать для него. Он все предпочитал сделать сам. И поэтому, наверное, он не успел осуществить многие свои творческие планы.

В книгах о Бажове часто пишется: «он любил детей», это справедливо, но только с одним оттенком. В детях он прежде всего видел людей и соответственно к ним относился. С детьми любого возраста он разговаривал как равный. Ни маленькой девочке, ни взрослому юноше он никогда не говорил: «Ты еще маленькая, подрастешь — узнаешь», «Вы еще молоды и не можете знать того, что пережили мы, старики». Собеседнику любого возраста

он давал высказать свое мнение и уважительно, с учетом возраста, отвечал.

Я не помню, чтобы кому-нибудь из своих детей отец сказал: «Не вмешивайся, не твое дело». Наоборот, я твердо знала, что у меня в семье есть право голоса. И какие бы сложные семейные или даже творческие вопросы не обсуждались на семейном совете, отец спросит: «А ты, Ридчёна, как думаешь?» Независимо от того, сколько мне лет — семь, двенадцать или двадцать два.

Своему старшему внуку Володе, ученику третьего класса, которому плохо давалась арифметика, дедушка писал:

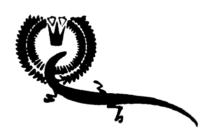
«Еще из своей учительской практики помню, что хуже всего запоминается 7×8, 8×7, 7×9. Ты напиши эти цифры на большом листе бумаги и повесь на стенку. Так скорее запомнишь. Как себя чувствуют бабушка и мама? Ты теперь единственный мужчина в семье. (Отец Володи был на фронте.— *А. Б.*). Заботься о них».

Внук Никита был еще совсем мал, но и для него дедушка находил нужные и понятные слова. Никто не мог толком объяснить, почему день сменяет ночь, почему петушок бегает по снегу босиком, а дедушка мог.

Как раз в последний год жизни деда Ника переживал «почемучный» период. Все в доме уставали. «Ах, почему, почему. Не знаю я почему!» — то и дело восклицал кто-нибудь, только дедушка терпеливо и подробно отвечал на все «почему», и Никитка, едва заслышав его шаги, радостно бросался навстречу:

— Дедушка, мама не знает, а почему?..

Среди рукописей отца сохранился небольшой набросок, который дает представление о его взаимоотношениях с младшим внуком.

Никиткины дни

Никитка еще не очень большой мальчик. Ему идет третий год, но он уже перестал спать днем, как самые маленькие. Дни теперь стали длинные-длинные. Дольше, чем у самых больших. Каждый день Никитка видит много нового, интересного, но почему-то самое занимательное и веселое никогда досмотреть не успевает.

В доме много больших. У Никитки есть папа и мама, дедушка и бабушка, тетя Леля, тетя Таля, тетя Анюта, но никто из них не может рассказать, куда убежал петушок на лыжах, где сорока, куда спряталась дедушкина «нутрь», что делают мячики-свистуны. Даже брат Вова, который учится в школе, не может объяснить. Младший братик Славик, может быть, больше знает, но он еще не научился хорошо говорить. Станешь его спрашивать, а он отвечает: — дю!, после которого выходит неприятность и большие начинают укорять:

— Нельзя обижать маленьких!

Обидно Никитке. Не раз он принимался плакать, чтоб рассказали, но ничего не выходит. Бабушка даст конфетку, папа — мандаринку, тетя Анюта принесет книжку — почемучку, а все-таки не покажут, что надо. И сам больше никогда не увидишь.

Петушковый день

Утром мама сперва одевала, умывала, кормила Никитку. Потом они пошли гулять во двор. Там под навесом

ходили курочки с петушком. Никитка сам кормил их зернышками и хлебными крошками. Одна курочка ухватила большую крошку хлеба, другая подбежала и стала отнимать. Тогда курочка с большой крошкой хлеба выбежала из-под навеса и увязла в снегу. Валенок у курочки нет, ей показалось холодно, она замахала крыльями, взлетела немного, увязла еще больше в снегу и закричала. Петушок выбежал из-под навеса, взлетел на лежавшее в стороне бревно и закричал строгим голосом «кукареку!». Курочка опять захлопала крыльями, поднялась немного и на этот раз выбралась обратно под навес. Петушок сейчас же слетел с бревна, подошел к курочке и что-то стал ей говорить.

— Мама! Он что ей говорит? — спросил Никитка.

— Говорит, что нельзя по снегу без лыж ходить.

— А где курочкины лыжи?

— В магазине.

— А петушковы где?

— Тоже в магазине.

— И палки петушковы в магазине?

— Петушку палок не надо. Он крыльями управляет.

Дальше было, что каждый день бывает. Занимался разными делами в доме. Вышла опять неприятность со Славиком из-за «дю». После обеда ходил опять с мамой гулять, но на улицу. Там видел, как мальчики на лыжах скатывались с горки на реку. Мальчик, который был в красной шапке, никогда не падал, а другой, с синим шарфом, все время сваливался в снег, но не плакал, а смеялся. Никитка стал просить у мамы лыжи. Она говорит:

— Ты еще маленький. Для таких не делают.

— А петушкам? Делают?

— Каким петушкам? — удивилась мама. Она, видно, забыла, что говорила утром, и Никитка стал объяснять, но она все-таки не поняла и завела разговор о дяде, кото-

рый проходил в мохнатой шубе. Как медведь! Это было тоже интересно, и Никитка стал спрашивать:

— А он в лесу живет?

— В лесу.

— А елка у него где? Тоже в лесу?

— У него много елок, и все они украшены, как на площади Пятого года, видел?

— А дети там ходят?

— Там только звери да птицы: зайчики, лисички, сороки, зяблики, снегири.

— А кто такие зяблики?

Контакты с детьми устанавливались мгновенно.

Часто ребята подходили к отцу просто на улице.

— Это вы дедушка Бажов? — спрашивал какой-нибудь отважный семилетний паренек.

— Я. А ты кто?

— А я Витька!

— Ты как, Витя, с нами пойдешь или у тебя дела?

— Да нет, с вами пойду.

— Ну, так пошли тогда. Тебе куда надо-то?

— Да просто вас проводить.

— Ну вот и спасибо тебе. А то я вижу плохо, так ты мне подскажешь, где мостик, а где канавка. А ты, Ридчёна, тогда на трамвай беги, ты ведь торопишься. Мы с Виктором не спеша дойдем. Верно?

— Конечно, дойдем. Я могу вам и руку дать, а то, хотите, буду портфель нести?

— Да нет, спасибо. Это я и сам донесу, а ты мне лучше вот что скажи, как ты смотришь...

Может быть, оттого, что он не проводил резкой грани между детьми и взрослыми, читателем «взрослым» и «детским», его сказы, в основном, адресованные взрослым, быстро завоевывали детскую аудиторию. Причем ребята узнали и полюбили сказы Бажова раньше, чем их начали печатать детские журналы и детские издательства.

Отца удивляло, что особенно привлекательными оказались вещи, стилистически и по фабуле наиболее сложные, типа «Каменного цветка», «Дорогого имячка». Для иллюстрации ребята часто выбирали совсем «недетский» сказ «Солнечный камень» и изображали его в виде улыбающегося солнышка. Огневушка-поскакушка во время войны была разведчицей, малахит и другие уральские камни ослепляли фашистов, Великий Полоз обвивал и душил своими могучими кольцами вражеские полки.

Даже такой сказ, как «Приказчиковы подошвы», ребята выбирали для иллюстрации и чтения со сцены, а это уж совсем «взрослый» сказ. По мнению отца, это происходило потому, что ребятам всегда хочется видеть зло наказанным.

Отец любил путешествовать, видеть новые места, новых людей. Мечтал он увидеть гораздо больше, чем ему привелось. Еще в молодости они с мамой совершали путешествия по карте. Выберут какой-нибудь город и мечтают, как поедут, что увидят. Отец рассказывает, когда город построен, какие реки и леса вокруг, какие памятники старины, но ни в одном из этих городов побывать им не пришлось.

В 1937 году в Комсомольск-на-Амуре не без влияния отца отправилась моя сестра Елена. Мама горевала, что она уезжает так далеко, боялась за ее здоровье, а отец утешал: «Зато сколько увидит. Край-то какой! Да будь мы с тобой помоложе... Не горевать, а завидовать надо.

Там еще столько первозданной красоты, а мы с тобой не увидим».

Это была его обычная формула: «что можно увидеть и услышать в жизни — нельзя придумать». И всякий раз, когда была возможность, отправлялся в дорогу.

Привозил из поездки «сказовые сюжеты», яркие слова. Так, из поездки в колхоз «Заря» Ачитского района к Александру Порфирьевичу и Марье Гавриловне Терновым он привез рассказ о старом Сибирском тракте, памятном ему с детства, о плакучих березах, которые остались единственными нетронутыми со времен его детства и юности.

— Посмотришь на эти старые березы и думаешь, а ведь это все было точно таким, когда я мальчуганом впервые здесь проезжал, и почувствуешь себя моложе. Вся и разница в том, что сейчас езжу на машине, а тогда, пятьдесят с лишком лет назад, на ветхом Пеганке или на велосипеде. Как будто вчера было: остановился я на развилке Сибирского и Исетского тракта, и тут и там старые плакучие березы, и решаю куда? На Логиново или на Белоярку? И вся жизнь еще впереди...

С восхищением рассказывал о хозяйстве богатого уральского колхоза. Вспомнив об участке для строительства нового поселка, улыбнулся:

— Вот был бы я агрономом или электриком, поселились бы мы там с мамой.

— Быстро бы соскучился.

— О чем? О толчее большого города? О времени, которое тратится на транспорт и пустопорожние разговоры? А там настоящее дело: тишина, воздух как мед, возможность работать полная, а при желании да при наличии машины, радио, телефона — город рукой подать!

В Сысерть отец ездил неоднократно и всегда с удо-

вольствием. После одной такой поездки, кажется, в 1948 году рассказал о еловой аллее.

— Ели на Урале не растут,— говорил он нам,— а тут посажены строго, по ниточке и только в одном месте. Эта мрачная красота напомнила мне одну очень невеселую историю... Надо будет записать...

Зимой 1945 года отец взял меня с собой в Москву на празднование юбилея Крылова. Возвращались трудно. Просидели в Москве на вокзале двенадцать часов. В вагоне было холодно. Поезд выбился из графика и подолгу стоял на разъездах. Ехали от Москвы до Свердловска пять суток. Отец устал, простудился, сильно кашлял. Несколько раз говорил мне: «Отъездился, прошло мое время...»

Но вот на станции Чарусти вошли в вагон девушки в национальной чувашской одежде. Оказалось, лучшая бригада торфоразработок получила премию — поездку на родину, в город Канаш.

В нашем купе поселились две Зои — Петрова и Кайгашева, очень милые скромные девушки, с которыми у нас возник полный контакт, и мы очень весело и интересно провели ту часть пути, что ехали вместе.

С отцом девушки очень скоро говорили как со старым добрым знакомым, рассказывали о своей работе, о любимых сказках, о Пушкине. Отец расспрашивал их о национальном фольклоре, просил рассказать сказки, которые помнят с детства. Его давно интересовал богатый фольклор этого края. Он оживился, повеселел, много и интересно рассказывал сам. Расстались мы лучшими друзьями.

В последние годы жизни отца время его было заполнено поездками, встречами с людьми, обязанностями писателя и депутата Верховного Совета СССР, работой над сказами, но неизменно по вечерам вокруг него собиралась вся семья и велся неторопливый разговор о том, что ви-

дели, что читали, о чем думали, что волновало. Часто во время наших вечерних чаепитий разговор касался истории Урала. История всегда была главным интересом в жизни отца. История и Слово, Слово и История, и еще Урал.

Во всех своих ранних публицистических вещах — «Уральские были»[1], «За советскую правду»[2], «К расчету»[3], «Бойцы первого призыва»[4] — он оставался автором исторического очерка. И позже, когда Бажов стал автором «Малахитовой шкатулки», он написал автобиографическую повесть «Зеленая кобылка»[5] на широкой исторической основе — о жизни подростка уральского завода в конце XIX века. Эту же тему он продолжил в повести «Дальнее — близкое»[6].

О том, что отец собирался написать роман об атамане Золотом, знали многие. Об этом рассказывает подробно в своей книге «Долговекий мастер» Е. А. Пермяк. Но я не помню, чтобы отец кому-нибудь читал наброски к роману. Между тем они сохранились, и видно, какая проведена большая подготовительная работа.

Замысел романа или повести родился, по-видимому, еще в 90-е годы XIX века, прошел через всю жизнь и не осуществился. Как-то в последние годы жизни, очевидно, понимая, что не осилит эту большую тему, отец сказал за вечерним чаем наигранно веселым голосом:

---

[1] «Уральские были». Екатеринбург, 1924.

[2] «За советскую правду». Свердловск, 1926.

[3] «К расчету». Уралгиз, 1926.

[4] «Бойцы первого призыва». Свердловск, 1934.

[5] Е. Колдунков (псевдоним П. П. Бажова), Зеленая кобылка. Свердловск, 1940.

[6] П. П. Бажов. «Дальнее — близкое».— «Уральский современник», 1949, № 14.

— Подарил я атамана-то Золотого Константину Васильевичу Боголюбову — он моложе, да и склонность к исторической тематике у него есть. А эту вот папочку, Ридчёна, себе возьми, ты ведь у нас историк (я в 1947—1950 гг. была аспиранткой кафедры истории СССР Уральского государственного университета им. Горького), на досуге как-нибудь разберешь.

Все промолчали. И отец замолчал надолго.

Не знаю, воспользовался ли Константин Васильевич материалом отца. Вряд ли. Но тема попала в надежные руки. В 1955 году, через пять лет после смерти отца, на Урале была издана повесть Константина Васильевича Боголюбова «Атаман Золотой».

Вот теперь я открываю объемистую папку, на которой отцовской рукой, еще молодым почерком написано: «Атаман Золотой». Здесь в основном заготовки. Словарь к Золотому обширен и разнообразен: искательный; оказать ласковость; грамоте тихо знает; поноровка; глаз вострый; выкланивать расположенье; безкорежный (бесстыдный); ясеневая укладка; нахрапок; в бороде ума нет; собачья дружба до первой кости; вотчинник Иванка Косач; захребетник Савка прозвищем Пузырь; уведомился через подлазщиков; гулебщик; Вахоня — прозвище; сын-одинец; буздаган (кованое оружие); ведун (знающий); борода сохаста; Савка Пуп; Васька Ковиряй; улещать; рудная вода; строгаль; коваль; чугун-рука (тяжелая); пух-рука (легкая); прямое дерево ветру не боится; за всяко просто; кошачье золото; неочерпаемо (неисчерпаемо); корчажничать — варить пиво, брагу.

Первоначальный краткий план повести выглядел так:

«Новое Усолье. В именье князя Бор. Г. Шаховского приказчик Федька Калашников. Семья Плотниковых. Дедушка, сказки, отец, два брата. Семейный разлад.

Цифирная школа. Почему туда попал Андрей. Учи теля и учебники, соученики.

Работа в заводской конторе».

В развернутом виде план несколько видоизменился и оброс деталями.

«Строптивую Рыжую выдают за Степу Смиренного — шибко тщедушный. Дед Андрея — плотник Афанасий, бывалый человек, балагур и сказочник. Хромой и пахорукий. Относительная свобода. Рыбалка. Рассказы о постройке острогов «осередь башкир». Далматовский монастырь. Разбойничьи песни. Бабушка Дарья — старая кружевница. Ее сказки».

Среди черновиков, набросков встречаются совсем готовые куски.

«Рослая красивая девица в сарафане из домотканой пестряди и фартуке грубого холста поила телят на широком, пустынном в этот час барском дворе. То один, то другой из телят поднимал от корыта мокрую морду, тянулся к девушке, чтобы толкнуть ее в руку, бедро. На руке и сарафане оставались хлопья хлебного корма, но девушка как будто этого не замечала. Она наклоняла слюнявые морды к корыту, порой похлопывала своих ласковых питомцев, но было видно, что делает это только по привычке, мысли ее заняты чем-то другим — большим и тяжелым. Об этом говорили и заплаканные глаза, и криво повязанный на голове платок. Покровный угол платка приходился не посередине спины, а сбился в сторону, открывая толстую тяжелую косу темно-красного цвета. Черная ряпушка, закреплявшая конец косы, распустилась, и бронзовые пряди разошлись.

Проходившая мимо главная скотница Афимья Козлуха сейчас же заметила этот беспорядок и набросилась на девушку:

— Ты это что патлы свои рыжие распустила? Куда

у тебя платок пошел? В суседи? А княгинюшка выйдет либо сам князинька — что тогда? Кому за тебя, бесстыжую, отвечать?

Когда девушка измазанными в корме руками быстро поправила платок и стала завязывать конец распустившейся косы, скотница смягчилась:

— Дура ты, Дарёнка! Право слово, дура! Смотри, как уревелась. Радоваться надо, а она себя изводит. Парня-то ведь недаром смиренным прозвали. Лучше лучшего с таким проживешь. Всю жизнь князь-батюшку благодарить должна за такого жениха.

— Да он, Афимья Ивановна...

— Ну, чем похаешь парня?

— Смотреть тошно... Девки смеются. Этакого, говорят, недоноска по всему царству не найти... Борода растет, а самого от земли не видать.

— Вот и вышла дура. От земли не видать! Ты не на рост гляди, а чтоб душевный человек был. Свекровка-то Марьица кроткая-прекроткая у тебя будет. За такой жить не охнешь. Знаю ее. В одной девичьей росли. Первая мастерица была золотом шить. Теперь еще ее поминают. На самую тонкую работу ее ставили. Другая и узора-то не разглядит, а она его выведет из точки в точку. Да еще сама новое выдумает. Теперь хоть отупела глазами, а все еще серебром плетет не хуже других. Поучит тебя, а ты ревешь!»

Очевидно, это начало повести о том периоде жизни Андрея Плотникова, когда он еще не стал атаманом, о его родных, учебе в местной владельческой школе в Новом Усолье, о службе конторщиком в имении князя Бориса Григорьевича Шаховского.

Судя по словарю и написанным кускам, довольно подробно освещался тот период, когда Андрей скрывался на заимке купца Шавкунова.

«К зимнему Николе Шавкупов обыкновенно уезжал в Кунгур на ярмарку. С ним уходил обоз со всем юхтовым товаром, который вышел из дела. Возов десять, иногда и больше. Подготовка начиналась спозаранку — дня за три, за четыре. Кожи сортировали по весу, по отделке, пересчитывали, выискивали всякого рода брак. Порой спорили, но последнее слово всегда оставалось за Тихоном. Скажет он — в первый или второй воз — так тому и быть».

Далее идет рассказ о том, как Андрей бежал на Клиновский рудник, где получил подложный паспорт, и весной 1769 года появился на Шайтанском заводе Яковлева. Как ходил Золотой с караваном на судах строгановского приказчика Никиты Колчина в Рыбную слободу, где встал во главе отряда в десять человек, «разбойничал» на Волге, работал на медеплавильном заводе купца А. И. Кобелева, на Сергиевском заводе, на сплаве по реке Уфе, вновь организовал отряд в 17 человек и отправился по реке Белой до ее устья, где присоединился к отряду, возглавляемому мастеровым Егошихинского завода Иваном Прибытковым.

Из заготовок, прописанных кусков, развернутого плана видна основная идея повести. Еще в конце прошлого века учитель Павел Петрович Бажов хотел показать, что протест уральских мастеровых против крепостного права «нельзя обозначать коротким и презрительным словом «бунт», что нужно донести до потомков память об одном из отважных мастеровых, крепостном интеллигенте, сподвижнике Е. И. Пугачева — Андрее Степановиче Плотникове».

Была у отца и другая мечта — написать историю первых Демидовых, которые в сложном деле создания русской промышленности на Урале действовали в соответствии с Петровским указом: «Деловых людей и раз-

ного кунста искусников надлежит всяко обнадеживать и принимать с решпектом и привилегией, то памятуя, что от таковых великое прибавление и польза заводскому делу проистекать могут».

Пожалуй, полнее всего его отношение к первым Демидовым, в отличие от «последышей», проматывающих отцовское наследство по заграницам, нашло отражение в письме к Алексею Александровичу Суркову по поводу романа Е. А. Федорова «Демидовы». Не буду пересказывать это письмо, оно частично опубликовано[1], о нем много писали, его цитирует Е. А. Пермяк в книге «Долговекий мастер»[2].

Главная мысль Павла Петровича — энергия Демидовых, их напор, организаторская сметка заслуживают справедливой оценки потомков. Их крепостническая сущность не должна заслонить того факта, что благодаря их деятельности Россия в короткий срок освободилась от импорта железа и сама стала его экспортером. Были открыты медные и серебряные руды.

Демидовы привлекали его как «переходные фигуры от мужиков к барам». Они впитали в себя много таких черт, которые говорят, что они не забыли еще своих «кузнецов-предков». Очень интересно, например, отношение Прокопия Демидова к взбунтовавшимся приписным, его хозяйское письмо верхневинским приказчикам о соревновании в поисках плавней. «Надо это письмо показать какому-нибудь металлургу,— заключает отец со свойственным ему стремлением не делать скоропалительных выводов,— чтобы понять, есть ли в нем действи-

---

[1] См.: П. П. Бажов. Публицистика, письма, дневники. Свердловск, 1955.

[2] См.: Е. А. Пермяк. Долговекий мастер. М., 1974, с. 172—176.

тельные поиски, или только привычка поучать других, даже тому, чего сам не знал».

Было в исторической теме Бажова еще одно любимое детище — город Екатеринбург — Свердловск, с которым в течение 60 лет сознательной жизни он был связан. Ему казалось, что история города недостаточно изучается.

— История нашего города освещена односторонне, а может быть, и неправильно,— говорил он.— Исследовательско-историческую работу вел Н. К. Чупин на основе документов, исходивших от администраторов и чиновников города. По документам картина строительства города выглядит так: приехали администраторы, выбрали место, построили город-крепость, ставший центром металлопромышленности! Нет, не так все просто! Достаточно посмотреть на городскую плотину, чтобы задуматься. Ведь это огромное и первоклассное для того времени техническое сооружение. Иностранные специалисты не могли здесь выступать в роли учителей, так как в Западной Европе, в других климатических условиях, была принята другая система: канал и заднебойное колесо, а у нас использовалось падение воды на верхнебойное.

На первое место в истории строительства города он выдвигал русских, мансийских первооткрывателей: рудознатцев, мастеровых, умельцев — и призывал ученых изучать пристально и серьезно подлинные документы по истории Екатеринбурга — Свердловска, но «не гнушаться» народными преданиями Урала, который еще в эпоху крепостничества сконцентрировал высокие качества рабочих коллективов.

П. П. Бажову хотелось видеть свой любимый город

благоустроенным, красивым, известным. Вот почему он хотел, чтобы каждый знал историю города и гордился ею, чтобы стояли в нем памятники первому русскому теплотехнику И. И. Ползунову, который девизом своего изобретения сделал: «облегчить труд по нас грядущим»; Л. И. Брусницыну, родоначальнику русской золотопромышленности, Д. Н. Мамину-Сибиряку, бытописателю Урала.

Вот почему, гордясь историей своего края, он считал, что не 100-летний юбилей горно-металлургического техникума в Свердловске надо отмечать в 1946 году, а 225-летие существования в Екатеринбурге — Свердловске учебных заведений для создания инженерно-технических кадров, так как начало ему положили Петровские цифирные школы, которые начали функционировать на Урале еще в 1721 году.

И это не единственный пример «вторжения» П. П. Бажова в историческую тему. После выхода из печати сказа «Ермаковы лебеди» отец получил предложение от исторической энциклопедии написать о своей версии уральского происхождения Ермака.

Помню, отец был польщен и взволнован. Несколько наших семейных вечеров были посвящены обсуждению вопроса о происхождении Ермака, и хотя отец разворачивал убедительную картину, приводил множество никому не известных и собранных им по крупицам фактов, свидетельствующих об уральском происхождении Ермака, никто, кроме нас, членов его семьи, этих аргументов не узнал. Они не были изложены в энциклопедии, отец отказался, написал вежливое письмо: «польщен... не считаю вправе... это лишь досужие предположения». А нам через пару дней сказал: «Не пристала мне академическая камилавка. Ростом мал и плешив, кто-нибудь еще подумает, что чужой шапочкой хочу увеличить рост и

скрыть плешину...» И больше к этому вопросу не возвращался.

В январе 1949 года торжественно был отмечен семидесятилетний юбилей отца. В зале Свердловской государственной филармонии собрались друзья и читатели Бажова. Много торжественных и смешных подарков. Отец растроган, благодарен, взволнован. Начал он говорить медленно, как будто еще не знал, о чем сказать. Но и в этот торжественный для него день он не забыл о своих близких.

— Мы всегда досадливо оглядываемся на камень, о который споткнулись на пути,— начал он,— но почти никогда не вспомним с благодарностью о тех людях, которые протоптали нам широкую и удобную тропу через лес или через топь. Для меня эту тропу в жизни проложила моя жена Валентина Александровна, которая взяла на себя все житейские заботы и тяготы, которые так осложняют жизнь. Благодаря ей я прошел жизнь по утоптанной тропе и мог спокойно работать...

Потом он благодарил друзей, литераторов, журналистов, издателей и читателей за внимание к его работе и за помощь. И вновь повторил то, что говорил всегда:

— Это внимание, разумеется, не ко мне, а к тем безвестным творцам, материал которых дошел до меня и стал доступен читателям. Моя роль в этом второстепенная...

После юбилея отец заболел. Долго лежал в больнице, потом долечивался в санатории. Вернулся домой, но все ему как-то нездоровилось.

«Все-таки со мной делается что-то неприятное,— писал он в письме А. М. Ступникеру.— Зимний санаторий ничего не изменил. Там казалось скучно от безделья и санаторного режима. Приехал домой, а рабочего настрое-

ния нет. Стараюсь преодолеть долголетней привычкой, но пока результатов не вижу и быстро устаю. Видно, возраст берет меня сильнее, чем я его. Ну, все-таки еще поборемся».

Грустные нотки все чаще проскальзывали в словах и письмах отца. Нездоровье мешало работать, и он досадует на себя:

— Да, сделать это, сделать то, а время уходит па разные пустяки, и винить некого, кроме себя. Расплывчатость в планах и неуменье сосредоточиться на первостепенном, первоочередном. Пытаешься разом сделать многое, а не делаешь ничего.

— Не те сны пошли,— рассказывал он, просыпаясь.— Смолоду вверх тянет, и всяк этому рад. Либо во сне на крутую гору взбежишь, либо по лестнице чуть не до солнца взберешься, а то и полетаешь на просторе. После таких снов и днем кажется, что ты легче стал.

В старости другое снится. Видишь ту же лестницу, да по ней надо спускаться, а она под тобой подгибается либо кончается обрывом. Кверху не поднимешься и вниз бросаться не хочется, висишь на руках и думаешь: а ведь долго не продержаться. На весь день после такого сна усталость чувствуешь.

10 декабря 1950 года в морозный день мы похоронили отца на высоком холме, с которого виден Урал — леса и перелески, горы и пруды — все, что он любил, что всегда было дорого его сердцу, и вернулись домой. Еще пахло табаком, на столе лежала его трубка, а в машинку заправлено незаконченное письмо, но дом опустел...

Вечером у пас собралось много народу. Сначала было тихо. Потом выпили. Голоса стали громче. Заговорили о том, что волновало каждого. Маршала Георгия Кон-

стантиновича Жукова[1] расспрашивали о днях войны, напоминали о встречах на фронте, уговаривали, чтобы он писал мемуары. Мама сидела ко всему безучастная, да вряд ли вообще слышала что-нибудь, а мне стало обидно, что вот уже и забыли отца, и речь идет о другом, и никто не помнит, по какому поводу собрались в этом доме сегодня. А в ушах зазвучал голос отца:

— Ридчёна, что приуныла? Не надо. Жизнь ведь продолжается...

И она действительно продолжается в его книгах, в памяти людей, в произведениях искусства, созданных по мотивам его сказов, в его детях, внуках и правнуках, среди которых есть экономисты, строители, рабочие, геологи, журналисты, социологи, историки и те, кому еще предстоит выбрать свои профессии и определить свой путь в жизни.

Много лет спустя после смерти отца в чужих краях мне привелось встретиться с памятью о нем. В 1962 году вместе с мужем, корреспондентом «Правды», и младшим сыном Егором я оказалась на Кубе. Вскоре по приезде в Гавану я на самом большом кинотеатре Гаваны прочла: «Цветок из камня». О! Как знакомо! — подумала я, радуясь, что начинаю понимать по-испански... То есть как цветок из камня? Каменный цветок? Не может быть...

И все-таки это был фильм «Каменный цветок», и я смотрела его вместе с кубинскими зрителями. Большинство сидевших в зале огромного кинотеатра не были в Советском Союзе и, наверное, смутно представляли себе, где находится Урал. Я волновалась. Мне казалось — фильм не поймут, он будет скучен, начнут выходить из

---

[1] В 1950 г. маршал Г. К. Жуков был командующим Свердловским военным округом и депутатом Верховного Совета СССР. С отцом их связывали деловые и дружеские отношения.

зала, и мне будет больно. Ведь здесь все другое: язык, природа. Все здесь красочнее, эмоциональнее. Небо синее, море ярче, голоса громче, восприятия обостреннее. Но зрители реагировали на события, происходящие на экране, точно так же, как те, с которыми вместе я впервые увидела «Каменный цветок» в Свердловске. Там же смеялись, в тех же местах замолкали... Почему? Я поняла позже.

Когда я уезжала на Кубу, мама положила мне в чемодан маленький кусочек малахита, ограненный с одной стороны.

— Возьми на память о родительском доме. Там, наверное, не видали.

Я рассказала об этом моим друзьям-геологам, работавшим на Кубе. Они смущенно промолчали, видимо, удивляясь моей безграмотности. Потом один из них, порывшись в многочисленных сверточках, положил мне на ладонь камешек, похожий, как близнец, на мой уральский.

— Этот не со Змеиной горки,— сказал он улыбаясь,— это его брат из Пинар-дель-Рио.

Когда на острове Пинос я ехала от аэродрома по дороге, отливающей белым мраморным блеском, я вспомнила Урал. В Мраморском тоже дороги мощены мраморной крошкой...

Вот почему «Каменный цветок» и в другом полушарии смотрелся с интересом. И здесь занимались тем же трудом: искали медную и железную руду, добывали камень, обрабатывали его, создавали произведения искусства.

Неожиданной была для меня встреча с отцом в Югославии. Остановилась я у книжной витрины. Маленькая книжка в сером переплете привлекла внимание. Название знакомое: «Уральске байке». Полистала и убедилась, что хотя и без имени автора, но все-таки это сказы

«Малахитовой шкатулки». А в городе Сараево — столице Боснии и Герцеговины — был поставлен «Каменный цветок». Слушая музыку, я вспоминала, как отец пришел однажды вечером взволнованный и веселый и рассказал нам, что в Свердловском театре оперы и балета начинаются репетиции балета «Каменный цветок» композитора А. Фридлендера.

— Этого я пока не представляю,— возбужденно говорил отец,— подпрыгнет Данила и скажет: «Не буду делать чашу по барскому чертежу». А хозяйка сделает пируэт ножкой та-та-та — это значит: «Приходи, покажу каменный цветок».

Отец смешно выбрасывал ноги в толстых домашних валенках, изображая то Данилу, то малахитницу, и глаза его смеялись...

И все-таки книгу воспоминаний об отце мне хочется закончить его собственными словами.

* * *

Из его незаконченных и неопубликованных рукописей я выбрала те, которые так или иначе связаны с канвой моего рассказа.

Известно, что цикл сказов о гранильщиках и камнерезах, в который вошли: «Каменный цветок», «Горный мастер», «Хрупкая веточка», отец предполагал продолжить. В незаконченных сказах «Теплая грань» и «Хозяйкино зарукавье» речь идет о судьбе детей Данилы и Катерины.

Впервые рукопись была подготовлена для печати моей матерью В. А. Бажовой и опубликована с комментариями литературоведа М. А. Батина в журнале «Урал» (1961, № 1), хотя и не в полном виде.

П.П.Бажов

НЕОКОНЧЕННЫЕ СКАЗЫ, ОТРЫВОК ИЗ СЦЕНАРИЯ «ЕРМАКОВЫ ЛЕБЕДИ»

Теплая грань

Про то уж сказывалось, что у Данилы с Катериной одному парню, Митюхой которого звали,— не посчастливило в житье. Первое дело, горбатым вырос, второе дело — по работе большая спотычка случилась. Самым, можно сказать, первостатейным гранильщиком вышел, а пришлось жить па волчьем положении. Это как Митюха стукнул барина его же тростью за то, что тот растоптал у Митюхи самую его дорогую поделку.

Далеко от дому Митюха все-таки не ушел. В те годы, видишь, казна принялась за жильное золото в Березовском заводе. Рудотолчейную там поставили и стали большими партиями с разных концов арестантов пригонять на работу. Коротенько сказать, каторгу на том месте открыли.

Все, кому надо было ухраниться, сразу смекнули — лучше не найдешь, как около этой самой каторги пристроиться. Никому и в голову не придет искать в таком страшном месте. А гранильщикам да камнерезам это и по ремеслу подходило. В березовских дайках, известно, камешков не малое число попадалось. Камешек не то

чтоб очень лестный, а все же в огранку годился. Камнерезов опять тамошний листвепит тянул. Камень тоже не из завидных, вроде салом смазанный, зато к резьбе легкий. В добрых руках и такой заиграть может.

Митюха все это смекнул, да и подался на Березовский завод. По его ремеслу и то подходило, что от города близенько: поделку сбывать легче. Конечно, жить на устропьи всегда невесело и делу помеха, а все-таки пристроился, питаться можно. И ту девчушку, которая его дома больше всех жалела, с собой же увел. Тайком от родителей. Вдолге уж весточку подали:

— Так и так, живы-здоровы, только венчаны по-кержацки.

По церковному-то побоялись, потому как там бумаги спросят и все может открыться, а у кержаков просто. Старичок тамошний почитал по святой книге, да и говорит: «Живите без греха, и бог вас прости». «Мы живем в полном согласии близко году, сыночка поджидаем».

Даниле с Катериной, да и родителям той девчонки не в обычае, чтоб без венцов сходиться, да что поделаешь? Собрались все у Данилы, повздыхали, поохали, пошумели малость и на том сошлись: всякое на свете бывает.

— У кержаков-то, я слыхала, семья не в уроне,— сказала Катерина и поставила на стол рыбный пирог.— Не обессудьте, сватушки любезные, не изготовилась, как полагается. Свадебка-то у нас не в обычай пришлась.

Данило, конечно, начал вином обносить. Ну, погуляли маленько новые сватушки, своим семейным кругом, без большой огласки. С той вот поры ниточка на Березовский завод и протянулась. Частенько его в разговорах поминать стали.

— Как-то наши там поживают?

Как старый барин умер, наследникам не до того стало, чтоб разыскивать, кто покойника по лбу палкой

треснул. Понахватали денег, сколько кому удалось, и сразу кинулись по столицам да заграницам мотать наследство. А приказчику да заводскому начальству другая забота — то ли этих наследников одним махом начисто ограбить и в безнадежные должники перевести, то ли на годы растянуть, чтоб подольше на привычных местах кормиться? Ну, березовским-то скрытникам и стало повольготнее. Митюхе самому-то, понятно, нельзя было в Полевой показаться, как он по горбу заметный, а Фрося, его жена-то, не раз бывала, и с ребятами. Про березовские дела в Полевой знали до тонкости. А тут у Данилы в семье опять случай вышел.

Последней-то их девчушке дорога тоже не вовсе по ровному месту пришлась. Росла она здоровой да веселой, всей семье радость. И с лица вышла пригоженькой. Подружки так и звали ее — Настенька Бассенька. На отличку от другой Настюшки Кривушки. Мать не раз говорила девчонке, чтоб она не заносилась перед подружками, а Настеньке все же любо было такое прозванье. Попривыкла к этому. Только вот на двенадцатом ли, тринадцатом годочке эта Настенька захворала оспой.

По нынешним годам про оспу мало разговору. Научились ставить ребятишкам такие пятнышки, коих оспа боится. Не то что по городам да по заводам, а и по самым глухим деревнешкам оспенницы всех малолетков спозаранку пятнают. Оспе, глядишь, и вовсе ходу не стало. А ведь прежде-то что было! Самая это злая хворость считалась. Сколько она народу уводила, а больше всего малолетков. Да еще как крушила-то! Половина, может, тех, кто захворал, с концом гибла, а из другой половины немалая часть слепыми выходила. Счастье считалось, коли кто выкарабкается исковырянным вроде решета.

Этакое-то счастье и выпало на Настенькину долю. Мать, конечно, старалась ухранить ее во время болезни.

В рукавичках держала, а на ночь и вовсе связывала, чтоб себя не повредила, как оспенки присыхать стали и зуд пошел. Только все-таки ухранить не смогла. Как выхворалась, так прямо узнать нельзя девчушку.

Такой изъян и парнишке не больно всласть, а девчонке да еще подлетку и вовсе тошно. Из подружек тоже завистницы были, стали ее навеличивать по-другому: Настенька Карявенька, а осердятся, так и Настька Конопатка. Любо ли? От этого у девчушки весь обычай переменился. Была хохотушка, первая на игры затейница, а стала потёма-потёмой. Все больше в уголке сидит и на разное женское рукоделье налегать стала. Иной раз забьется куда, и целый день ее не видно, не слышно. Мать видит — не ладно дело. Запрягла ее в работу, строго взыскивать стала, а сама думает: «Работы больше, пустодумья меньше». Настенька к этому будто и с охотой, а от своих думок отстать не может. И то сказать, сколько по домашности не колотишься, а подружки тут они, рядом. За водой пошла, с одной сбежишься, рубахи полоскать побежала, на плоту их гурьба. В праздники и того хуже. Под окошками ходят, вызывают:

— Выходи, Настенька!

Да еще что! Сидит так-то по зауголкам и, глядишь, откопает такое, о чем все давно забыли. Раз мать поднялась зачем-то на вышку, а Настенька разбирает какие-то камешки. Подошла Катерина поближе и обомлела: да ведь это те самые, которые она в тайне сохраняла. От чаши-то, которую Данило разбил.

Катерина, понятно, спрашивает: где взяла? Что тут делаешь? А Настенька объясняет:

— Вот нашла за бревном засунут узелок, а в нем камешки. Видать, от одной поделки, потому — ловко складываются. Гляди вон, вроде листка выходит, только маленько недостает чего-то. Занятная, надо думать, по-

делка была, а почему-то разбита. Вот сама увидишь, как всю-то соберу.

Катерина напустилась на дочь:

— Как ты смела неспрошенное взять? Для тебя разве узелок собран?

Сейчас же спутала всю ее разборку, связала опять обломышки в узел, а про себя дивится: сколько ребят вырастила, ни один не нашел, а эта докопалась! Хорошо, что еще вовремя увидела, а то показала бы Даниле, в думу бы его вогнала. Настрого наказала Настеньке:

— Ты, гляди, отцу не проговорись об этом! Камешки такие, что могут его с пути сбить. И братьям чтоб ни слова!

Настенька слушает и думает: что за камешки такие, что и говорить о них нельзя? В чем их сила? Почему они матери так не взлюбились? Спросить все-таки не посмела, а Катерина подхватила узелок и говорит:

— В ступе истолку, чтоб больше никому в руки не попадались!

Только ведь не зря говорится: чем гуще занавеска, тем больше манит поглядеть, что под ней спрятано. Тут это самое и вышло. Ушла Катерина с узелком, а дочка за ней побежала поглядеть, что дальше будет. Видит, ушла мать в амбарушку над погребом, а сбоку там в одной стене широкая щель была. Настенька к этой щели припала. Катерина сперва сунула узел за кадку в углу и стоит, задумалась. Потом достала узел, развернула и тоже стала обломки раскладывать. Тут кто-то из старших братьев из малухи выскочил и сильно закашлял — наглотался, видно, малахитовой пыли лишка. Катерина как услышала, сейчас же забрала обломки в узел и сунула на старое место, за кадку и вышла из амбарушки.

Настенька все это видела, и ей еще любопытнее ста-

ло, что это за обломышки? А вдруг мать в самом деле истолчет их в ступке. Тогда уж не поглядишь, что за поделка была. Не перепрятать ли, пока цел узелок. Ну, боязно, как бы мать не хватилась.

Ушла Катерина в избу, брат прокашлялся, в малуху вернулся, а Настенька все стоит и раздумывает: брать или не брать узелок, а сама смотрит через щелку в тот угол, где камешки спрятаны. Вдруг видит, из-за кадки поднимается как ветка зеленая, за ней другая, третья. Тут Настенька и думать не стала, со всех ног кинулась в амбарушку — поглядеть поближе. Подбежала, а ничего нет. Что делать? Вытащила из угла узел — а он не легонький — и потащила в огород, в тот конец, где конопля росла. Конопляник хоть маленький, а на жирной земле, такой густой, что к самому подойди, и то человека в нем не увидишь. Забралась Настенька в самую середину, выкопала там ямку и зарыла узелок, сама скорей домой прибежала и давай по хозяйству стараться. Дело ведь всегда найдется. Мать вышла, видит — усердствует девчонка, подумала: «Задобрить, видно, меня хочет после давишней-то проборки.— А про узелок решила: — Завтра истолку, а то еще греха с этими обломками наделаешь!»

Наутро, как привычно, поднялась раньше всех и сейчас же взяла пест и ступку и пошла в амбарушку. Видит — взято. Догадалась, конечно, чьих рук дело, но сперва ничего не сказала, а как ушли мужики в малуху на работу, Катерина и наперла на Настеньку:

— Подавай узелок!

Девчонка и отпираться не стала, говорит:

— Зарыла в конопляннике.

— Кажи, в котором месте!

Пошли в огород. Место, где зарыто было, найти, конечно, легко, потому — земля там переворошена, стали отрывать, а там одна тряпица, в которую обломки были

завернуты, только эта тряпица как прожженная по самой середине, а камней нет. Катерина, ясное дело, поняла, почему такое могло случиться, а девчонка ревет:

— Мамонька, вот тебе святая икона, на этом месте все зарыто было, как взяла.

Катерине не до того, чтоб Настеньку пристрожить. Другое на уме: хозяйка горы мудровать начала, хорошего не жди!

«Как бы она у меня дочь не сманила, как Данилу».

Ласково с Настенькой заговорила:

— Ты не думай об этом. В земле легко ведь что хочешь потерять можно. Тряпица, видно, прогнила, обломки и рассыпались. Да и к чему они тебе. Разбитый камень все равно не слепишь. Мало ли случается, что поделка разобьется, а нет того обычая, чтоб из обломков ее собирать. Всякий мастер лучше за новое примется, чем так-то время терять.

Настенька слушает этот разговор, а не верит, потому видела, что мать сама эти обломышки раскладывала, как им быть должно. И то ей в диво, что за самовольство не пробирает, Настенька осмелела и говорит:

— Мамонька, а на что ты эти обломышки тогда берегла и почему наказывала отцу и братьям ничего не говорить?

Катерина придумала отговорку.

Это, дескать, я смолоду сама хотела заниматься малахитовым делом, да не вышло у меня ничего путного, я и разбила поделку, а остатки все-таки жалко было выбросить.

Ну, Настенька этому не поверила да прямо и говорит:

— Ровно бы это мастерских рук работа, а не первоучка.

Тут уж Катерина рассердилась:

— Возьму вот за косу-то да выучу, как пересуживать материны слова! Кто ты есть, чтоб мастерство разбирать. Вперед чтоб не слышала этого! И про эти обломки не поминай! Забудь об этом!

Сказать это легко, а как про такую штуку забудешь. Сама помнит, и у дочери этот случай из ума нейдет: куда подевались обломки?

Хозяйкино зарукавье

Сидит этак-то Настенька на вышке. Ковыряется с вязаньем каким-то. Только пришло ей в голову самой узор для вязанья выдумать. Ну, перебирает в голове, что бы такое выбрать, непохожее на другие узоры. Устремилась глазами в одну сторону, а сама ничего не видит, потому как в голове другое проходит. Потом себя остановила:

— Что это я! Перебираю такое, которое в узорах видела. Надо такое, чего не было.

И тут заметила в углу паутинку. Стала оглядываться — еще две нашла. Все переглядела и к тому пришла, что они друг от дружки только тем отличаются, что одна поменьше, другие побольше, и рисунок этот чуть не в каждом узоре есть.

— Не так, видно, просто узор придумать, — решила Настенька, а сама все по сторонам поглядывает — не найдется ли чего занятного?

Вышка, известное дело, не больно богато освещена: одно окошко наружу да щели, если крыша дырявая. У них как раз недавно крышу перекрывали. Тёс еще плотный, и снизу, где он спускается, тоже плотно подогнано. В одном только месте на тесине сквозной сучок выпал. Из этой маленькой дырочки свет пучком идет в сторону верхнего венцового бревна. Настенька глядит за этим пучком и видит в светлом пятнышке на венце-

вом бревне какое-то колечко. Маленькое, а цветом зеленое, что весенняя трава. Настеньку, понятно, потянуло поглядеть, что за колечко. Подошла поближе да как-то заслонила головой световой пучок, и колечко не стало видно. Отклонилась, светлый кружок появился, а никакого зеленого колечка нет. Задумалась Настенька, что такое? К тому пришла, что так показалось ей, и пошла на старое место, а сама глаз не отводит от светлого пятнышка на бревне. Только села за вязанье, опять это колечко появилось, да явственно так, будто сверху кружка положено.

«Червячок, видно, зеленый, — подумала Настенька, но тут сомненье у ней появилось: — Куда же он подевался, когда я подошла, и как не углядела, с какой стороны он на средину кружка выполз?»

«Пойду, еще раз посмотрю поближе», — подумала Настенька и потихоньку стала пробираться к светлому кружку, а сама глаз с него не спускает. Подобралась и видит — маленькая зеленая змейка лежит и черными глазками глядит на Настеньку. Глазки ласково этак смотрят. Настенька сперва подумала, можно ли эту змейку взять, а как поглядела на ласковые глаза, так руку и протянула. Только вдруг глаза сразу переменились, злыми стали, заблестели вроде камня. Настенька руку отдернула.

— Коли сердишься, так не буду брать.

И глаза опять ласковыми стали.

— Вот ты какая! — сказала про себя Настенька.— Глядеть на тебя можно, а в руки брать нельзя.

Наклонилась поближе, стала разглядывать. И диво ей — лежит змейка как неживая, вроде окаменелого колечка, а глазами смотрит. Тянет Настеньку поднять змейку, а только поднесет руку, глаза засверкают и станут сердитыми. Настенька тогда на хитрость пусти-

лась. Сидит и смотрит спокойно, а сама пальцы левой руки незаметно подвинет, чтобы сбоку задеть колечко. Только и хитрость не помогла: опять озлилась змейка. Тут уж Настенька вслух сказала:

— Не буду тебя беспокоить. Погляжу только.

Змейка как ответила на это: в глазах будто смешок прошел, и стали они еще ласковее.

Так вот и сидела Настенька над светлым кружком, пока мать не закричала:

— Где ты, потемочница моя? Куда забилась?

Настеньке делать нечего, приходится расстаться с занятной змейкой, только та на глазах куда-то скрылась.

Спустилась Настенька с вышки, и целый вечер у нее из головы не выходила маленькая зеленая змейка с живыми удивительными глазами.

Не забыла об этом и на другой день. Как с работой управилась, так и забралась на вышку.

«Не увижу ли,— думает,— еще раз эту змейку».

Так и вышло. На светлом кружке венцевого бревна, в самой средине лежит змейка. Настенька уж знает порядок. Подошла поближе, села на этом венцевом бревне и разглядывает змейку. Любуется ее чисто зеленым цветом, а больше того глазами, из которых будто тепло идет.

Катерине между тем подозрительно показалось, что девчонка целыми днями на вышке сидит. Бывало это, что по темным углам сидела, да хоть место меняла, а тут все на вышке да на вышке. Дай, думает, посмотрю. Забралась потихоньку на вышку и увидела, что Настенька что-то разглядывает на светлом кружке. Пригляделась издали Катерина, и ноги у нее задрожали.

— Ведь это хозяйкино зарукавье! Неуж она придумала девчонку у меня сманить? На что ей?

И до того все это ее напугало, что Катерина вскрик-

нула. Настенька испугалась этого нежданного крику и с испугу опустила руку на змейку. Как кольнуло Настеньку, и она обомлела. Мать больше того испугалась, подбежала к Настеньке.

— Доченька, что ты, что ты!

А Настенька лежит, как неживая.

Недоступное место Храпы

Учитель городской школы Мисилов решил провести летний отдых «на своей воле», «без звонков и затейников». Жена обозвала это дикой выдумкой и кустарщиной, но дочурке понравилась отцовская затея. Девочка не раз слыхала рассказы о маленьком бездействующем заводе, где отцу приходилось жить в годы молодости, а ей самой захотелось побывать там.

С такой союзницей Мисилов победил — и вот они у цели: все трое с чемоданами, корзинками, узлами и свертками стояли на запыленной полянке тихой улицы маленького поселка.

Когда грузовик пошел дальше к руднику, женщина и девочка заволновались:

— Где же мы остановимся?

Мисилов и сам немного растерялся, но бодрится и гудит густым басом:

— Не зима — найдем крышу! И питание наладим. Не хуже твоего дома отдыха! Зато пруд здесь! Месяц гляди — не наглядишься! А лес — вон он! Два шага шагнул — и бери ягоды! Я вот покажу тебе Сорочью горку...

— Ты сперва место покажи, куда вещи поставить,— прерывает жена.— Не до вечера на полянке торчать!

Мисилову не нравится эта реплика и особенно ее тон, но он смолчал и пошел поспрашивать о квартире. Ответ получался неутешительный:

— Какие у нас квартиры! Весь поселок рудничными занят. Сколько ни строятся, все у них нехватка — сюда и бегают.

Хуже всего, что каждая неудача сопровождалась вопросами жены:

— Ну, что? Не пускают?

И в голосе все слышней звенящие нотки. Ох, не любит Мисилов эти нотки! Так и хочется крикнуть: «Отвяжись! Не видишь сама?» Но в это время решение квартирного вопроса само шло из калитки двухоконного домика в виде старушоночки, которую злоязычные соседи почему-то звали бабушкой Семилапкой.

Она сама предложила:

— Останавливаются, случается, у меня. Только вот молодоженов я в избу пустила. Может, чуланчик поглядите. Хороший чуланчик! А то на сарае сенцо есть. Вольготно там... Вам ведь, поди, спать только?

— Ну, ясно, бабушка, не в избе сидеть приехали, — обрадовался Мисилов. — С утра до вечера нас не увидишь. В лесу да на пруду будем. Ненастье разве загонит.

— При ненастье и в избу можно. Хорошие у меня жильцы. Не обеспокоят. Сама-то с утра на рудник убегает, а мужик только на выходные приезжает.

Показав хороший чуланчик и снисходительно определив его стоимость «хоть сотняшку за месяц», старуха выговаривала себе право доставлять молоко, яйца и другие продукты «по самым правильным ценам».

Услышав эти цены, даже широкодушный Мисилов спросил:

— У тебя, бабушка, видно, телефон за печкой? Прямо с городского базару.

Старуха поджала губы и уклончиво ответила:

— Сказывают люди. — И примирительно добавила: — Коли не глянется, в другом месте поищите квартирку.

Искать в другом месте Мисиловы не соблазнились, перетащили свои вещи и, забрав корзинку с провизией, пошли к пруду. Всю дорогу, пока пробирались мимо заброшенных развалин фабричных зданий, Мисилов вынужден был выслушивать об удивительно легкомысленных людях, которым скоро стукнет пятьдесят, о поощрении спекулянтов и другие невеселые вещи. Только на плотине он мог выпрямиться во весь свой большой рост и с торжеством спросить:

— Видела?

После поселка огромный заводской пруд и его холмистое лесное окружение казались полной неожиданностью. Он действительно заставлял забыть и беспокойный грузовик, и кривобокий чуланчик, и даже цены ласковой бабушки.

Здесь провели остаток дня. В закатные часы, как и полагается, Мисилов пустился в воспоминания:

— С семнадцатого года не бывал здесь, а все помню.

И он называл разные мыски, заливчики, горки, рассказывал, где ловил ершей, в каком месте охотился с острогой... Но слушательниц больше влекла даль.

— А там что? За этим прудом? В той вон стороне?

Мисилов совсем разошелся. Он стал рассказывать о самом недоступном месте — участке Храпы.

— Птицы там боровой — палкой сшибай! Дикие козлы стадами пасутся. Сохатые тоже. Ну и волков с медведями не мало. Даже в летнюю пору ходить без ружья там нельзя. Колесной дороги в Храпы вовсе нет. Только зимой по пруду оттуда лес вывозят. А лес какой!

И Мисилов припомнил, как однажды зимой оттуда вывозили чудовищных размеров лиственничные бревна на «мертвые брусья» плотины.

Девочку очень заинтересовал рассказ отца, и она робко попросила:

— Нам, папа, можно туда? Хоть немножечко посмотреть.

Но отец решительно замахал руками:

— Что ты, что ты, Лизок! Говорю, охотники с большим трудом добираются, а ты выдумываешь. Самое это недоступное место.

Когда вечером сидели за чайным столом, в избу вошел белокурый парень с красным распаренным лицом.

— Ну, как попарился, Микентей?

— Хорошо, бабушка! Спасибо за баньку, — ответил тот привычной деревенской формулой.

— Садись, не то, с городскими чайку испить! — пригласила старуха и пояснила: — Этот у меня жилец-от и есть. Микентеем звать. Вишь, к жене приехал, а она еще не прибежала.

Было несколько неожиданно, как этот Микентей свободно себя держал, легко и просто заговорил языком грамотного человека. На вопрос о месте работы он ответил:

— Урочище тут у нас есть. Храпы называется. Так вот там.

Мисилов со знанием дела догадался:

— В лесниках?

— Зачем в лесниках? Машину вожу. Шофер же я. Заметив удивление Мисилова, пояснил:

— Шестнадцать машин по этой трассе ходит.

Девочка фыркнула в блюдечко, расплескивая горячий чай. Шофер покосился: что с ней? А мать неожиданно спросила:

— Танцевальной площадки там нет?

— Для соха...— пыталась подхватить девочка, но выскочила из-за стола и залилась звонким ребячьим смехом. Засмеялась и мать, загрохотал и сам Мисилов,

вызывая недоумение шофера и квартирной хозяйки. Та даже губы поджала:

— Над чем это?

Между приступами смеха Мисилов с трудом выговаривал:

— Над старожилами... как они... лгут... ой, как... лгут...

— Нашли над чем смеяться! Старый человек всегда правду скажет.

— То-то и есть. Правду скажет, да не на этот день,— проговорил успокоившийся Мисилов и объяснил шоферу, в чем дело.

Крашеный панок[1]

Не раз я пытался рассказать Петьке и Кольке о своем зареченском дедушке Филате Иваныче. Оба они видали его, знали, что он любит побалагурить, пошутить, слыхали, что «даже дружничает на свадьбах», то есть умеет «повеселить других», но все это как-то не задевало моих «заединщиков». Петька порой ворчал:

— И что ты, Егорша, забыл в своей Зареке? Каждую неделю не по один день туда бегаешь.

И тут же придумывал «что посмешнее»:

— Зареченские ребята сказывали, что Егорка с дедушкой шариком играют. Дедушко галит, а Егорка всегда бьет. То ему и любо в Зареку бегать.

Колюшка, как водится, помалкивал, но иной раз и он укорял:

— Отбиваешься от нас со своей Зарекой.

Но после того как дедушке удалось вывезти покосными дорожками раненого «политику» в Чесноковский

---

[1] Заготовки к повести «Крашеный панок», которая должна была продолжить автобиографическую повесть «Зеленая кобылка».

завод, отношение моих «заединщиков» сразу изменилось. Тот же Петька «другое запел»:

— Егорше при таком-то дедушке вполгоря жить. Есть у кого поучиться. Так точно. Смотри-ка, сколь ловко сшил, и концов не найдешь! Стражники по всем дорогам караулили, а он нашел, как человека вызволить. Тятя проговорился... Это дедушко подучил, чтоб тятя пьяным прикинулся. Дятла напоил и Жигана напугал, будто у того на Грудках сено загорелось.

А вовсе надо было, чтоб Дятел про сборы не пронюхал и Жиган не выехал на свой Черновский покос. Все, брат, подогнал как надо. Занятный старичина. Это уж так точно! И в лесу он как у себя в избе! Тятя сказывал, что только на одном болотце маленько помаялись, а Чусовую бродом переехали за мое почтенье, будто каждый день тут ездили. Вот он какой! На свадьбах людей смешит, а в лесу как дома и про то знает, кого надо опасаться. Будь бы у меня такой дедушко, так я бы...

Дальше Петька, видно, не придумал еще и по своему обычаю «повернул разговор»:

— Ты что молчишь, Медведко?

— Ну-к, я не спорю,— примирительно отозвался Колюшка.

— Не спорю, не спорю! — передразнил Петька.— Боишься обронить словечко, язык смозолить?

— Ты зато не боишься. Молол два часа, намолол два словца, да и те говорить не надо: всяк понимает, что старичина занятный, коли такое сделал.

— А понимаешь, так скажи, не то язык занемеет, либо в мозгах опухоль пойдет.

— Ну-к, мне не боязно: ты за меня все выболтаешь.

— На друга надейся, сам не плошай! Говори хоть по три слова в неделю.

— А ты выбери себе в году молчальный день.

Эти обычные перекоры моих «заединщиков» о преимуществах слова или молчания ничуть не заслоняли интерес к деду, его жизни, работе.

— Он хоть кем раньше-то был? В молодых-то годах? А теперь чем живет?

Я охотно рассказывал, что знал, и мне это было особенно приятно, так как дома у нас, как мне казалось, обижали дедушку. Мама откровенно недолюбливала своего «вотчима». Особенно была недовольна его «дружничеством».

— Нашел дело на старости лет — пустобайством народ тешить!

Отец был гораздо снисходительнее:

— Зряшное, конечно, дело, да ведь семья. Ртов много, а рук мало, языком и подсобляет. Не воровство, подика, и народ потешает. Да и руки у самого-то золотые. За что ни возьмется, все сделает, только на одно нацелиться не может.

Только бабушка, любившая словоохотливых людей, хвалила безоговорочно:

— С Филат Иванычем не тоскливо вечер просидеть. Бывалый человек и рассказать умеет.

— Чего уж бывалее,— вмешивалась мама,— смолоду чуть не по всем заводам и приискам обошел, и теперь что ни год — у него новое ремесло. Недавно мамонька сказывала, сделал форму — сальные свечки лить. Фабрикант тоже выискался!

— Что поделаешь. С приблажью человек. Хочет как лучше, а выходит по-смешному.

Вот! И бабушка осадила! Того не понимает, как ловко выходит. Проденешь шесть фитилей, по желобку нальешь в каждую формочку расплавленного сала. Как сало застынет, отведешь боковые скобочки, и каждая формочка пополам раскроется, а там свечка. Как есть настоя-

щая. Горит хорошо и стоит дешевле, чем в лавке покупать. И все это дедушка сам сделал!

«Заединщики» мои, разумеется, согласны были, что самое занятное — разные дела. Поэтому, когда я возвращался от дедушки, первым делом спрашивали, что он делает и что выдумывает. На первый вопрос я отвечал подробнейшим образом:

— Вчера стенные часы Орулиным поправлял. Бой у них спутался. Как начнут бить, так и останову нет, пока гиря не выпадет. Ну, дедушка разобрал часы, разложил на столе по порядку, щеточкой почистил, собачку, которая маятник ведет, подправил, опять собрал — пошли часы, и бой правильный.

— При тебе все делал? — поинтересовался Кольша.

— А как же...

— И пощупать колесики можно?

— Да сколько хочешь. Дедушка на это не скупой. Сам говорит: вот гляди, Егорша, как оно устроено.

Кольша вздохнул, а Петька завистливо сказал:

— Я же говорю, что Егорше вполгоря жить, всему научится при таком-то дедушке. Ну, а что он теперь выдумывает?

На этот вопрос я ответить не мог и старался доказать, что это нельзя вперед узнать. Самоуверенный Петька держался, однако, другого мнения:

— Несподручно гусю коров пасти. Не может Егорша. Не такой он статьи, чтоб этакое смекнуть. Вот я бы...

— Кабы я бы да нашел бы полжабы, сделал бы болото на крутой горе!

— Вот те и болото! Непременно бы вперед угадал. Это уж так точно.

Чтоб разоблачить Петькино бахвальство, мне следовало пригласить своих «заединщиков» пойти вместе со мной к деду. Пусть сами увидят, что вперед угадать

про выдумку нельзя. Но тут было препятствие. Зареченская бабушка Настасья Филимоновна приветливостью не отличалась. Она и меня встречала каждый раз укорительным вопросом:

— Опять прилетел на наше неприборство да тесноту поглядеть?

Потом, как будто смягчившись, добавляла:

— Погляди, погляди, как людям жить не надо. Может, и пригодится.

Понятно, что такой прием не особенно располагал к частому посещению, хотя я все-таки ходил сюда нередко: уж очень там было много занимательного.

Жил дед на зареченских отвалах. Там вдоль заболоченного берега реки раньше сваливали заводской шлак, потом, как говорят, были свалки навоза, а теперь тут начали селиться. Место считалось не совсем обжитым, поэтому усадебные участки отводились «без волокиты» — кто сколько загородит. У жителей этой части было даже по два огорода. Один, как обычно, за постройками, другой, передний — на берегу реки. У дедушки передний огород назывался садом, потому что там росла одна береза, одна черемуха и вдоль речушки, проходившей по усадьбе, кусты ивняка. Несмотря на земельное приволье, желающих селиться на отвалах было немного. Там тогда было только шесть «жителей», зато каждый «не сходился ремеслом с соседом». В угловом доме, выходившем воротами на проезжую трактовую улицу, «дворничали», то есть содержали постоялый двор. В следующем портняжили. Дальше дом дровяного приемщика, который жил «не столь жалованьем, сколь обмером». Про него говорили: «Не собака, а чистый волк: мало, что деньгами рвет, ему еще подавай по полбадога с сажен, чтоб, дескать, недомеры не вышло». Крайним в ряду был дом с вывеской: «Квасоварное, кислоштейное и хлебное за-

ведение». Попросту говоря, владелец этого довольно «справного каменного домика», известный по всему заводу под именем Крысантея, варил квас и занимался выпечкой хлеба на продажу, а его взрослые дети обделывали и возили для завода горновой камень. Дом считался «самым справным и правильным». По утрам от него «хорошо несло хлебным духом». О занятии сыновей свидетельствовали не только серебристо-зеленоватые обломки камня, но и надворные постройки, сложенные из бракованного или отработавшего свой срок горнового камня. Дедушка хвалил этих соседей:

— Правильно живут: сытно и без укору.

Другим ближайшим соседом был Маркушка Конопатый, высокий, плечистый, но болезненного вида человек, который «жил ничем». Избенка у него была хуже всех в околотке. Даже без крыши. Двора, как при других домах, тоже не было, а только редкий забор из жердей. Жил, как говорилось, на виду у всех, но ему не верили:

— Прикидывается Маркушка, будто умирать собрался. Березовым поленом по башке бить, и то не сразу свалишь.

Не верили и его убогой избенке:

— Избушка трень-брень, да под углами золота набито. Мало ли Маркушка народу разорил. Первый наводчик по конному воровству. И охотится на тех лошадей, коих взять легче, а чьи лошади — ему дела нет. У Лобанихи вдовы вон недавно мерина увели. Им только и кормилась с малолетками. С сумой теперь в пору пойти. А Маркушка навел. Поймать бы его за рукав, да хитер пес. Как набегут к нему, он либо в своей хороминке покашливает, либо на берегу с удочкой посиживает. Ну, поймается когда-нибудь. Тут и конец ему.

Переливчатые опята[1]

Раньше-то близко нашего заводу вовсе непроходимые леса стояли, и зверя тут всякого довольно было. Маета даже людям от этого зверя была. На глазах у пастухов волки на скот набегали. Хуже того, медведи порой хозяйничали. Этого ничем не отгонишь. Собаку зашибет, ухватит, что ему любо, и в лес, только сучья трещат. Одно место за Малиновыми увалами так и называлось Медвежий лог. Там, сказывают, медведи-то чуть не своей медвежьей деревней жили. Вовсе страшное место считалось.

При таком-то положении охотников, кои на медведя ходили, в большом почете держали. В праздник их всякой угостить норовил. Многие кланялись да приговаривали:

— Без вас бы хоть ложись да помирай. Чисто бы всех медведи разорили. Напредки потрудитесь для миру!

В числе других охотников был один, звали его Устином, а прозвищем Роня. Здоровенный мужик. С малых лет он всех своих ровесников ронял. Его так и прозвали. Молодой еще был, а уж своего рокового — сорокового медведя давно забил и считал за полсотни. Повадка у этого Устина Рони по медвежьему делу особая была. Другие в таком разе по двое, по трое ходили, с лабаза подкарауливали, бревно на медвежьем ходу пристраивали и прочие хитрости придумывали, а Роня возьмет нож да рогатину, подсвистнет свою собаку Верного и пойдет в Медвежий лог.

— Там,— говорит,— беспременно меня какой-нибудь в гости ждет.

Другие охотники не раз говаривали Устину:

---

[1] Начало сказа. Публикуется впервые.

— Ой, Устин, не заносись ты своей силой! Не ровен час, подомнет медведь — не справишься.

Устин отговаривался:

— И не думаю силой заноситься. Не хуже вашего знаю, что медведь всякого одолеет, коли сплошаешь. Этого и берегусь. Одному-то ловчее кажется: ни на кого не надеешься, ни на кого и не оглядываешься. А эта самая оглядка в таком деле хуже всего. На малое время промахнись — загинешь. Ну, и сторожишься больше, чтоб оплошки какой не случилось. Да и не один хожу, а с Верным. Он небось себя не пощадит, а из беды выручит. Пытаное дело. Знаю.

— То-то, что пытаное. Недаром твой Верный на правую переднюю лапу припадает да и скачет боком с той поры, как его медведь помял. Тоже и не молодой. Собачьи-то годы ведь не больно велики.

Устин вздыхал на эти речи:

— Что правда, то правда. Не раз моего Верного медведи гладили. Покалеченный весь, да и стареет заметно. В тот вон раз не сразу учуял зверя. Никогда с ним раньше такого не бывало. Присмотрел уж на смену ему щенка. Тоже по статьям и родителям должна добрая собака вырасти.

И верно, в скором времени сходил куда-то в дальнюю деревню и принес оттуда щенка и кличку ему дал Караглок. Только вырастить этого щенка Устину не довелось. Пошел он в Медвежий лог по обычаю, да и наскочил там на своего рокового. Как уж там дело вышло, никто порядком не знает, а только нашли троих: медведица с распоротым брюхом всей тушей на Верного навалилась, а у того вся голова ободрана. Неподалеку Устин с обломком рогатины. Он еще живой был, как люди его нашли, только уж без памяти и все поминал какие-то переливчатые опята. С тем и умер.

Запрятанный конец[1]. (Из сказов наших дней)

У нас в колхозе, конечно, есть и такие старики, которые из годов вышли. Работа с них уж не спрашивается. Помогают, понятно, кто чем может, потому не привыкли без дела сидеть. Ну, а когда и полежат по стариковскому своему положению, никто за это их не укорит, никто взыскивать не станет: все знают, что они свое давно отработали.

Из таких стариков у нас самый приметный Веденей Кузьмич Толшмяков. Его не то что в нашем колхозе, а и по окружности широко знают. С ребячьих лет, сказывают, на приметное место вышел. Родился, видишь, в том самом году и в то самое число, как объявили, что крепостничеству конец пришел. Вот и стал вроде живого численного знака по своей деревне. Сперва его звали Веденейко Вольномерко, а потом, как узнали всю сласть выкупных платежей, стали величать по-другому: Веденейко Долговая мерка, и горько подшучивали:

— Вишь, наша-то Долговая мерка какой ядреной выправилась. Не сшибешь такую с ног, как и нашего долга никак не смотаешь.

Ну, а дальше Веденей сам себе прозванье зарабатывать стал, по житью то есть, да по работе... А надо сказать, что судьба повела Веденея по дальним дорогам да с крутыми поворотами. Все рассказывать, так на целую книгу, поди, хватит, а в коротком слове так сказать можно.

Край наш, сам знаешь, наособицу сухопутный. Не то что моря, а и большой реки нигде поблизости нет. Занимаются тут с давних годов хлебопашеством, по зимам

[1] Начало сказа. Публикуется впервые.

на заводах работают по перевозкам больше, а из домашнего ремесла одно привилось — веревочное. Пенька из здешней конопли отменная выходила, вот люди и занялись из этой пеньки веревку вить на продажу. В каждой, почитай, деревне знатные канатчики были, и канат не какой-нибудь, а первосортный получался. Для морского флота даже этот канат брали.

Не знаю уж, от этого ли каната или по какой другой причине, только заметно было, что из нашего краю частенько рекрутов во флот брали. Чуть не каждый призыв кого-нибудь и заберут. Куземко вот и попал на этот зубец и вышел, значит, моряком. Поначалу счастливо служил: меньше то есть били, больше одобряли, а когда и чаркой наделяли. Только ведь чарка-то, она, как говорится, не всякому Якову по одинакову: иного не крепко зацепляет, а к другому так прикипит, что и оторвать не может. Куземко, видно, из той породы пришелся: чарочка ему больше полюбилась. Ну, и подвела, понятно. В каком-то чужеземном городе стояли, он и насухопутился до буйства. В драку полез с чужеземными матросами, и в драке глаз ему выбили. На другой день суд, конечно. Дело без задержки решили...

Из «Отслоения дней»[1]
Поездка в Арти (январь 1946 г.)

Утром 29-го пошли осматривать Артинский косный завод, в корпусах которого за время войны дополнительно развернулось игольное производство.

В настоящее время косный завод бездействует из-за отсутствия металла и топлива. Собственно, и топливо и

---

[1] Запись в дневнике. Публикуется впервые.

металл имеется (в Красноуфимске), но не могут подвести из-за снегов нынешней зимы. Игольный действует, но с ним другая беда, о чем ниже.

Косный завод, как известно, в прошлом был связан по снабжению и сбыту с Златоустовским казенным горным округом. Теперь это давно изменилось, и он снабжается через Красноуфимск, что едва ли лучше. Лесов кругом Артей много, и заготовка топлива, как видно, уже полностью ложится на ответственность администрации завода.

Оборудование завода дышит глубокой стариной. Особенно заметен ряд хвостовых молотов, под которыми расковывается стальная полоса косы. Эти молота представляют собой довольно неуклюжее сооружение. Своими двухметровыми из небрежно обтесанной березы молотовищами они так и тянут перед глаза картину крепостного времени. Точь-в-точь они были такими же и сто лет тому назад. Разница была лишь в том, что тогда они приводились в движение водой, а ныне моторами.

У этих хвостовых молотов, однако, есть одна очень интересная особенность. Не раз пытались заменить этот «пережиток феодализма» другими, более современными видами оборудования, но оказалось, что «крепостная механика» выходила и до сих пор выходит победительницей. Она, эта «крепостная механика», дает идеально ровный удар без малейших элементов отбоя, что является особо важным при расковке косы. Мало того, эту «крепостную механику», говорят, перехватили и австрийские заводы кос. Последнее, может быть, преувеличено, придумано, но бесспорно, что заменить более совершенным ударником не могут.

Вероятно, такое идеальное для соответствующей опе-

рации соотношение бойка, молотовища и наковальни далось не сразу. Может быть, искали этого не одно поколение крепостных рабочих. Удлиняли и укорачивали молотовище, видоизменяли форму и вес бойка (бабы), самой наковальни, и в конце концов нашли такое сочетание, которое не в силах перекрыть на современных, более сложных агрегатах. Кто этого добился? Такой вопрос у нас обычно даже не ставится. В документах об этом не найдешь и в преданиях едва ли. Так как-то, само собой сделалось — «устроили старики», «угадали». Это кажется обидным. Герои труда и всякого рода изобретатели должны найти свое отражение и для людей нашего времени. В данном случае это наиболее удобно показать, так как чуть не каждый новый директор завода подходил к вопросу со всей решительностью современного технически грамотного человека и со всем пренебрежением к старине крепостной поры и получал чувствительный щелчок по носу. Причем чувствительный настолько, что его нельзя было никак замазать, приходилось откровенно признать: «Да, старинный хвостовой молот делает операцию расковки полосы гораздо лучше, чем предложенный мною новый способ».

Это, между прочим, прекрасный случай показать для людей современности, что сметка и практический опыт старых крепостных рабочих заслуживает несравненно большего внимания, чем это обычно принято и допускается. Здесь уместно вспомнить цитату академика Павлова о том, как и чему он учился на Урале, а также его же высказывания о степени своих знаний доменного процесса. Интересен Артинский завод и всем своим производством вплоть до отдельных операций, которые тоже пришли в результате, может быть, длительного практического опыта. Но, разумеется, разобраться во всем этом

в течение мимолетной прогулки и часовой беседы с руководителями завода нельзя.

Кстати, здесь выплыла (уже на предвыборном собрании) еще одна интересная деталь. В президиуме сидел один рабочий косного завода (листок с записью фамилий потерял). Он говорил о себе, что проработал на «калке косы» 45 лет, не пропустив ни одного дня. Последнее, мне кажется, не так важно, как то, что человек делает одну операцию в течение всей своей жизни. Надо поинтересоваться, что это дает производству и как заинтересован в этом сам рабочий.

С игольным заводом другое. Здесь огромное количество станков и станочков, позволяющих делать десятки тысяч операций. Достаточно сказать, что здесь готовится 368 (кажется) семейств игл, из которых каждая семья имеет до 6—8 разновидностей. Игла готовится только «машинная», для швейных и трикотажных машин. Производство в сущности простенькое, требующее только внимательного отношения к станку и постоянного контроля. Если это есть, то, как говорится, все само сделается. Кропотлива, скучна и, по-моему, тяжела для зрения работа браковщиц и подборщиц игл для передачи на операции пачками. Малый размер и вес иглы, как оказывается, самое опасное качество.

Вечером в клубе происходило избирательное собрание. После чисто сельскохозяйственных районов чувствуется что-то другое. Внешне это видишь в самом президиуме, где сидят старые кадровые рабочие. Это ведь сразу видишь, узнаешь, как ту заводскую пыль, какую встречаешь на каждом старом заводе. Между прочим, проходя по засыпанному снегом довольно обширному заводскому двору, я все же видел и даже как будто обонял привычную атмосферу старого уральского завода.

Ермаковы лебеди[1]

Широкая горная панорама. Чусовая. На каменистом береговом взлобышке могучая сосна. На ней затес недавнего происхождения. Обращен в сторону реки. Знак на затесе зрителю не виден.

Перед взлобышком, как его продолжение, гряда камней — ташей. Около них бурлит вода. За ташами тихая заводь со свесившимися над нею деревьями.

В обе стороны от реки за ташами видна горная лощина, заросшая понизу кустарником, который выше сменяется пестрым краснолесьем (береза, ольха, осина). Еще выше хвойный лес, тоже разнопородный.

Справа (от зрителя) за грядой ташей песчаный мысок. На нем небольшое стадо полевых козлов (голов 5—7). Вожак принюхивается, прислушивается, оглядывается и спокойно входит в воду, за ним остальные. Быстрым течением стадо относит, но все справляются, доплывают до заводи, и один за другим, встряхиваясь на берегу, выходят и направляются по лощине. Движение и остановки козлов можно заметить по колебанию листвы.

Когда к берегу подплывают два последних козла, из береговых зарослей вылетела стрела и ранила одного из козлов. Из лесу выбежали двое и быстро навалились на раненое животное. Возня в воде. Движение листвы по козьей тропе приняло быстрый характер.

Охотники вытаскивают убитого козла на взлобышек.

---

[1] Сказ «Ермаковы лебеди» для отца был самым любимым. Не случайно в ответ на предложение Свердловской киностудии поставить фильм по одному из сказов он выбрал «Ермаковы лебеди».

В архиве П. П. Бажова сохранился рукописный текст на 14 страницах большого формата, очевидно, это первоначальная работа над сценарием. Рукопись публикуется впервые.

Готовятся развести костер. Один из охотников замечает затес на сосне. Оба удивлены. Старший (уже старик, в мансийской одежде) говорит молодому (тот же тип одежды и вооружения):

— То большой народ знак свой поставил.

Оба низко кланяются затесу, потом достают из пазух по беличьей шкурке, тщательно разглаживают, расправляют и прикрепляют стрелами ниже затеса.

Пока оба заняты прикалыванием шкурок, сверху по реке показываются три лодки. На каждой стоят лучники с направленными стрелами. На корме последней лодки человек в богатом вооружении и одежде татарского типа (как и все остальные) кричит:

— Не беги, стрела догонит.

Оба охотника испуганы, стоят неподвижно. Лодки одна за другой быстро подходят к взлобышку. Охотников окружают и начинают грубо обыскивать. Отобранные шкурки раскладывают по земле. Тот, кто распоряжался, выбирает лучшие из шкурок и укладывает в большой полосатый мешок. Остальные шкурки расхватывают по рукам. Возникает драка, которую предводитель усмиряет плетью.

Заметив приколотые ниже затеса шкурки, предводитель срывает их, укладывает в свой мешок, бьет стрелами охотников по головам, плюет в сторону затеса и кричит:

— Уроча тамга — тьфу! Мурза хан Кучум дань давай!

Отобрав и переломав у охотников все запасные стрелы, группа вооруженных усаживается в лодки. Туда же погружают убитого козла. Предводитель, схватив у одного из воинов лук, пускает стрелу в средину русского затеса. Лодки отплывают. На корме последней дольше других видна широкая спина предводителя, полосатый

мешок и свесившаяся за борт голова забитого козла.

Охотники стоят неподвижно. Старший говорит вслед:

— Большой народ накажет тебя, Мурза.

Младший отзывается:

— У него стрелы не сломаешь. Их много.

Оба, взглянув один на другого, улыбаются, садятся на землю, разуваются, достают по шкурке горностая, опять тщательно разглаживают и обломками стрел укрепляют шкурки ниже затеса. Кланяются и уходят по козьей тропе.

Лесная тишина. Шум воды на ташах, всплески крупной рыбы, птичий гомон в лощине. Из леса показывается медведь. Он обнюхивает затес и, дойдя до железных наконечников стрел, мотает головой, потом (повернувшись к зрителю) трясет ушами и мордой, выражая свое большое недовольство. Неуклюже поворачивается и уходит в лес.

Когда затих треск сучьев, на заводь спускается большая стая лебедей.

Крупным планом. Ствол сосны над тихой заводью, широкий топорный затес. На нем примитивный рисунок сохи. Ниже две шкурки горностая. В средине «русского знака» стрела.

На воде пара лебедей. Один справа, другой слева от сосны. Направление на зрителя. Как будто навстречу стреле идет «русский знак», и стрела кажется жалкой лучинкой по отношению к мощному стволу, который спокойно и плавно идет с лебедями.

Низкий берег многоводной реки. На довольно обширной поляне — пойме — высокая трава и участки распаханной земли, засеянной рожью и ячменем. Рожь колосится, ячмень и овес в «трубках». За рекой, на горном берегу, густой угрюмый ельник.

Вблизи береговой тропы семейная группа. Мужчина

лет 30—35, атлетического сложения, с кудрявой темно-русой бородой. Это отец будущего Ермака — Тимофей Аленин. Двое ребят: Гавря 10 лет и Фролка 9. Рослая красивая старуха сурового вида — бабка Ульяна. Одежда на всех крестьянская, очень поношенная, но не лохмотья. Бабка Ульяна мешает ложкой варево в котелке над огнем. Тимофей, сидя на пне, «лошкарит». Ребята около него перебирают уже готовые ложки, очищают их хвощем.

Бабка Ульяна *(Тимофею)*. Так, говоришь, к вечеру придем? К этому самому Строганову?

Тимофей. Так сказывал мужик-то, кому вечор ложки продавал. По этой самой тропе и выйдем к строгановскому городку.

Бабка Ульяна. Примет ли еще этот Строганов тебя?

Тимофей. Что ты, мать! Сколь земли не пахано, сколь лесу не валено, а Строганов еще соль на весь народ варит. Ему не до того, чтобы разбирать, кто ты да откуда пришел. Были бы руки. Моими небось не побрезгует. *(Поднимает и показывает руки. Помолчав немного, добавляет.)* И рукомесло имею, почитай, полную рабочую избу с собой веду. *(С улыбкой указывает на ребят.)*

Бабка Ульяна. Дай бог, чтобы так-то вышло. А насчет ложек правильно молвил. Восьмую неделю идем, а заминки со пшеном, либо с горохом не бывало. В какой деревне ни покажешь ложки, везде их надо, и снедью за них платить не скупятся.

Фролка *(отцу)*. Тятя, а эта земля наша, русская?

Тимофей *(указывая на полосы хлеба)*. В коем месте соха-матушка прошла да хлеб-батюшка голову поднял — там русский человек живет.

Гавря. Тятя, Строганов-то князь али боярин?

Тимофей. Не князь, не боярин, а только его-то вотчину семи князьям да семи боярам в год не обойти.

Бабка Ульяна. Поспела каша. Обновим ложки-то. Выбирай, кому какая любее.

Ребята пересматривают ложки, выбирают.

— Эта лучше.

— Нет, вот у меня эта будет, с пятнышком.

Бабка Ульяна *(строго)*. Крестите лбы-то. *(С недоумением оглядывается.)* А Васятка где?

Тимофей *(улыбаясь)*. На березу, поди, взмостился. Край земли ему охота первому поглядеть.

Бабка Ульяна. Чем бы зубы скалить, взял бы, да и поучил парнишку. Неслуха вырастишь, потаковщик. Неровен час, еще забежится в незнакомом-то месте.

Тимофей. Глазастый парнишка. Ты его не видишь, а он, поди, углядел, что у тебя каша сварилась. Гляди, прибежит.

Бабка Ульяна. А вот я сама до него доберусь! Задеру портки-то, да и покажу край земли. *(Кричит.)* Васятка, Васятка!

В это время вдали по тропе показался мальчик восьми лет. Без шапки. Мягкие темно-русые волосы растрепаны, левый рукав рубашонки разорван и болтается на бегу. Мальчик усиленно машет рукой в сторону бабки Ульяны. Знак можно понять: не кричи!

Бабка Ульяна. Я вот тебе покажу, как на бабку рукой махать!

Обрывает несколько веток ближайшей березы. Освобождает прутья от листьев и принимает угрожающую позу, но мальчик бежит, не обращая внимания на грозное бабушкино приготовление.

Бабка Ульяна. Иди-ко, иди, иди! Погляди край земли! Вишь, рукав-от, как распластнул, постреленок!

Васятка *(подбежав поближе и продолжая махать рукой в сторону бабки, взволнованно, запыхавшись)*. Там... там чужие... Не наши... С копьями, стрелами... саблями...

Тимофей. Какие чужие?

Васятка. Одежда не наша... На трех лодках... По семеро... *(Подбежав ближе, шепотом.)* Лодки в старице захоронили... В камышах... Одного оставили, а сами... кустами пошли... Не по тропе... Крадучись...

Тимофей. Куда пошли?

Васятка. А в ту сторону. *(Указывает рукой.)* У лодок одного оставили... Комары его заели. *(Смеется.)* Крутит башкой-то, а огонь не разводит. Смешно глядеть.

Тимофей. Оборуженные, говоришь?

Васятка. У каждого сабля либо копье. Луки тоже. А один... Начальник, видно... так у него рубаха железная.

Тимофей *(поднимает топор, бабке Ульяне.)* Ты прихоронись, мать, с ребятами-то в кустах, а я погляжу. Пойдем, Васятка! Покажи, с какого места глядел?

Гавря. Тятя, меня возьми с собой.

Фролка *(жалобно)*. А меня?

Тимофей. Нет, нет, ребята. Не такое дело. Васятку беру, чтоб место показал. *(Оба уходят в том направлении, откуда прибежал Вася.)*

Бабка Ульяна *(снимает котелок и гасит огонь костра, разбрасывая угли и пучком березовых веток разметая золу по огнищу, чтоб скорей заглохла. Вздыхает)*. Охо-хо!.. До чужих людей дошли, а пшено на исходе.

По густой траве идут Тимофей и Васятка. Несмотря на разницу возраста, отчетливо выступает большое сходство в лицах, фигурах, повадках.

Навстречу из леса верхом, без седла, крестьянин.

Крестьянин *(кричит)*. Ворочайся, ворочайся! Хановы люди там. *(С трудом останавливает лошадь.)* Еле утек. Шапку сбили стрелой.

Тимофей. Что за люди?

Крестьянин. Ты, видно, захожий? Не разумеешь?

Тимофей. Не разумею.

Крестьянин. Хана Кучума люди. Повадка у них такая. Заплывут в нашу землю тайком, да и шаркают по берегам, где что ухватить можно. Полонянников тоже уводят. Надо упредить своих деревенских. К Варням крадутся. Там их, понятно, отобьют. А нам бы с этой стороны обложить. Ладно бы вышло, да людей нет. А ты ворочайся. Куда тебе одному-то да еще с дитем малым. Того и гляди в полон угодишь. *(Понукает лошадь.)*

Тимофей. Постой-ка ты, постой. Парнишка мой углядел, в котором месте лодки оставлены. Один при них на карауле стоит. Вот бы их тут и подождать.

Крестьянин *(быстро)*. А сколько всех-то?

Васятка. На трех лодках. По семеро.

Крестьянин. В нашей сохе всего шесть тягловых мужиков да парней, которые порослее, пятеро. Не осилить.

Тимофей. Осилим, коли нежданно навалимся.

Крестьянин. Ладно бы так-то. *(Подумав.)* Поджидай меня. Как звать-то?

Тимофей. Тимофеем.

Крестьянин. Вон за тем леском наше жилье. Живо оборочусь.

Тимофей. А как весть о себе дашь? В лесу-то?

Крестьянин *(смотрит на Тимофея с испугом и удивленно)*. Дошлый ты, гляжу, на эти дела. *(Подумав.)* Кукушкой прокричу, что ли, три раза, а ты отзовись эдак же.

Тимофей. Не то время, чтоб кукушкой кричать. Рожь на колосу.

Крестьянин. И то правда. Как тогда?

Васятка *(достает из-за пазухи три камышовые свистульки)*. Вот, тятя, давечо себе и братикам сделал. Как одна свистят. *(Тихонько пробует все три свистульки.)* Верно, как одна?

Крестьянин *(Тимофею)*. Смышленый у тебя парнишко. Смышленый. *(Берет у Васятки одну из свистулек.)* Двою посвищу по три раза с перевалом. Вот эдак. *(Свистит.)*

Тимофей. Ладно. Так и отзовусь. *(Берет у Васятки пикульку, ответно свистит, оглядывает работу и кладет свистульку за пазуху.)*

Васятка с важным видом повторяет движения отца: свистит условным образом, внимательно осматривает свистульку и прячет за пазуху. Крестьянин с улыбкой смотрит на Васятку.

Крестьянин. Сколь, видно, не смышлен, до бороды далеко. *(Трогает лошадь и скачет в указанном ранее направлении.)*

Тимофей *(Васятке)*. Пойдем, сынок, оглядим место.

Васятка *(указывает на высокую березу, которая стоит на отшибе среди лесной полянки)*. Вот, тятя, с той березы глядел. В ту сторону. *(Указывает рукой.)*

Тимофей. Теперь беги к бабке. Да прихоронитесь хорошенько.

Васятка *(просительно)*. Тятя!

Тимофей. Беги! Беги!.. Не разговаривай.

Васятка. Тятя... я... я... боюсь.

Тимофей. Чего испугался?

В а с я т к а. А бабку не найду.

Т и м о ф е й *(улыбается).* Вишь лукавец какой. Ну, оставайся. Притаись вон там. *(Указывает на густой мелкий сосняк.)*

Тимофей ловким движением привычного человека лезет на березу, по-плотничьи помогает себе топором. Васятка, постояв немного, лезет туда же. Шепчет.

В а с я т к а. Видишь, тятя?

Т и м о ф е й. Нишкни. Вижу. Забрался-таки, баловник.

Вид с березы. Вдали река. Острый, поросший ивняком мыс отделяет реку от старицы, которая кажется озером.

Берега заросли камышом и осокой. Посередине старицы большие семьи купавок в цвету.

Уткнувшись в заболоченный берег, стоят три лодки. Около них человек в татарской одежде. Изнемогает от борьбы с комарами. Лицо и руки у него густо замазаны болотной тиной, но это не помогает, и он беспрерывно бьет себя по шее, по щекам, по лбу. Нахлобучивает свой малахай, перевязывает широкие рукава и, наконец, закрывается халатом с головой.

В а с я т к а *(отцу).* Связать его так-то.

Т и м о ф е й. Помалкивай. Это же смекаю. *(Ощупывает свой вязаный пояс, сильно натягивает конец.)* Не сдюжит, поди? *(Еще раз пробует крепость пояса. Васятке.)* Сиди тут! *(Начинает осторожно спускаться.)*

Васятка, оставшись на березе, видит, как отец сначала шел, потом пополз по направлению к караульному, который продолжает сидеть, прикрывшись с головой халатом. Когда расстояние между Тимофеем и караульным

сократилось до двух-трех прыжков, караульный неожиданно сбросил с головы халат и стал оглядываться и прислушиваться. Очевидно, он что-то услышал. Заметив движение травы, караульный бросился к лодке.

Топор мешает движению, и Тимофей, убедившись в этом, выкидывает топор на полянку. Сосняк, где укрылся караульщик, почти вплотную подходит к лодкам. На одной из них оставлено оружие. Васятка, поняв опасность, быстро спускается с березы, подбегает к лодке, сбрасывает в осоку длинный лук, ухватывает саадак со стрелами, копье, саблю и с этой ношей бежит обратно к березе. Укрывается в густой траве. Потом, оглядев местность, бежит туда, где оставлен топор. Берет его, но раздумывает, стоит несколько мгновений, кладет топор на прежнее место и бежит к березе. Напряженно смотрит на сосняк. Первым выбегает оттуда караульщик и бежит к лодке, где у него оставлено оружие. Лодка ближе к Васятке, дальше от сосняка. Увидев, что оружия нет, караульный с удивлением озирается, бросается к лодке, которая стоит ближе к сосняку. В это время выбегает Тимофей и завязывается борьба.

Противники примерно одинаковой силы и роста, но у караульного поясной нож, который он пускает в ход не сразу. Тимофей начинает отступать к тому месту, где у него брошен топор. Его противник усиленно наседает с ножом. В самый опасный момент, когда нож должен поразить Тимофея, последний ловко перехватывает руку противника на излом, заставляет повернуться к себе спиной и сильным ударом левой руки по затылку сваливает на землю, лицом в болотную тину.

Васятка с волнением следит за борьбой. Он хватает то саблю, то копье, чтобы бежать на помощь, то начинает прятать оружие, вытаскивает из-за пазухи свистульку, прикладывает к губам, но, видимо, передумывает. В мо-

мент, когда отец перехватил руку противника, Васятка радуется, открыто выскакивает на полянку и громко кричит.

Васятка. Любо, тятя! Наша взяла!

Когда Тимофей повалил противника и сорванным с себя поясом скрутил ему руки, тот дико и протяжно закричал, как табунщики при повороте стада. Новым ударом в затылок Тимофей заставляет врага смолкнуть, но его крик, как видно, встревожил. Тимофей прислушивается, нет ли где ответного. В это время издали слышит условный свист. Лезет за пазуху, но там свистульки нет. Она выпала при борьбе и потерялась. На лице Тимофея выражение растерянности, но ответный свист раздается. Отвечает Васятка. Отец улыбается и говорит:

Тимофей. Любо, сынок! Наша всегда возьмет, коли голову не обнесет.

Опять условный свист. На этот раз гораздо ближе.

Вася, выбежав на середину поляны, громко отвечает, а сам поднимает топор, передает отцу.

Васятка. У того *(указывает на связанного)* оборужение утащил, а с твоим топором не знал как лучше: унести или оставить?

Тимофей. Правильно, сынок, сделал. На топор у меня большая надежда была. К нему и подводил, а вдруг бы его не оказалось.

В это время из травы начинают показываться вооруженные люди. Пришли, как говорится, стар и мал со случайным оружием. У большинства — топоры, есть вилы,

двое парней вооружены цепами, и один уже совсем ветхий старик с большой рогатиной.

Тимофей *(старику)*. Не по годам тебе, дед, воевать ходить.

Старик. Коли по земле хожу, должон ту землю ущитить.

Просторная, богато убранная изба XVI столетия. Под образами в углу за столом Семен Аникеевич Строганов. Не старый еще человек с коренной бородой, в которой пробивается седина. Одет попросту. Только что с дороги. Перед ним приказчик Федотыч, вертлявый плешивый старикашка, в широком, высоко подпоясанном чекмене, и могучего сложения чернобородый детина, в узорчатом кафтане и при сабле. В правой руке у него шапка стрелецкого типа. Это начальник городовой охраны Строгановых Вонифатий.

Строганов *(Федотычу)*. Ну, сказывай, старый, как тут без меня хозяевали?

Федотыч. Да не все благополучно, батюшка Семен Аникеевич. Не добрым порядком вышло.

Строганов. Что так?

Федотыч. Опять подбегали к варням-то. Почитай, к самому амбару из лесу выскочили и давай в наших стрелы пускать. Соленоса одного насмерть убили. Другому ногу покалечили. Одного задело недушевредно.

Строганов *(с тревогой)*. Ну, и как?

Федотыч. Отбили, понятно. Вонифатия-то вечор не было. По твоему приказу наверх плавал. Так Игнаха руководствует. В сугонь теперь ушли. Полста работников с ним отрядил.

Строганов. Что за люди набегали?

Федотыч. Кучумовы, батюшка Семен Аникеевич, кучумовы. Кому больше-то. Вон и стрела его. *(Подает пучок стрел.)*

Строганов *(перебирает на столе стрелы)*. Да, кучумова та стрела. Вот навязался, соседушко. Что ему от нас надо?

Федотыч. Навыкли мордву грабить да у лесных ловцов рухлядь отбивать. Вот и лезут. Думают, без сдачи пройдет.

Строганов *(нахмурившись, строго Вонифатию)*. Худо глядишь за дорогами.

Вонифатий *(густым басом)*. Ровное место, Семен Аникеевич. И лес кругом. Не углядеть. Давно говорю, беспременно в горах по Чусовой реке перехват поставить.

Строганов *(гневно ударив ладонью по столу)*. Перехват, перехват. Надоел хуже горькой редьки со своим перехватом. *(Федотычу.)* Ты как о том мыслишь?

Федотыч. Вроде ладное дело сказывает.

Строганов *(кричит)*. Ладное дело? Русский затес Вонифатка неведомо где поставил! Не спрося хозяина! Это, по-твоему, ладное дело? Да разумеешь ли ты, хорек облезлый, куда это тянет? Разумеешь?

Вонифатий. Город на том месте ставить надо.

Строганов. Цыц ты! Кто тебя спросил? Под батоги захотел? Не погляжу, что при сабле ходишь! Воевода полоротый!

Вонифатий. Воля хозяйская, а без перехвату дорог в горах спокойну не быть.

Строганов *(угрожающе тихим голосом)*. Ой, Вонифатко, Вонифатко! Что-то ты сильно язык распустил. Как бы не пришлось тебе самому на том перехвате век вековать.

Вонифатий. Не испугался! Все лучше, нежели зря по лесу шастать да кучумовой стрелы в затылок ждать.

С т р о г а н о в. Тебе бы кулаком?

В о н и ф а т и й *(поднимая сжатую в кулак руку)*. Шестопером, понятно, лучше. Ну, и этим можно.

С т р о г а н о в *(вновь стучит по столу)*. Хватит твоего пустого разговору. Побереги слова до другого разу, как тебя спрашивать станут. *(Федотычу.)* Ты, хорек, что уши прижал? Тебя спрашиваю. Проглотил язык-то?

Ф е д о т ы ч. Гневайся не гневайся, батюшка Семен Аникеевич, а Вонифатий верное слово говорит. Беспременно перехватить дорогу по Чусовой надо.

С т р о г а н о в *(гневно)*. Сговорились? Поехали! Сани не наши, хомут не свой, погоняй, не стой! Строй, хозяин, города, где холопы русские затес поставили!

Ф е д о т ы ч. Огляди, батюшка Семен Аникеевич, своим глазом огляди!

Вбегает подросток, сильно запыхавшись.

С т р о г а н о в. Тебе чего, Якимка?

Я к и м к а. Игнат с ватагой идет. Двоих наших побили. Максимку Зуба схоронили, а дядю Якова да Харитона на носилках волокут. Пострелянные.

Строганов поспешно встает из-за стола, хватает со спицы шапку и выходит из избы. За ним Федотыч и Вонифатий.

Улица строгановского городка. Строгановские палаты, амбары, крепкие избы широкой улицы. Толпа преимущественно женская и ребячья. Бегут навстречу ватаге людей, вооруженных копьями и луками, в доморощенных панцирях (кожаных и стеганых куртках с пришитыми к ним железными пластинками). Все в меховых или войлочных шапках, тоже с железными пластинами. Впереди идут пленные в татарской одежде

со связанными назади руками. Выделяется по одежде начальник, около которого идут двое наших с копьями.

Строганов стоит на крыльце.

Федотыч *(тихо)*. Вон гляди-ко, гляди! Полста человек да в эдаку пору по лесу шландают. Почитай, целых два дни. Максима, сказывают, захоронили, да двоих покалечили. Соленоса тоже вечор убили, да амбарного Фомку обызъянили. Коли живой останется, до веку хромой будет. Вишь, сколь урону Чусова-река несет.

Строганов. Свое тянешь, строптивец? Сам чую, не миновать того, чтобы город ставить, да где людей взять?

Федотыч *(живо)*. В набеглой избе ежеден когда один, когда двое бывают. Вот их и отправить — потому — народ неведомый. Доверять таким не вовсе можно, а для городового дела в самый раз.

Строганов. Оскудел умишком, старый. В набеглую поди-ко приходят мужики одиночкой, а баба где? Забыл присловье — без бабы нет городу стояния.

Федотыч. Семейных которых можно направить малую часть да девок сиротских туда же.

Строганов. То-то и есть! Разговор ведешь, а не про все смекнул. Погоди! Вот послушаем, что Игнаха сказывать будет.

Из приближающейся толпы, которая окружила ватажников и полонянников, слышен громкий плач жены Максима Зуба.

Жена Зуба. Ой, да на кого же ты меня спокинул, мил любезный друг, свет Максимушка! С малыми детушками несмышлеными, несмышлеными да горе-горькими сиротинками.

Строганов *(Федотычу)*. Приветь бабу-то. Скажи, не забудем. Подсоби по хозяйству. Слышишь?

Федотыч *(утирая слезы)*. Что ты, батюшка Семен Аникеевич! В родстве мне Максим приходится. Племянником. Сестриным, значит, сыном.

Строганов. В таком деле на родство не разбирать. За большое дело загинул.

В приближающейся толпе около носилок с ранеными заметно выделяется молодая красивая женщина, жена Харитона. Наклонившись к своей дочурке, она говорит.

Жена Харитона. Афросенька! Беги за бабкой Фетиньей. Кровь отцу остановить.

Девочка с испуганным видом кидается бежать, но из толпы кричат:

— Погоди бегать-то! Вечор Фетинья книзу сплыла. Бабничать на заимку увезли.

Жена Харитона *(дочери)*. Варварушку, нето, покличь!

Из толпы. На погост ушла ко внучке.

Бабка Ульяна подходит к раненому.

Бабка Ульяна. Дай-ко, бабонька, огляжу.

Жена Харитона смотрит с удивлением на незнакомую старуху.

Жена Харитона. Огляди, коли разумеешь.

Женщины в толпе переговариваются:

— Из набеглой избы, видно?

— Нет, такой не видела. Недавно туда забегала.

Бабка Ульяна *(осмотрев раненого, повелительно ватажникам с носилками)*. Тащите скореича домой. А ты

беги, бабонька, домой, затопляй печку. Снадобье надо сварить. Воды поставь поболе. *(Кричит в сторону Тимофея, около которого все трое ребятишек, лесенкой по росту.)* Васятка, тащи мне из отцовской сумы бурачок малый.

Подходит к другому раненому, но тот уже поднялся с носилок и передвигается, опираясь на плечо жены и сына. Рана, видимо, не причиняет большой боли, и раненый даже шутит с окружающими:

— С малых лет на одной ноге не скакал. Забыл это ремесло.

В женской группе разговор о бабке Ульяне:

— Дошлая, видать, старуха.

— Ремесло ведает.

— Семейно идут. Тот мужик-от, с топором, сыном, слышь, приходится, а те, видно, внучата.

— Душегуб, поди, какой!

— Что ты, кума! Наша ли кручина чужие вины разбирать.

Васятка, достав из отцовской сумы бурачок, стремительно бежит с ним к бабке, ловко пользуясь свободным пространством среди движущейся толпы. Передает бурачок бабке Ульяне.

— Вот, бабушка!

И так же стремительно и ловко возвращается к отцу, который идет вблизи предводителя отряда — молодого кудрявого Игнахи.

Женщина, заподозрившая душегубство, заговаривает с бабкой Ульяной:

— Бегунок резвый у тебя растет.

Бабка Ульяна. Дело молодое.

Женщина. Откуда будешь, баушка?

Бабка Ульяна. С Юрьева Польского сошли. *(Уходит в направлении избы, куда занесли раненого Харитона.)*

Женщина *(с неудовольствием)*. Тянуть из нее слово-то надо.

Кривой мужик *(насмешливо)*. Не твоей, знать, сорочьей породы.

Женщина *(передразнивая)*. Не сорочьей, не сорочьей! Помяни мое слово — за душегубство сошли! Гляди, сынок-то у ней каков! На дороге встренься, пикнуть не успеешь. Молчуны, они завсегда такие!

Кривой мужик *(пренебрежительно)*. Засокотала наша сорока. До вечера не унять.

Женщина. Не разглядел с кривого-то глаза ее постреленка. Вьюном меж людей прошел. Самое воровское дите.

Вмешивается грузная старуха в богатом уборе, жена приказчика Федотыча Анна.

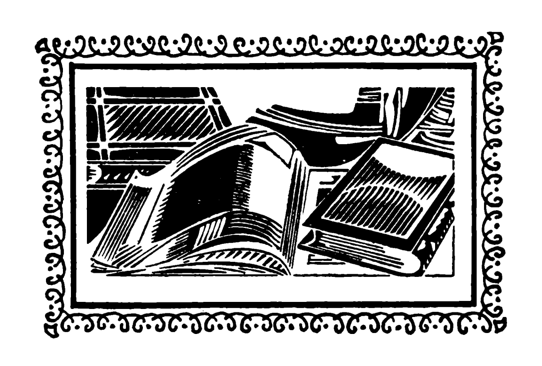
Анна. Типун те на язык, Мавра! Скажу вот Гавриле-то! Он те покажет.

Мавра *(в сторону)*. Те-те-те, на еловом на плоте! *(Старухе.)* Не испужалась я Гаврюшки!

Анна. Вот так не испужалась! От мужнина-то кулака куда бегаешь? «Ущити, бабушка Анна!» Нет того, чтоб ущитилась от долгого-то языка. Ребячьи пути нам неведомы. Кому из них по горам ходить, кому в болоте грузнуть. Гляди-ко баушке услужил, никому не помешал. Из этаких-то большие люди растут.

Ватага подходит к крыльцу, где стоит Строганов.

На первом плане группа пленников, Игнатий и Тимофей.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО П. П. БАЖОВА

(Основные даты)

28 января (н/с) 1879 г.	В Сысертском заводе Екатеринбургского уезда в семье рабочего пудлингово-сварочного цеха родился сын — Павел Петрович Бажов.
1879—1889 гг.	Живет с родителями в Сысерти. В 1889 году заканчивает начальную школу.
1889 г.	Едет учиться в Екатеринбург.
1892—1895 гг.	Семья живет в Полевском заводе. Здесь Бажов впервые слушает сказы Василия Алексеевича Хмелинина.
1889—1893 гг.	Годы учебы в Екатеринбургском духовном училище.
1893—1899 гг.	Годы учебы в Пермской духовной семинарии.

1896 г.	Смерть отца.
1899—1908 гг.	Заканчивает учебу. Работает учителем русского языка, литературы и чистописания.
1905 г.	Принимает участие в городских митингах, собраниях. На одном из митингов в зале Маклецкого знакомится с Яковом Михайловичем Свердловым.
1905 г. июнь—сентябрь	В период забастовки в Сысертском заводе находится в Сысерти. Эти события послужили впоследствии материалом для очерка «К расчету».
1911 г.	Вступает в брак с Валентиной Александровной Иваницкой.
1913 г.	Первое выступление в печати. Напечатана статья «Д. Н. Мамин-Сибиряк как писатель детей».
1914 г. сентябрь — 23 октября	Вместе с семьей переезжает в г. Камышлов Екатеринбургского уезда, где работает учителем русского языка.
1915—1916 гг.	Устанавливает связь с рабочими (впоследствии большевиками) паровозного депо станции Камышлов и рабочими обувной фабрики Алфузова. Наиболее близок с рабочими В. Жуковым, Д. Лещевым, П. Подпориным, Н. Удниковым.
1917 г. март — апрель	С первых дней Февральской революции работает в Комите-

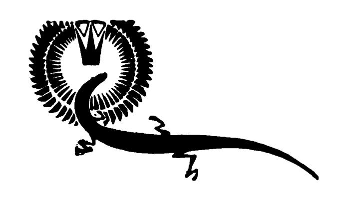
	те общественной безопасности и военной секции. Избран членом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, членом Ревкома.
1918 г. февраль — июль	Работает уездным комиссаром просвещения. Ответственный редактор камышловской газеты «Известия», член эвакуационной комиссии.
1 сентября 1918 г.	Принят в ряды РКП(б).
1918 г. октябрь—декабрь	Вступает добровольцем в Красную Армию и принимает участие в боевых операциях на Уральском фронте. Политработник 29-й дивизии, редактор газеты «Окопная правда», заведующий информацией 29-й дивизии, секретарь партячейки при штабе дивизии.
25 декабря 1918 г.	Во время боев под Пермью попадает в плен. Через некоторое время ему и некоторым товарищам удалось бежать из тюрьмы, пробраться через линию фронта.
1919 г. январь—июнь	С помощью друзей-железнодорожников бежит из занятого колчаковцами Камышлова в Сибирь, сначала в Барабинск, затем в Каинск. Получает место учителя в селе Бергуль Биазинской волости Каинского

	уезда. Участвует в организации начавшегося партизанского движения, устанавливает связь с партизанскими отрядами, оперировавшими в районе Томского урмана.
1919—1921 гг.	Участвует в подпольной деятельности Усть-Каменогорской подпольной большевистской организации. Вместе с отрядом партизан освобождает Усть-Каменогорск от белых. После освобождения — заведующий отделом народного образования, редактор газеты «Известия Уревкома». Семипалатинской губернской конференцией избирается в губком партии.
1921 г. май	Вследствие тяжелого заболевания малярией и по неоднократным просьбам Камышловского исполкома возвращается вместе с семьей в Камышлов, где редактирует газету «Красный путь», орган уездного комитета РКП(б).
1923 г.	Получает назначение в Екатеринбург в «Крестьянскую газету» на должность секретаря редакции, а позже заведующего отделом крестьянских писем.

1924 г.	Вышла из печати первая книга «Уральские были».
1926 г.	Вышла из печати книга «К расчету» о событиях 1905 года в Сысертском заводе.
1928 г.	В «Крестьянской газете» опубликована в нескольких номерах «Потерянная полоса».
1929 г.	В день празднования 10-й годовщины освобождения Урала от Колчака награжден грамотой «Как активный участник в строительстве Красной Армии и Красной Гвардии, как энергичный борец за Урал».
1930 г.	Выходит из печати книга «Пять ступеней коллективизации» и второе издание книги «К расчету».
1931 г.	Назначен редактором Уралгиза и заведующим отделом сельскохозяйственной литературы.
1933 г.	Научный сотрудник Истпарта ВКП(б).
1934 г.	Выходит из печати книга «Бойцы первого призыва».
	Работает редактором отдела производственно - художественной литературы в свердловском отделении Техиздата.
	Делегат I Всесоюзного съезда писателей.
1935 г.	По заданию Гостехлесиздата

	работает над книгой о Краснокамском бумкомбинате.
1936 г.	Написаны первые сказы: «Дорогое имячко», «Про Великого Полоза», «У караулки на Медной горе». Публикации первых сказов. Вышла из печати книга «Формирование на ходу».
1937—1938 гг.	Работает над сказами.
28 января 1939 г.	Общественностью города отмечен юбилей: 60-летие со дня рождения и 25-летие литературной работы. Вышла из печати книга «Малахитовая шкатулка».
1939 г.	Избран ответственным секретарем Свердловского отделения Союза советских писателей.
1940 г.	Вышла из печати книга «Зеленая кобылка».
1941 г.	Оставаясь ответственным секретарем Свердловского отделения СП, назначен главным редактором Свердлоблгосиздата. Ведет большую работу по оказанию помощи эвакуированным писателям.
1942—1950 гг.	Являлся главным редактором журнала «Уральский современник».
1942 г.	В издательстве «Советский писатель» вышел сборник сказов «Малахитовая шкатулка».

1943 г.	Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 19 марта 1943 года присуждена Государственная премия за книгу «Малахитовая шкатулка».
1944 г.	Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в области литературы награжден орденом Ленина.
1946 г.	Избран депутатом Верховного Совета СССР от Красноуфимского избирательного округа.
1947 г.	В издательстве «Советский писатель» вышла первая книга о творчестве П. П. Бажова — автор Л. И. Скорино.
1949 г.	Избран членом президиума Всемирной конференции сторонников мира.
1950 г.	Второй раз избран депутатом Верховного Совета СССР от Красноуфимского избирательного округа.
3 декабря 1950 г.	П. П. Бажов скончался.

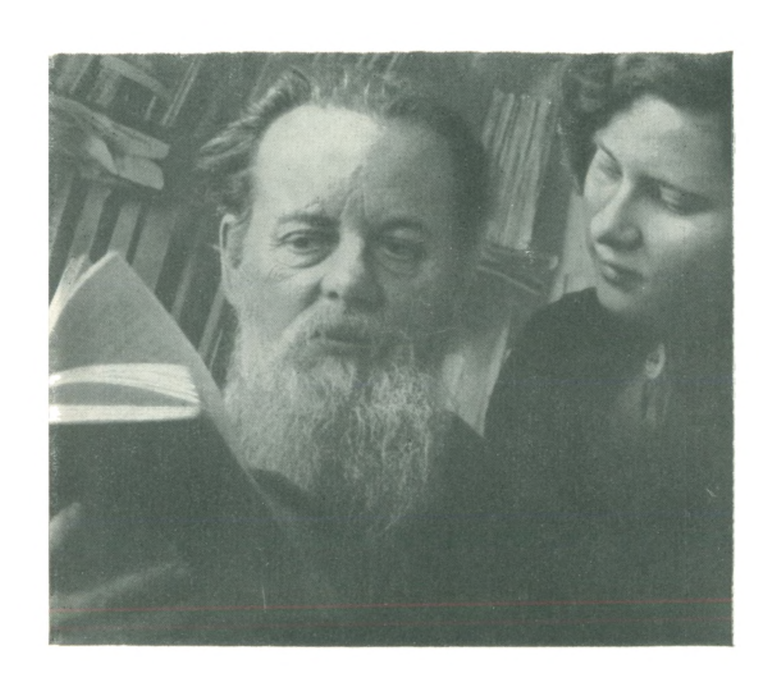

ПРОИЗВЕДЕНИЯ П. П. БАЖОВА, ИЗДАННЫЕ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ (1947—1957 гг.)

«Избранные произведения»	Будапешт, 1949 г.
	Будапешт, 1950 г.
«Зеленая кобылка»	София, 1947 г.
	Прага, 1947 г.
	Будапешт, 1950 г.
	Варшава, 1950 г.
	Братислава, 1950 г.
	Бухарест, 1951 г.
	Варшава, 1952 г.
	Прага, 1953 г.
	Варшава, 1954 г.
	Белград, 1946 г.
«Каменный цветок»	Осло, 1946 г.
	Прага, 1946 г.
	Париж, 1947 г.
	Бухарест, 1947 г.
	Братислава, 1949 г.
	Варшава, 1950 г.
	Прага, 1951 г.

	Токио, 1953 г. Бухарест, 1954 г. Сараево, 1955 г. Берлин, 1957 г.
«Дальнее — близкое»	Прага, 1952 г.
«Живой огонек»	Берлин, 1954 г.
«Малахитовая шкатулка»	Будапешт, 1949 г. Будапешт, 1950 г. Берлин, 1952 г. Варшава, 1951 г. Варшава, 1953 г. Токио, 1953 г.
«Ермаковы лебеди»	София, 1948 г.
«Уральские сказы»	София, 1951 г.

Отдельные сказы на немецком, венгерском, польском, словацком, чешском, болгарском, японском, бирманском и вьетнамском языках.

П. П. Бажов с младшей дочерью Ариадной. 1939 г.

П. Бажов с родителями — Петром Васильевичем и Августой Степановной Бажовыми.

Письмо П. Бажову от родителей. →

Здравствуй Папа
Желаю быть здоровымъ
и всево хорошего Мы
слава Богу здоровы. На
Верхнемъ живемъ ужъ
двѣ недѣли въ доме
гдѣ жилъ Павелъ Ва-
сильевичъ а они переѣха-
ли въ Сысерть въ церков-
ную улицу въ домъ Ка-
дочникова. Жалованье
отцу пока тоже до Рож-
дества перевозку приня-
ли наказенной счетъ
просилъ управляющева

Здраствуй Тайне приветъ посылаемъ [illegible]
[illegible]

Места, где прошло детство П. П. Бажова.

Шанут-камень, одна из достопримечательностей Урала.

П. П. Бажов — начинающий учитель.

П. П. Бажов с женой Валентиной Александровной. 1911 г.→

Дом в Усть-Каменогорске, где жила семья П. П. Бажова.

П. П. Бажов в годы гражданской войны. 1918 г.

ВОТ ЭТО НАША ГАЗЕТА!
УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА
ЖЕЛЕЗНОЙ МЕТЛОЙ
КОЛОС
По Уралу
ОБЛАСТНАЯ „КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“
Издание Уральского Областного Комитета
Российской Коммунистической партии (большевиков).
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1926 ГОД
Газета, как и прежде, будет выходить два раза в неделю в размере восьми больших страниц. Каждому подписчику ежемесячно высылаются бесплатно два приложения: 1) „Крестьянский справочник“ и 2) книжечка по Сельскому Хозяйству или какому либо другому вопросу, наиболее интересному для деревни.
„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“ знакомит крестьян со всеми новыми декретами и распоряжениями Советской Власти.
„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“ отвечает на любой вопрос крестьян.
В „КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЕ“ пишется просто и понятно.
„КРЕСТЬЯНСКУЮ ГАЗЕТУ“ читают сейчас 150 тысяч Уральских крестьян.
В „КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЕ“ пишут лучшие агрономы, передовые крестьяне и руководители центральных и областных учреждений.
„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“ в курсе всех событий. Читая ее, каждый крестьянин будет знать, что творится на белом свете, какие события происходят за Советским рубежом, по Союзу Советских Республик и в нашей Уральской Области.
Четыре раза в году „Крестьянская Газета“ устраивает бесплатные лотереи (розыгрыши) с ценнейшими выигрышами. В лотереях участвуют все шестимесячные и годовые подписчики.
Подписная плата установлена такая:
На один месяц . . . 25 коп. На шесть месяцев . . 1 р. 35 коп.
На три месяца . . . 70 коп. На год . . . . 2 р. 60 коп.
Подписка принимается во всех почтовых отделениях, у работников кольцевой почты, агентов „Крестьянской газеты“ и прямо в редакции.
Аккуратная и своевременная доставка газеты подписчикам обеспечена, так как редакция назначила несколько контролеров.
С ноября месяца, в качестве платного приложения к газете, начинает выходить большой интересный ежемесячный Крестьянский журнал „КОЛОС“. Главные отделы журнала „Сам себе агроном“, „Крестьянский университет на дому“, „По Советскому Уралу“ и другие. В каждом номере журнала будет печататься очень много картинок.
Подписная плата на „КОЛОС“
Для подписчиков „Крестьянской Газеты“ . . . 30 коп. в месяц.
Для всех остальных . . . 35 коп. в месяц.
Адрес редакции: Свердловск, „Крестьянская Газета“.
Адрес конторы (куда слать подписку, объявления, жалобы на плохую доставку и просьбы о перемене адреса): Свердловск, угол улицы Вайнера и улицы Малышева, Газетный Отдел.
А. Парамонов 26.

П. П. Бажов в редакции «Крестьянской газеты». 1926 г.

←Объявление о приеме подписки на «Крестьянскую газету». 1926 г.

П. П. Бажов беседует с селькорами.

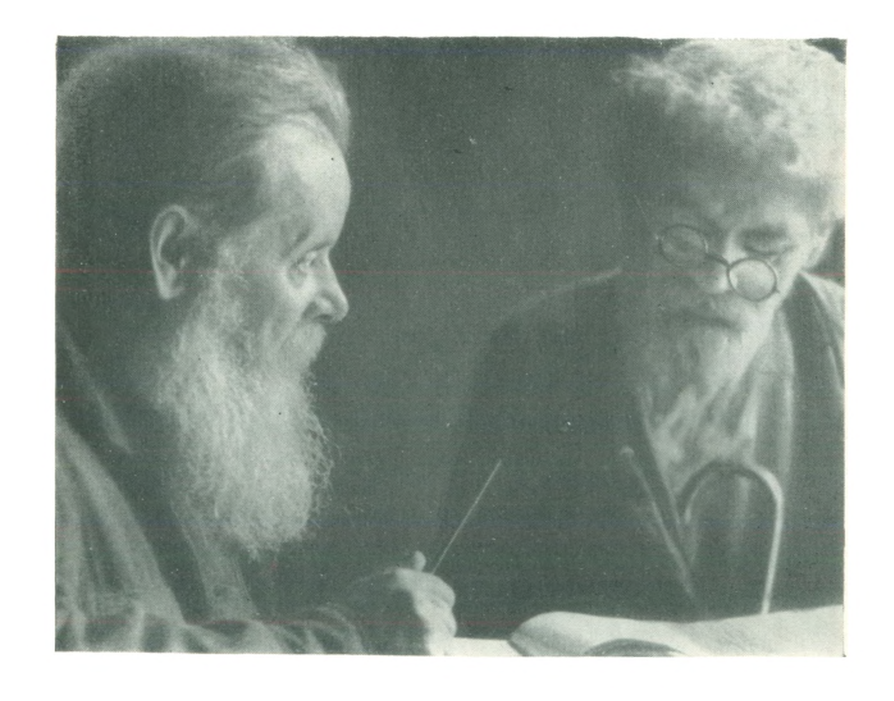

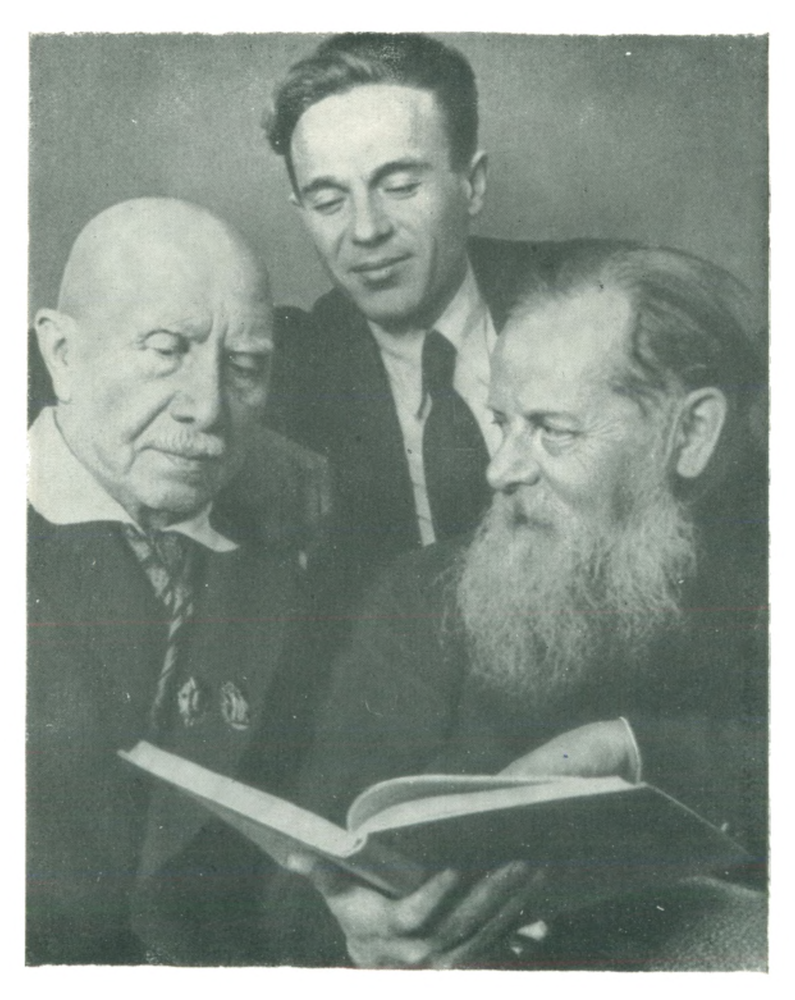
Семья Бажовых. 1930 год.

Сотрудники «Крестьянской газеты», среди них П. П. Бажов, сопровождают Д. Бедного в его поездке по Уралу. 1926 г.

П. П. Бажов в Косом Бору беседует со старателем. 1939 г.

Встреча А. С. Серафимовича и П. П. Бажова в Свердловске.

П. П. Бажов беседует с К. М. Симоновым, С. В. Михалковым и А. И. Роскиным в Свердловске.

Друзья поздравляют с выходом «Малахитовой шкатулки».

П. П. Бажов и Е. А. Пермяк.

П. П. Бажов и Л. И. Скорино, автор первой книги о писателе.

П. П. Бажов среди писателей Урала.

Чествование П. П. Бажова по случаю 70-летия со дня рождения. Юбиляра приветствует делегация Уралмаша.

Большая дружба связывала П. П. Бажова и маршала Г. К. Жукова. 1950 г.

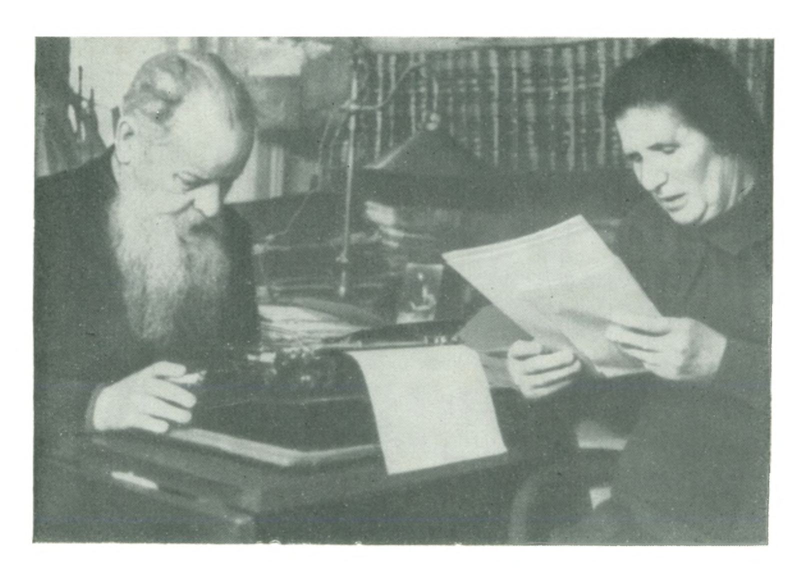
Б. Н. Полевой с супругой и фотокорреспондент И. Н. Тюфяков в гостях у В. А. и П. П. Бажовых.

Депутаты Верховного Совета — писатели В. Василевская, А. Корнейчук и П. Бажов. 1950 г.

Дом в Свердловске, где жил П. П. Бажов. Теперь здесь музей писателя.

В. А. и П. П. Бажовы.

П. П. Бажов в кругу семьи.

Заготовка дров — и работа, и отдых.

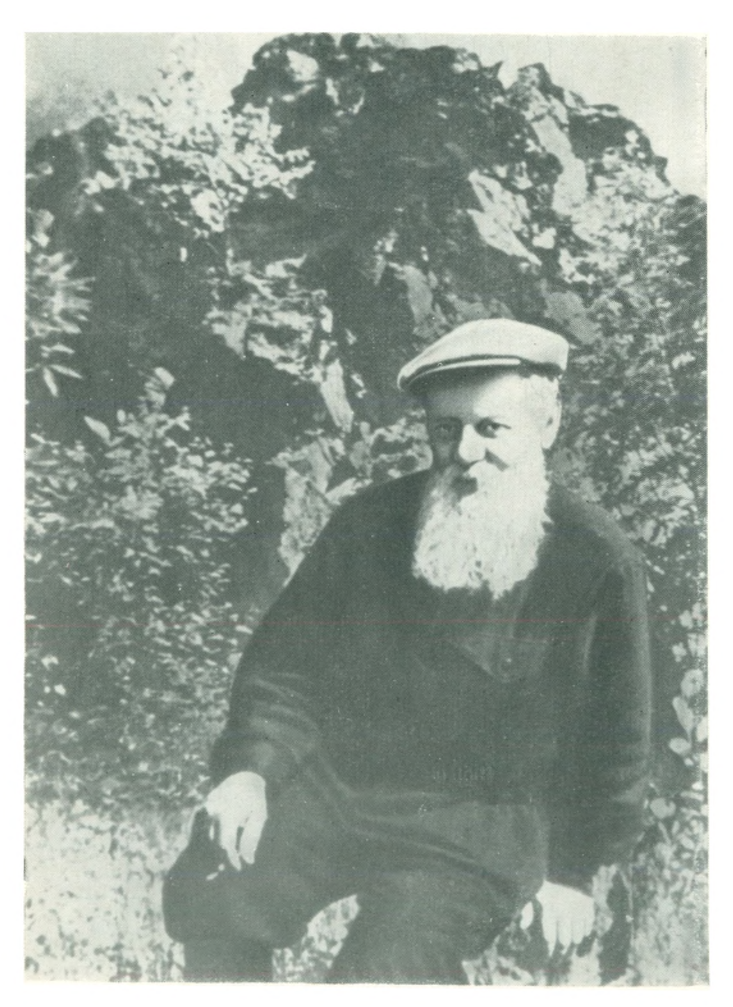
←П. П. Бажов с внуками.

П. П. Бажов. 1950 г.

←На любимой скамейке.

У подножья Азов-горы.

СОДЕРЖАНИЕ

Ариадна Павловна Бажова-Гайдар

ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ

Редактор **И. В. Стабникова**
Художник **А. Я. Салтанов**
Художественный редактор **В. В. Щукина**
Технический редактор **И. И. Капитонова**
Корректор **Н. Д. Бучарова**

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

ИБ № 911

Сдано в набор 4/I-78 г. Подп. к печ. 5/IX-78 г. Формат бум. 70×108 1/32. Физ. п. л. 6,0+17 вкл. Усл.-п. л. 9,89. Уч.-изд. л. 9,29. Изд. инд. ХД-106. А05743. Тираж 75 000 экз. Цена 85 коп. Бум. № 1 типогр. Заказ № 1068.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

